

журнал

Опустошитель

#1. Сумасшествие

666

Abraxas

Mindless art group

Шарлотта Бурилли

Миша Вербицкий

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

Станислав Курашев

Алексей Лапшин

Луи-Фердинанд Селин

Тимофей Хохлов

Номер издан при поддержке Александра Донова.

Москва

май 2010

Вступление

[1]

В вагон метро заходит низкий мужчина сорока пяти лет в голубой куртке и серых брюках, будто только с гладильной доски матери. По полу катается пустая пивная банка. Мужчина нагибается и поднимает ее. Затем подходит к открытым дверям и замирает.

Он ждет закрытия дверей, а когда это происходит - двери начинают закрываться, вышвыривает банку на перрон. Тучный подземный милиционер в серой униформе поворачивается физиономию на жестяной шум, недоумевая откуда взялась банка.

Он так и стоит с потерянным видом. Поезд трогается, милиционер наконец разгадывает причину появления пивной банки и следит взглядом за вагоном с мужчиной в голубой куртке. Медленно поворачивает жирную физиономию, провожая уходящий вагон.

Мужчина в выглаженных брюках идет по вагону. Его лицо сосредоточено. Он заглядывает в углы и за ноги сидящих пассажиров. Ищет пивные банки чтобы... да, да – чтобы выбросить их на перрон, когда поезд снова остановится.

Это вам не маменькин сынок, это – Опустошитель. Как и наш журнал. Читайте его.

[2]

Поднявшись на улицу, я сажусь в маршруту, идущую к моему дому. Кроме меня, в длинном салоне Mercedes всего пять человек. У зашедшего последним юноши нет мелких купюр, у водителя нет сдачи.

Mercedes трогается с места, но проезжает от силы метров пятнадцать. Водитель говорит юноше, чтобы разменял купюру в ларьке. Тот выходит из маршрутки. Водитель ждет несколько секунд, ровно столько, чтобы юноша успел дойти до ларька, и уезжает.

Все, кроме меня, выходят раньше конечной остановки. До дома я добираюсь единственным пассажиром. Mercedes останавливается на небольшой площади. Я пробираюсь по всему салону и выхожу на улицу, так и не заплатив за проезд.

У меня нет с собой денег. Но даже если б они были, я все равно не отдал бы их водителю, так некрасиво поступившему с юношей у метро.

Этот водитель – Опустошитель. Как наш журнал. Читайте первый номер.

МИКРО

Нарезка avisual

Атетоз

Миша живёт в интернате для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. У него – атетоз, этот диагноз я вычитала из его стихов, возможно, он неточен.

АТЕТОЗ

Она так звонко засмеялась
При виде атетоза моего....

...Нет ее! Нет атетоза!
Я просто сотрясаюсь
От смеха, смеха
и только от него.

...И смех астральной забывки
Жемчужным эхом одарит

Атетоз (от греч. Athetos - неустойчивый), произвольные стереотипные движения вследствие медленных тонических сокращений мышц при поражении подкорковых отделов головного мозга; вид гиперкинеза.

Страшная история перерастает в ужасный кошмар

Это случается так: из тебя берут пункцию, отделяют костяной мозг, костяной мозг самый правдивый, его заворачивают в один целлофан. В другой целлофан заворачивают кишки и железы, раскладывают по коробочкам, это лучше чем полное уничто-

жение, потому что каждая часть мучается по отдельности и мы все вместе можем наблюдать горы и вершины, нам страшно, нас нет.

Хочешь закричать что всё неправда но это неправда, неправда не всё.

на чердаке дома в большом железном тазу лежит тело старика, с которого счистили кожу. то есть скелет, внутри которого сохранены все органы. он живой. у него отрублены кисти рук.

вбегает очень резкий человек, который его там и держит. в углу стоит зеркало. он подходит к телу, поднимает его за голову и целует. отпускает, подходит к зеркалу. я вижу, что у него во рту блестит темно-красная чуть свернувшаяся кровь скелета. она нужна ему. скелет молча ложится вниз лицом, помогая себе обрубками рук. человек говорит ему: "только не пачкай кровью". я вижу гнилые влажные серо-голубые ткани на костях черепа. он лежит так целыми днями, пока его хозяин не придет, чтобы взять немного крови.

Рядовое убийство

Все началось с «рядового» убийства в районе Квинс в Нью-Йорке. Тридцатилетняя женщина, Кэтрин Дженовезе, была убита поздно ночью в марте 1964 года на своей улице, когда возвращалась домой с работы. Кэтрин Дженовезе умерла не быстрой смертью. Это была долгая, мучительная публичная смерть. Убийца гонялся за ней и атаковал ее на улице трижды. Все это время Кэтрин громко кричала, пока бандитский нож не заставил ее замолчать навсегда. Невероятно, но тридцать восемь ее соседей наблюдали из своих окон, как разворачивались события, и никто даже пальцем не пошевелил, чтобы позвонить в полицию.

Дважды звуки голосов и внезапное появление света в окнах спален вынуждали убийцу на время затаиться. Но каждый раз он возвращался, находил свою жертву и наносил ей очередной удар ножом.

Только один свидетель позвонил после того, как женщина была уже убита.

Случай с сумкой

Один человек зашел в супермаркет. В зал его просто так не пустили, пришлось оставить сумку в камере хранения. Он купил кое-какие продукты, расплатился, забрал сумку и ушел домой, неся продукты в руках.

Через несколько часов ему понадобилось что-то взять в сумке, и он обнаружил в ней позеленевший труп замученной кошки. Человек сел на корточки.

Дотрагиваться до кошки ему было неприятно. Он только думал, если бы я нашел в сумке не эту кошку, а, например, фиолетовое платье ко дню рождения мамы, или собрание фильмов Федерико Феллини.

Но нет, только кошка. Сидя на корточках, человек плакал.

Я занимаюсь сексом со своими волосами

каждый день... каждое утро я занимаюсь сексом со своими волосами на голове... они довольно короткие, но это вовсе не значит, что с ними очень легко... ежесекундно я пытаюсь удовлетворить их различными твердыми и жидкими средствами, я включаю для них музыку, мелодично льющуюся из колонок магнитолы, и пытаюсь сделать всё от меня зависящее... какой неописуемый восторг я испытываю, когда наш секс заканчивается оргазмом с обеих сторон и длительность его составляет весь день, и какое ж мерзкое у меня состояние, когда паршивая влажность/дождь/(в прошлом) снег/случайно вылитая из ведра на голову вода резко и бестактно прерывают мой оргазм... ненавижу погодные замашки.

История о человеке, который, разглядывая себя в зеркале, вдруг обнаруживает, что состоит из букв: его туловище, руки,

глаза, лицо, волосы оказываются, если приглядеться, ничем иным, как скоплениями букв, составляющих, если вглядеться еще внимательнее, связный текст, - текст настолько захватывающий, что он не может оторваться от чтения до самой финальной точки (расположенной где-то в области мизинца левой ноги) и, дойдя до нее, немедленно умирает.

История о другом человеке, который при сходных обстоятельствах успевает продолжить повествование, каковому занятию он, дабы остаться в живых, вынужден предаваться и по сей день.

Хирург. Однажды, разрезав человека, он обнаруживает во чреве послание.

Явление брата

Я расскажу правду.

У сослуживицы моей троюродной сестры есть тётя. У тёти - муж 60 лет. И вот у них в семье стали твориться какие-то неурядицы, пожары и т.д. Они обанкротились. Всё это повлекло за собой стрессы, и у мужа стал расти живот. Он вырос на 33 кг.

Врачи определили, что нужно резать. В животе была обнаружена начинающая развиваться матка, и в плаценте было найдено живое существо без ушей и глаз. Оно было с четырьмя лапами, волосатое и когтистое. И оно было адаптировано к стоянию на четвереньках.

Есть предположения, что это брат мужа тети, его близнец. Т.е., когда они оба вынашивались в теле матери, то один из них, а именно - когтистый, проник в тело еще не рожденного мужа тети, и поселился там.

Стрессы же повлияли на развитие стволовых клеток в теле мужа тети, и это все привело к такой специфической беременности шестидесятилетнего мужчины.

Извлеченного из его живота брата заморозили, а родившему его мужчине не рассказали эту историю, чтобы он не сошел с ума.

Зато рассказали мне, и то под великим секретом.

Вариант №3 ответа №1

Девушка просыпается утром и рассказывает друзьям свой сон. Ей приснилось, будто бы в полдень наступившего дня какой-то абсолютно незнакомый, странный человек выпрыгнет из окна самого высокого здания в городе. Друзья смеются над ней, но для интереса предлагают всё же пойти и посмотреть, а вдруг и правда что-то произойдёт. К двенадцати часам все собираются на площади около самого высокого здания в городе. Ровно в полдень окно на одном из верхних этажей разбивается – вниз падает человек. Все устремляются к упавшему телу. Человек при смерти, он проводит глазами по шокированной толпе вокруг него. Остановившись взглядом на девушке, он улыбается и говорит: Чего ты испугалась, это же просто твой сон...

Сосед, старик, бледный от близкой смерти, с расплывшимися зрачками за стеклами толстых очков, с трясущимися руками трупного цвета, приходит и говорит, что он смазал подъездную дверь маслом, чтобы она не скрипела. Она визжала так, что ночью будила весь первый этаж. Старик принес банку с остатками масла, показал на ней название и марку, вытащил чек. Он купил это масло за свой счет и смазал дверь подъезда. Теперь он собирает с жильцов этажа деньги по этому чеку, со всех поровну. У него маленькая пенсия. За работу ему платить не надо, только по чеку. Старик протягивает мне чек, но я не беру его. Наверное, там смехотворно маленькая сумма.

Эпистолярный роман

"Я не пойду. Прощайте все. Я утоплюсь в бассейне. Ваш Александр"

"Дорогая, если ты меня не любишь, я устроил тут погром. Твой Александр"

"Александр, по-настоящему я тебя так любила! Но ты устроил тут погром, и я тебя больше не люблю. Полина"

"Не пытайся открыть, я заперся изнутри. Александр"

"Эпистолярный жанр - литературные произведения, состоящие только из писем"

"Передайте мне еды в этой коробке. Ал."

"Нет, я не дам тебе еды, спускайся сам. Полина"

"Я устрою погром, если не дашь. Александр"

"Если ты устроишь погром, то я позову милицию и свою маму. И тебя выгонят. Полина"

"Я сейчас поднимусь к тебе. Полина"

"Я тебя жду. Александр"

"Я обязуюсь выйти замуж за Александра в течение трех дней."

Подпись: Полина"

"Прости, Александр, но я никогда не выйду замуж насильно."

Пожалуйста, не ищи меня. Полина"

"Милый Александр, прости меня, но я тебя не люблю, Полина"

"Милая Юлечка! Я не могу так выдержать. Наша прежняя с Полиной любовь не дает мне покоя. Я уезжаю в Швецию. Александр. P.S. Приезжай ко мне"

"Полина! Если ты меня не простишь и не полюбишь, я украду что-нибудь и спрячу у тебя в доме и тебя арестуют. Александр"

Ужас превращения в еврея

В дурдоме лежит мужчина лет 30 с диагнозом шизофрения, с сильновыраженным бредом преследования.

Содержание бреда таково: его отслеживают и хотят убить его же друзья и члены семьи за то, что он постепенно превращается в еврея. Он стал замечать, что у него темнеют волосы и глаза, растёт нос и меняется характер в сторону подлости и жадности. Он хотел лечиться, чтобы не превратиться в еврея окончательно, но к врачу идти побоялся - врач может оказаться евреем и лечить его специально наоборот - в сторону еврея. Короче, не-

пьющий человек продал всё в доме, половину всего подарил соседям (чтобы не подумали, что он жадный как еврей), а на вторую половину стал пить, чтобы не евреизироваться окончательно, так как евреи не пьют. Но ничего не помогло, процесс превращения продолжался, окружающие стали замечать, что он уже почти еврей, и теперь все хотят его за это убить.

Но я уже имел опыт приобретения по Интернету детской коляски, которая прибыла, хоть и в упаковке, но с грязью на колесах и с вложенным внутрь гневным обращением покупательницы в магазин, что во время прогулки коляска внезапно сложилась и ребенка выбросило на тротуар. Женщине, похоже, сделали замену, а злополучную коляску отправили по моему адресу.

Чесотка - одно из самых распространённых в тюрьме заболеваний.

Больные чесоткой заключённые далеко не всегда получают от врачей спасительную мазь. Некоторые пытаются вылечиться подручными средствами. Но многие эски рады чесотке и отказываются от лечения. Заразная болезнь защищает от изнасилования.

Чесоткой чаще болевают люди с бледным цветом кожи. Клещу легче вонзиться в более тонкий и нежный кожный покров.

Эта болезнь настигает человека внезапно. После инкубационного периода симптомы проявляются во всей силе. Больной не забудет первые дни своей чесотки!

Больной чесоткой время от времени расчёсывает. Но кожа требует, чтобы её чесали без перерыва!

Чесотка - унижительная болезнь. Зуд заставляет человека чесаться на людях. Больной замечает на лицах окружающих брезгливость, но не может удержаться. Ему очень хочется чесаться.

Использованы тексты авторов Ольга Мартыненко, Екатерина Шварцбраун, Софья Хаустдинова, Роберт Чалдини, Вадим Климов, yuki_nya, rippenbiest, Марина Попова, leda_barhatnaya, zwerghindi, Маргарита Кривченко, sandy_martin, fainshtein, Андрей Мальгин, Елена Затковецкая.

666¹
Стихи

Ты не скучай, ты побольше всего качай. Слова - как о стену горошины, в пустоту брошены, как в очаг, и плодятся как мухи, как саранча, в них нет ничего хорошего, но ты всё равно качай. И продолжай, читай. Свети, оплачивай их счета, ведь знаки живут не сами: мы их кормим собой, часами, они живым не чаи и не меняются ни черта, им не лечь белыми волосами туда где финишная черта. Ты узнавай, расти. Как плоть на твоей кости, слова образуют кокон, в котором смеётся бог, он, когда твой день позади, тихонько просит: пусти, вон за окном дорога, и ты отдаёшь ей стих. И помни, не забывай. Садясь, например, в трамвай, отроешь какую книжицу, и чувствуешь, будто движешься сквозь их дурацкий май. Ты все их в себе храни. Слова не живут, они совсем как кусты, корнями елозят в огромной яме, куда побросали дни. И погружайся, дальше. В пространстве словесной фальши неверно всё, что ты скажешь, и никому ничего не докажешь, как вишенкой плавать в каше. Ты делай себя из них. Казалось бы, смысл возник, но слышишь скрежет? Возможно, режет корову её мясник. Ты не забывай слова. Собака мертвее льва. В букварь заползает Аз. Что кроме них у нас? Что в сердце дрожит иглой, холодной щемящей иглой, и будто снится, к огням станицы приблизился волчий вой. Слова ли ведут в овраг? Словами ли скажешь "враг"? Словами ли скажешь "друг"? А прикосновенья рук?

¹ Автор выразил сомнение в целесообразности использования имен. Мы публикуем его стихи под псевдонимом на LJ.Rossia.org.

И почему тогда: года, города, всегда, мы теряя надежду, так и кружимся между какими-то нет и да.

вслед за стаей облезлых дворовых псин катится солнечный апельсин. в голове свежее выжато. боль в локте. черепки склеены, побыв нигде - там, где нету ни того ни этого, где скользят старушки из лета в лето и тесто шипит, положась на противень, а потом - объедки в водовороте, я

знаю о нигде - из улыбки прохожего, из вкуса висящих ледяных языков, потому что и сам состою из кожи, воды, хрящей и мясных кусков, и лежу рядом с городским пейзажем, как рваная купюра в опустевшем кейсе,

и ловлю глазами источник фарша, достигая однородности месива

мы превращаемся в пауков
нервные жгутики тянем-потянем
липкая мякоть, укол, укол,
инопланетяне

моя бабушка добывала нефть
безумие жило в её глазах
не дашь колокольчиком позвенеть?
теперь я всё узнал сам

и стал как лиса, не быстр,
а себе на уме, словно не я живу
как набухшая клякса или истощный визг
или пуля застрявшая в свином жиру

зачем ты неровностями письма
измучал бумажное вымя?
ты или дебил, или сходи с ума
ишь, середину огрызка выел

прилечь на скрипящий металл кровати
оттянуть прозрачные паутинки-жилы
и оторвать их
чтоб с хрипом вылезло вон и жило

Я скользнул в чью-то тень по банановой коже - целый день ходят голые там по адской жаре. У них склизкие головы, они выплавляют из руд группу риска, как ириска в их чёрном рту изумруд, а станешь близко - с визгом они тебя изорвут. Я скользнул в чей-то выдох, в старый усталый вздох - до луны недовыто миллионов сто километров рулонов мягкого полотенца. А в раю ходят девственницы и никуда не деться. Кто-то крутит нас словно радиоприёмник, сломанный ударами и осколками бомбы, впечатывающими в грудь треугольники металла. Сидя на подоконнике, печатаю это устало, зная, что спать пор, с утра еда и раб ота, но тени водят парад, а с тенями сложно быть подлым, и я забываю о подлости. Шуршат крылья реликтов. В пыльной затылочной области - клёкот солнечных бликов. Вспоминаю, проваливаюсь в неуклюжие бездны, где шеелятся пальцы, кусочки ваты и лезвия, где мы ни в чем не виноваты, но кричать бесполезно, а молчать глупо. Где картонные губы и усталость металла, и трещины из трупов ползущие по литаврам, где в пальцах безумия мнётся спящая нерпа, а вода из колодца смотрит в глубокое небо. Это внутри, как грифель в карандаше, это как уголь у микрофона в сердце, в который личико из папье-маше прошептало: прости, и теперь уже не надейся. Не надейся, что зелёной будет трава. Мимо мёртвой собаки тихо пройдёт караван. Чёрная неба плоть сняла медальон луны и пытается уколоть, заблудить, увести в холмы. Теперь всё - лишь тень, система координат. Лабиринты стен станут твой милый дом. Это была не просто ещё стена, не просто песчинка в вершине железных тонн, теперь не выйти, чёрточка - значит дверь, а в лабиринте - лев, и змея, и вепрь, и ускользает нить, оставляя шов. Теперь не выйти, куда бы ты ни пошёл. Рамка прижала к стенам простой пейзаж: речка и горы, лес, на опушке - люд. Кого-то хоронят, и кажется, снова заживо. И хорошо, что плачут, а не плюют.

Нас ждёт дно и каменная кровать, остаётся выть или бунтовать - так давай по плиткам ходить конём, в темноту хоботки свои окунём, буду дед я, а ты будь моя старуха, мы отрежем себе по кусочку уха, мы нацелим бельма на яркий свет, и - на старт, внимание! - Впрочем, нет. А давай в подвале стучать по трубам, и молчать в металлический гладкий рупор. Извлекать пинцетом засор из памяти, извиваться, плакать, скользить и лаять, и если кто-нибудь будет против - молотком внезапно его по морде, потому что дождь - это свежесть, черви, отражения в лужах, шаги вечерние, потому что смысла ни в чём не боле, чем в застывших камнях - скульптурной боли, потому что мост над рекой в тумане, и ещё эта бездна висит над нами. Мы застывшие очертанья крика, словно волны и солнечный танец бликов, мы с тобой индейцы, мы инки, майя, а теперь кивни мне, всё понимая.

Под окошком шагают седые псы - щекастым жёнам молоко несут. Спины их стройны, а ещё усы, и если пол дрожит, это их зуд. Под окошком девы крошки роняют, и стайки чирикающих воробьёв. На углу - кабак и свинья в кляре, за углом - кто-то кого-то бьёт.

Всё не так. Псы - не молоко, водку; жёны - на кухнях фаршируют перец. Спины псов сутулы, усы - короткие, на полу - сквозняк, по ногам стелется. Под окном старухи чавкают и бубнят. Три воробья спрятались за травой. На углу - ресторан, а следы огня - на дверях с надписью "идёт ремонт".

Всё равно не так. Под окном - псы: лают, едут, проходят, иногда говорят по телефону с женой, а потом с сыном. Пол холодный, как утренний звукоряд. Под окном дети пинают усталый мяч, словно голову учительницы по химии. Чуть дальше на фонарях запятые маячат - птицы, выкрикивающие чьё-то имя.

Уже ближе. Под окнами течёт река: лающая, серая, огоньки у каждого - сигареты, тлеющие в руках. На стекле - пыль грифельно-карандашная. Река схлынет под утро: собачий вой, и выкатившийся откуда-то синий мяч. На углу повар выплёскивает ведро, целя в ворон на высоковольтных мачтах.

Ещё ближе: на улице - каракатица: двухметровая, серая, шевелится подкожно. К ней, как бабочки, липнут цветные платяца и холодные, словно стена, прохожие. На улицу из окна ресторана смотрят, доедая свинью в кисло-сладком соусе, люди, сидящие то по два, то по три и салфетками медленно по улыбкам возят.

Под окошком - серое, ползёт и клубится. Огненный шар чертит дугу по экрану. Ступням холодно, словно пол это пицца, выброшенная из китайского ресторана, с вкусом высохших хлебных ломтиков. Мелькают лица: дети, усы, щёки, сигареты, мячи, велосипеды, зонтики, кто-то средним и большим пальцем щёлкает,

и вот я по улице шагаю бодро, кровеносным тельцем в людских потоках. Вон, в доме напротив, из окна смотрит фиолетово-чёрное пустое око. Вон фонари с птицами, слышно их - еле-еле, вот и кабак с вывеской на углу. Свинью заказываю в соусе карамельном, взгляд официантки безнадежно глуп.

На улице - люди, идут по домам устало, в белых пакетах тихонько еду несут. Всё же они не пыль, а скорей суставы - это становится видно в окно отсюда. Там ещё мячик синий куда-то катится, люди за столиками - по три, по четыре, по два. На кухне - маленькие злые китайцы и свинья, убитая в конце того года.

Всё не так. Помещение - куб, не пуст, квадрат стола и чай, который уже остыл. На стекле блеск усталой звезды, хоботки уст выдыхают табачный дым. Фигура официантки податлива и мягка. Кусочки свиньи становятся часть меня. Люди текут по улице, а я икаю, и улица змеится в городских камнях.

На углу фонарь, на фонаре вороньё. Я выхожу на улицу, чуть кружась. Вдалеке гроза слёзы на город льёт. В доме напротив

грустно играет джаз. Каждый из нас каное, река, окно, каждый из нас тень, и ещё тритон. Вечером прячемся в ил, и идём на дно, и что-то беззвучно шепчем, как рыбы ртом.

- Как бы отсюда съехать? - на острове думали зайцы. - Эй, зайцы, айда кататься, - из лодки кричал Мазай, - я вам могу поклясться, - так обещал он зайцам, - на берег вас всех доставлю, давай уже, залезай. Зайцы смотрели робко, Мазай поводил вёслами, вода достигала кромки, зайцы сжимались в ком. Тут прямо за лодкой вынырнув, фиолетовый зайчик Элингген Мазая позвав по имени, бил в висок его молотком. И сбрасывал в воду тело, и всё-ла схватив умело он, плыл вдаль в направлении северном, безудержно хохоча. А зайцы, такие белые, смотрели на воду талую, на холодную воду талую, подбиравшуюся к плечам.

Тимофей Хохлов фаворит лиги сломанных кукол

я завожу будильник на полвторого ночи, будильник заводит меня на полседьмого утра, уже совместно, старательно поскрипывая пружинами, мы заводим кого-то в туалет и расстреливаем из бледно-синих змеиных винтовок. о, моя Трансильвания всегда со мной. что мне делать в этом мире? стены обваливаются, я всё время просыпаюсь от яркого света, декорации, декоративные люди, бумажные самолёты, разрисованные гуашью, вместо потолка - зияющая дыра, в тёмном небе — огромные глаза индейца, всё время смотрящего куда-то мимо меня. дни состоят из цифр-близнецов. куда бы я ни пошёл, в конце концов меня встречают две совершенно одинаковые вежливые цифры, берут под руки и отводят в участок. в участке я заполняю множество странных бумаг, придумываю причины своей смерти, и даже — причины своей жизни, меня допрашивают с пристрастием, затем по-доброму, потом просто угрожают всадить в грудь осиновый кол.

наконец меня выбрасывают из окна третьего этажа, словно ненужную куклу. я медленно ухожу сначала на северо-восток, затем на юго-запад, замечая следы. в мастерской Джо меня перевязывают изолентой, скотчем, замазывают пластилином особенно искаленные места. Джо похлопывает меня по плечу, шурится, желает приятно провести ночь. показывает потайной ход. я возвращаюсь в свой разрушенный дом в центре города, поднимаюсь на пятый этаж, завожу будильник.. а затем мне снятся меняющиеся пластинки, неуловимая музыка патефона, нулевой дождь, шуршание, скрип иглы, вечное шуршание.

бутерброд Мёбиуса

ночью Макс питается удобными бутербродами Мёбиуса. на изготовление одного бутерброда уходит несколько недель, но эксперименты, проведённые в условиях невесомости ясно показывают, что Макс прав. в чём именно он прав, естественно никому не известно, но зато вопрос о том, какой стороной упадёт бутерброд Мёбиуса – теперь, после всех этих грандиозных событий - приземлённо глуп. интересен другой вопрос – в какую метagalктику перемещается человек, съевший двенадцать бутербродов Мёбиуса, и возможно ли возвращение к исходной точке бутербродного путешествия? перед очередным метафизическим поглощением хлебного мякиша, сияющего сливочным маслом, Максу является его любимая галлюцинация – сантехник Бирюков, в брюках исполненных радужных пятен. Бирюков пристально смотрит на Макса, рассеянно трансформируя в руках гаечный ключ в скрипичный и наоборот. как правило Бирюков настроен психоделически, подыгрывает себе на банджо, имитирует звуки, издаваемые парящим в пустоте околоземного пространства напильником. иногда Бирюков печален, особенно в своей разрисованной жёлтыми и чёрными полосами кислородной маске. тогда телогрейка его мрачно топорщится синим мехом. стороннему наблюдателю, например жене Макса – кажется, будто бы тот увеличивается в размерах, или даже как бы начинает змееподобно раскачиваться в подобные трансцендентальные моменты его бытия. собутыльнику Сергею Макс является обычным зелёным двухголовым карликом, особенно, когда бутерброд Мёбиуса по-

глощён ещё только наполовину, а Бирюков уже приступил к очередному сверлению воображаемой водопроводной трубы. диспетчеру местной городской телефонной станции Макс является во сне прозрачной девушкой с янтарными волосами, плывущей по тёмной воде телефонной реки между отражениями шести лун. Макс разнообразен и вездесущ, ибо он – рационализатор. он ко многим вещам подходит с одной стороны. Макс сам постепенно становится бутербродом Мёбиуса.

Abraxas

По-моему, я был влюблен

Все дело в том, что у младшей начались приступы: беснуется, бьется в истерике; беру ее на руки, несу в библиотеку. Книги на полках расположены так, что по названиям на корешках можно понять их общую суть - самый большой шкаф отведен под Ницше, - я заметил, что она успокаивается именно рядом с этим шкафом, один раз уложил на диван и начал обкладывать ее, как горчичниками, книгами Ницше... Потом обнаружил, что суть не в книгах как таковых, а в многочисленных записках внутри, конфетных фантиках, билетах в цирк и кино... Но что же за приступы? Конечно, она мутировала.

Первым делом начали расти зубы, я уже обо всем догадывался: она хотела, чтобы я тоже стал таким. Я убил ее? Не помню, как все произошло. Мы приехали хоронить ее на дачу, вырыли на грядке углубление, она лежала в нем, рыжие волосы чуть присыпаны землей. Когда стали засыпать, она ожила, мать плакала от счастья, а мы с сестрой понимали - это провал. Мы были бесильны, потом начала оборачиваться старшая. Я построил стеклянный саркофаг, где закрыл младшую, она уже не была похожа на человека, даже пол нельзя было определить... Придавил ее крышкой, ворочалась там как большой гнойный червь, когда они похожи на людей, женщин - эрекция происходит сама собой, и это ужасно - спать с ними, понимая, что внутри спит это...

Хотелось спасти старшую, по-моему, я был влюблен, не хотел терять. Ницше не помогал, переворошил всю библиотеку,

ничего не получалось, никакие комбинации билетов не срабатывали. Она сама понимала, что ее ждет, и старалась не показывать, мамаша к тому времени спятила, - без конца мыла все, что попадется под руку, лишь разводя грязь. Приносила нам еду, с улыбкой олигофрена, изо рта капая слюни, в салате я находил тараканов, обрывки газет. Нужно понимать, что все это смешано с болезненным удовольствием, душная темная комната, из которой ты не можешь выйти, и кто-то настойчиво трогает тебя в темноте...

Меня укусили в руку, между указательным и большим пальцами: мужчина - черные волосы, ярко-синие глаза, видимо младшая телепатически призвала его из своего саркофага. Я пытался отсосать из раны его яд, а она хохотала под крышкой, это был финал - нужно сжечь все это гнездо и, скорее всего, себя вместе с ними...

Она обняла меня в темном коридоре, все понимала, так хотела умереть вместе со мной, прочел это в ее грустных глазах, сжал горло...

Магазин рядом с железнодорожным вагоном, внутри которого церковь, работала там продавцом.

проза

Вадим Климов **Дискуссионный клуб**

История начинается с моего появления в кухне. Там же она и заканчивается.

Моя подруга Рита пьет кофе за миниатюрным столиком. В поисках позаимствованной ею книги я осматриваю пространство у столика. Рита интересуется, что я ищу.

- Ничего.

"О водоплавающих" Флэнна О'Брайена в элегантном черном переплете. Вот, наконец, я ее и нахожу. Лежит на полке под столиком, сразу не заметишь. К тому же, на черной доске черная обложка едва различима.

Я подхожу, чтобы взять книгу. Сразу же открываю. Больше машинально, чем как-то еще, листаю. Затем закрываю и смотрю на книгу сбоку. Меня интересует, не погнулся ли корешок. Терпеть не могу книги с кривыми корешками, когда верхняя часть обложки смещена относительно нижней.

- Ты аккуратно читаешь? – спрашиваю я.

Рита кивает. Да, она читает очень аккуратно. Сколько раз я уже обращал ее внимание на эти изогнутые корешки. И всегда у книг, которые брала Рита. Конечно, она долгое время не верила, утверждала, что не по ее вине они деформируются. Будто они сами...

Сначала моя подруга вообще не воспринимала проблему. Мне пришлось потратить уйму времени, объясняя, демонстрируя уродство книг, только-только ею оставленных. В конце концов, до Риты дошли мои слова, дискомфорт, который я испытывал из-за ее неаккуратности. Она что-то поняла. Стала обращать внимание на состояние корешков. Вроде даже перестала их портить.

Тем не менее, сегодня я на всякий случай пришел проверить, в каком состоянии книга, которую она унесла к себе в кухню.

Верхняя часть обложки слегка выпирает относительно нижней. Едва заметно.

Я тереблю книгу в руках, примериваясь с разных сторон. И в итоге прихожу к выводу, что дефект мне только показался: раньше с книгами этого издательства таких проблем не возникало. Ни единого раза.

- Как роман? – спрашиваю я.

Рита неопределенно пожимает плечами.

- Много прочитала?

Она отрывает чашку от губ. Громкий глоток, слышно, как кофе устремляется к желудку.

- Страниц восемьдесят.

- И как?

- Неплохо, но я ожидала большего. По крайней мере, ты так рассказывал, будто... – подруга не заканчивает фразу.

Еще раз пролистав книгу, я возвращаю ее обратно под столик, оценив напоследок. Совсем чуть-чуть, почти незаметно, но корешок все-таки изогнут. Неприятно.

Рита замечает, что на мне не домашняя одежда, не футболка и шорты, а джинсы и свитер.

- Ты уходишь? – спрашивает она.

Киваю.

- Куда?

Собираюсь посетить дискуссионный клуб. Рассказываю о фильме, предваряющем дискуссию, приглашенных гостей, оппонентах.

- Хочешь пойти со мной? – спрашиваю я.

Отрицательные движения головой. Нет, она не пойдет. Ни малейшего желания. Сняв очки, Рита опускает дужку в кофе и медленно размешивает.

Я же, напротив, не задерживаясь, практически в ту же минуту покидаю кухню. А затем и квартиру.

Однако я раскрыл Рите не все свои планы, кое-что осталось невысказанным. У метро меня уже ждет Кира, с которой мы договорились пойти в дискуссионный клуб.

Вернее, о дискуссии Кира даже не догадывается. Я сказал лишь, что мы идем в кино. Отчасти это, действительно, так: вна-

чале фильм. Но после, а интерес представляет именно это, начнется дискуссия. От этого уже не деться.

Получается, я заранее знал, что Рита откажется составить мне компанию? Неопределенно: и да, и нет. Вернемся к этому как можно позже.

По дороге к метро, я опасаясь, что Кира опоздает. Ведь времени и так впрытик, а тут еще придется ждать. Но она приходит вовремя. Это я опаздываю на несколько минут, ровно на столько, чтобы успеть к началу фильма.

Кира поднимается на цыпочки, целует меня в подбородок. Если б я слегка наклонил голову, она попала бы в губы. Но получается именно так. На лице Киры мелькает гримаса недовольства. Скорее всего, из-за короткой щетины.

Взяв подругу за руку, я спускаюсь с ней под землю.

А спустя двадцать минут, на выходе из метро, я понимаю, что мы зря спешим. Совершенно вылетело из головы - показ перенесли на час позже. Попал в ловушку, договорившись с Кирой до того, как узнал о переносе.

Но как сказать об этом Кире? Хорошо хоть, она не опоздала. Иначе я мог накинуться на нее с руганью, схватить за руку, грубо волочить за собой, злясь, что из-за нее мы не успеем к началу. И все для того, чтобы, выбежав из метро, во всем признаться: зря торопились, до показа еще целый час.

Мы идем по направлению к клубу. Я так ни о чем ей и не сказал. Кира вцепилась в мою руку, боясь поскользнуться на обледенелой дороге. У нее сосредоточенное лицо, взгляд устремлен вниз, выискивая опасные места. Хороший момент для признания. Подруга так увлечена льдом под ногами, что не обратит на мои слова никакого внимания.

Так говорить или не говорить?

Сейчас, потом будет уже поздно.

Клуб недалеко от метро, и мы скоро приходим. К счастью, внутри есть кафе, в котором можно скоротать время. Как только Кира перестает скользить, она устремляется вглубь, приходится придержать ее, чтобы показать гардероб.

Уже без верхней одежды, я без зимней куртки, Кира без пальто, попадаем в кафе. Стоящий у входа официант осведомляется, сколько мы пробудем. Это необходимо для выбора столика.

Я называю время начала фильма. Молодой человек делает пометку в блокноте и подводит нас к самому неподходящему столу. Это огромный, рассчитанный на большую компанию, стол. Сидеть за ним будет неудобно, все равно что ужинать в спортзале.

- Сожалею, но это единственное, что я могу вам предложить, - извиняется официант и кладет перед нами два меню.

Когда он уходит, Кира спрашивает, что все это значит.

- Что за шутки?!- негодует она.

- О! – с глазами навывкате. – Самодовольный официант.

Все это главным образом из-за непонимания. Девушка боится, что ее впутают в авантюру, выставят на посмешище.

Она начинает задавать вопросы, один за другим. Выпаливает стремительно, не давая возможности ответить.

- Что это за место?

- Почему такой стол?

- Зачем он спросил, сколько мы пробудем?

- Что за время ты назвал?

- Где будут показывать фильм?

- Это кафе или кинотеатр?

- Почему до сих пор ничего не началось?

И остальные в том же духе.

Официант возвращается, но мы еще не заглядывали в меню. Его вопрос, определились ли мы с заказом, застает нас врасплох. Кира вздрагивает от испуга. Полная неожиданность. Потому что мы сели в неподходящей части стола. К нам можно подойти только со спины, другой возможности нет.

Наконец-то она перестает задавать вопросы. При официанте ей неудобно. Мы листаем меню и наспех выбираем по паре блюд.

- Что будете пить?

Кира находит в меню страницу с чаем, нескончаемый перечень разновидностей, и долго выпрашивает официанта, уточняя детали. После того, как она выбирает, я заказываю себе пиво. Забрав у нас меню, официант удаляется.

- Зачем ты заказал пиво? – изумляется Кира.

Я спрашиваю, что ее смущает.

- Но я же взяла чай.

Молча рассматриваю ее лицо.

- Восемьсот миллилитров... почти литр. Неужели ты думаешь, я выпью такое количество... одна?

Вскоре она добавляет.

- Я думала, мы будем пить чай вместе.

Официант приносит на подносе бокал пива, чайник, чашку, сахарницу, ложечку и начинает переставлять все это на стол. Увидев чайник, я невольно усмехаюсь. Вот это объем. Кире придется нелегко.

Однако моя усмешка не остается незамеченной. Благодаря еще и тому, что официант тоже прыскает со смеха, но быстро берет себя в руки.

Кира укоризненно смотрит на меня. Я поднимаю бокал пива с видом, будто потешаюсь над соседней компанией. Но... ах, подруга щипает меня за руку, непредусмотрительно оставленную под столом. Какая боль!

Официант уходит, мы остаемся вдвоем. Я приступаю к пиву. Кира молча наливает чай в чашку.

Минут через пять возвращается официант. На подносе заказанные блюда. Ставит перед нами тарелки, конечно, все перепутав. Желает приятного аппетита и исчезает.

Поменявшись тарелками, мы приступаем к еде. В напряженном молчании это не так увлекательно. Почти без удовольствия. Еще и соседняя компания начинает таращиться нас со злорадным интересом.

Нет, ну не сидеть же так вечно. Я решаюсь рассказать Кире одну историю.

Мой приятель с супругой приходят к друзьям на какое-то торжество. Гости, как водится, разделяются на группки и расходятся по углам. Нашей паре приходится расстаться. Через какое-то время увлеченная собственным рассказом супруга приятеля замечает его стоящим немного в стороне от остальных. С бокалом в руке, постепенно пьянея, приятель безучастно рассматривает гостей. Добравшись до супруги, которая внимательно глядит на него, не переставая говорить, он неожиданно усмежается, после чего переводит взгляд на других гостей. Девушка принимает усмешку на свой счет. Багровая от злости она подходит к супругу и влепляет пощечину. Немного вина из бокала даже проливается на пол. Уже после выясняется, что он усмехнулся всего лишь над чьей-то репликой из своей компании, не видя и, тем более, не

слыша свою супругу. После такого конфуза им не остается ничего другого как удалиться.

Я заканчиваю, и еще несколько минут мы сидим молча. Кира откладывает вилку и накрывает рукой мою руку, которую недавно уцпинула. Две дуги от ее ногтей до сих пор краснеют на коже.

- Прости, - говорит она.

В знак примирения я киваю. И мы продолжаем есть. Все так же молча, но уже без напряжения.

Мне кажется или я и в правду слышу, как где-то лает собака? Причем уже не в первый раз. Она лает с перерывами с тех пор, как мы пришли. Животное, наверно, где-то закрыли, и его недовольство заглушается несколькими стенами. Судя по звукам, это совсем маленькая собачонка отвратительной породы вроде пеки-неса или той-терьера.

- Ты слышала? – спрашиваю я после очередной серии.

Кира отрывается от еды.

- Что? – спрашивает она.

- Лает собака.

- Собака? – повторяет девушка, скорее возмущенно, нежели вопросительно.

Чтобы скрыть волнение, по странному совпадению охватившее меня именно сейчас, я неряшливо цепляю вилкой кусок мяса. Он, правда, оказывается слишком большим, и приходится потрудиться, чтобы засунуть его в рот целиком. Хочется продолжить разговор о собачьем шуме, но это невозможно. По крайней мере, пока я не прожую мясо.

Проходит чуть больше минуты, и я снова могу говорить.

- Вот опять.

Кира откладывает нож с вилкой и поворачивается ко мне. Ее взгляд я назвал бы пристальным. А выражение лица недоуменным, разочарованным, неприязненным. Целая гамма эмоций.

Проходит секунд пять, прежде чем она решает, что сказать.

- Я не слышу никакого лая, - произносит девушка, выделяя каждое слово. – Можно мне спокойно поесть?

И пока я обдумываю ее реплику, Кира возвращается к еде. Не понимаю, что ее так разозлило. Я растерян.

Вдобавок заканчивается пиво. Обернувшись, ловлю официанта и прошу принести еще бокал. Он беспрекословно выполняет

мою просьбу. Через минуту на нашем огромном столе появляется второй бокал.

Похоже, это еще больше выводит из себя Киру, она даже меняется в лице.

- Тебе подлить чаю? – спрашиваю я, заметив, что ее чашка почти пуста.

И, не дожидаясь ответа, наклоняю чайник над чашкой. Темная струя вырывается из носика, к потолку устремляется облако пара. Я так увлекаюсь визуальной стороной... Слава богу, все это проливается не на скатерть, а всего лишь на блюдце.

Снова слышны собачьи вопли.

Кира приподнимает чашку и кладет на блюдце пару салфеток, они впитывают всю жидкость. Очень просто. Стоило так беспокоиться.

С некоторым напряжением в голосе Кира спрашивает, когда начнется фильм. Я собираюсь с мыслями, подбираю нужные слова. Не дождавшись, девушка задает еще несколько вопросов. Ее интересует, на что будет проецироваться изображение, она не видит белого экрана. Если это должно происходить в другом месте, то не начался ли показ, пока мы сидим здесь?

- Нет, - отвечаю я, отпивая пиво, - показ начнется в соседнем помещении. Там кинозал, а здесь кафе.

- Вот как.

Кира доедает незначительные остатки с двух своих тарелок.

- Зачем же мы так спешили, если у нас было столько времени?

Она поворачивает ко мне лицо, продолжая что-то жевать. В углах глаз едва заметны крохотные слезинки.

Я беру Киру за руку, прошу, чтобы она не переживала. Она и не переживает, просто хочет понять, к чему эти бесконечные игры, когда мне надоест. Ставит чашку, несколько раз она бьется о блюдце. У девушки дрожат руки.

Где-то разрывается собачонка. Мерзкая бедолага.

- Я не понимаю, - говорит Кира.

Пауза.

- Что ты не понимаешь? – ласково спрашиваю я, глядя ее по руке.

- Я не понимаю, - повторяет девушка, шумно сглатывая, - почему официант спросил, сколько мы пробудем. - Кира хватается

за мою руку. Терроризирует вопросительным взглядом. В уголках глаз скопились огромные слезы. - Какое его собачье дело, когда мы уйдем?

Утыкается лицом в мое плечо и начинает плакать. Вот это сюрприз для соседской компании, бесцеремонно глазающей в нашу сторону. Я оборачиваюсь. На лицах застыли напряженные ухмылки, молодые люди не знают, как от них избавиться. Наверно, мы испортили всем аппетит, теперь им придется уйти.

Так и есть. Подзывают официанта. Девуцы медленно собираются, рассовывая по сумочкам все, что успели вытащить. Еще и пытаюсь при этом не смотреть в нашу сторону. Какие тактичные.

Официант приносит счет, они расплачиваются и уходят.

Свободной рукой я провожу по волосам подруги. Кстати, она успела перестать плакать. Кира отрывает лицо от моего плеча, стирает рукой слезы.

- Все в порядке? – спрашиваю я.

Молчит, вероятно, не понимая вопроса.

Если бы у меня были часы на правой руке, которой я поглаживаю Киру по голове, я бы посмотрел, не опаздываем ли мы на фильм. Но часы на левой, которая мне недоступна, ее сжимает Кира.

- Ты слышала? – спрашиваю я.

Снова собачий лай. Беспреданно: гав, гав.

Кира резко отстраняется. Распрямляется и садится прямо.

- Ты почти ничего не съел, - кивает на мои тарелки.

Она права. Я смотрю на часы - времени остается совсем немного.

- Поделиться с тобой чем-нибудь? – спрашиваю я.

После осмотра тарелок девушка перекладывает к себе немного мяса и весь салат из тунца. Я его даже не попробовал.

Затем мы десять минут едим. Стремительная работа челюстями.

Прежде чем я заканчиваю с едой, к столу подходит официант и кладет счет. Я быстро просматриваю его, вроде все совпадает. Достану кошелек. Как назло высыпается какая-то мелочь.

Наклоняюсь – и что же? – из-под стола на меня смотрит мерзкий черно-рыжий той-терьер с лохматыми ушами. Не отрывая от него взгляда, собираю монеты, и вдруг собака начинает

лаять. Открывает пасть, немного надувается, приподнимает морду, выпускает из легких воздух - но беззвучно. Почти ничего не слышно. Будто доносится из-за нескольких стен.

Собрав мелочь, я поднимаюсь, и мы с Кирой уходим.

В кинозал мы попадаем очень просто. Напротив входа в кафе - вход в кинозал.

- Удобно, - говорю я Кире.

Мне приходит в голову рассказать про той-терьера из-под стола, но, услышав о собаках, Кира затыкает уши. Что ж, дело вкуса. Глупо настаивать, нужно было еще в кафе показать ей животное.

Когда мы находим свободные места, Кира отнимает руки от ушей, но сразу предупреждает, чтоб я вел себя прилично, больше никаких собак. Немного смешно от ее сурового взгляда, я даже отворачиваюсь, чтобы не рассмеяться при подружке.

Перед нами белый экран проекции, люди, пришедшие, как и мы, смотреть фильм. На Киру это воздействует положительно. Окончательно успокоившись, она берет меня за руку.

- Сегодня я странная, - почти шепчет подружка, – все выводит из себя.

Я молчу. Что на это ответишь, в самом деле. Кира стискивает мою руку и придвигается ближе. Глаза закрываются. Мы целуемся.

- Еще, - просит Кира.

Второй поцелуй чуть дольше первого.

Фильм никак не начинается. Вообще, сначала должны выступить два ведущих, кстати, мои знакомые. Объявить фильм, немного рассказать о нем, о режиссере. Только потом...

Думаю, еще есть время, и я успею до начала. Поднимаюсь с кресла. Кира вопросительно глядит на меня снизу.

- Из кафе можно приносить напитки, - объясняю я. – Ты что-нибудь хочешь?

Кира два или три раза моргает. Для нее это неожиданно.

- Подожди, посиди еще, - говорит она и тянет меня за руку. – Послушай.

Приходится сесть.

- Я же не рассказывала, что со мной, почему я такая нервная, - долгий пристальный взгляд. – Я только проснулась, вышла поку-

рять на кухню и увидела внизу мертвую девушку. Она лежала на асфальте в кофте и джинсах, но почему-то босиком. Рядом стояли два милиционера, о чем-то разговаривали. Я сразу поняла, что она выпала из окна. Я курила, наблюдала за милиционерами. Они так и стояли, ничего не делали. Когда я снова выглянула, прошло минут сорок, ничего не изменилось. Те же милиционеры, босая девушка. Ее даже не прикрыли ничем. Я смотрела сверху минут двадцать, пока не очоленела. Прошли два прохожих. Один что-то спросил. Милиционеры ответили, и он пошел дальше. Я ничего не услышала. Так я выглядывала до четырех часов, пока не пришло время ехать к тебе. Иногда милиционеры отходили погреться в машине, а девушка все время лежала. Не понимаю, почему они ничего не делали. Ни врачей, никто больше не приехал. Так девушка и пролежала под окнами. Когда я вышла из дома, появилась Скорая. Шесть часов ехала. Врачи накрыли девушку черным мешком для трупов. Даже не накрыли, а просто сверху на нее положили. Подул ветер, этот мешок понесло в мою сторону. Я так испугалась, что чуть в обморок не упала. Закричала. Но в последний момент ветер переменялся, и мешок пролетел чуть в стороне. Кто-то засмеялся, то ли милиционер, то ли врач. Потом кто-то побежал за мешком. Я подумала, он сейчас заденет меня плечом, но он не задел. Вернулся, накрыл девушку. У нее голова высывалась, и он подвинул ее ботинком под пакет. Я все стояла и тут поняла, что мне кричат. Повторяют одно и то же. Я напрыглась. Они хотели, чтобы я не задерживалась, проходила дальше. Один милиционер, повторяя свое "женщина, проходите" двинулся ко мне. Я представила, что он сейчас подойдет, начнет до меня дотрагиваться... женщина, не стойте... и быстро ушла. Меня вырвало потом, когда я уже в метро спускалась. На лестнице, рядом с торговыми. Только в поезде стала в себя приходить.

Пока Кира рассказывала, к нам несколько раз оборачивалась сидящая впереди девица. И еще два молодых человека справа от Киры. Тоже поглядывали в нашу сторону, улыбаясь.

Кира впивается в меня глазами, ожидая реакции на свой рассказ.

- Бедняжка, - говорю я, поднимаясь. – Я скоро приду.

И пробираюсь к выходу.

В кафе у стойки бара стоят оба ведущих. Мы здороваемся. Я спрашиваю, скоро ли начнется фильм.

- Да-да, - говорит Алексей. – Сейчас уже начинаем.

Ведущий протягивает стопку с жидкостью янтарного цвета. Такие же они держат в руках. Объясняют, что одна оказалась лишней. Чокаемся, это коньяк.

Алексей мне нравится больше другого ведущего, которого, кстати, зовут также. Неделию назад я с удовольствием говорил с ним по телефону и сейчас хотел бы продолжить тот разговор, но второй Алексей протискивается между нами с вопросом.

Он интересуется, захватил ли я фотокамеру.

Черт подери. Конечно, камера. Я ее забыл.

Ошеломленный, лезу в рюкзак. В главное отделение, во второстепенное. В обоих пусто. А ведь я весь день крутился, не выпуская камеру из рук, чтобы перед самым выходом забыть ее положить. Даже раскрываю рюкзак шире, как бы приглашая Алексея заглянуть, чем он, не стесняясь, пользуется.

- Весь день думал о фотокамере, - говорю я. - И в самом конце забыл.

- Но почему ты не положил ее сразу? – удивляется Алексей.

Я пожимаю плечами. Действительно. Что мне помешало?

Он значительно выше, поэтому смотрит на меня сверху. Я внимательно слежу за его лицом, пытаюсь предвидеть, что произойдет дальше.

- Это не важно, - говорит Алексей. – Я привез фотокамеру. Зайдем в зал, ты ее получишь. Готов снимать?

- Готов.

Все-таки придется. Если б я был со своей камерой, мог бы сказать в конце, что разрядилась батарея или не заметил ничего интересного, а теперь придется всем этим заниматься.

Бегать между оппонентами, протискиваться сквозь публику, фотографировать физиономии, пикантные моменты, с разных ракурсов, расстояний. Еще и с Кирой, которой понадобится объяснять, чем я занимаюсь, почему снимаю этого, а, например, не того, и почему именно теперь, а не минуту назад, когда он говорил. Бегать, щелкать, объяснять, показывать, что получилось, слушать критику, спорить. И так без конца, при каждом удобном случае.

Адская скучная каторга. Стоило сразу отказаться, когда Алексей меня только попросил. Но я этого не сделал, и теперь придется расплачиваться.

Ведущие одновременно опустошают стопки с коньяком и собираются уходить.

- Одну минуту.

Из-за этой кутерьмы с фотокамерой я так и не взял пиво. И что-нибудь Кире. Хорошо, что вспомнил про Киру. В холодильнике за стойкой как раз стоит бутылка с красным напитком, что-то фруктовое. Беру эту бутылку и бокал пива. Затем мы вдвоем уходим.

В зале моя беспомощность из-за занятых рук несколько не смущает Алексея – он вешает фотокамеру за шнурок мне на шею и желает удачи.

Кто вообще такой этот Алексей?

Я несколько раз был у него в гостях. Он живет черт знает где, куда непросто добраться даже один раз, не то что несколько. С женой и двумя детьми уместился в крохотной двухкомнатной квартирке. В одной комнате он, в другой – остальные трое. Какое из этих помещений меньше, я так и не понял.

Меня поразило обилие стеллажей в его комнате. Ими была занята вся площадь стен, ни одного свободного сантиметра. Еще больше обескуражило то, чем эти стеллажи заставили.

Открытками!

Повсюду одни открытки. Еще и белыми торцами в комнату. Без картинок, по крайней мере, пока не вытащишь какую-нибудь открытку.

По всей видимости, их группировали по темам. Я достал наугад три открытки. Все с одной полки. Она была посвящена городским площадям. На другой полке стояли открытки с котятами. На третьей - женщины разнообразной родственной принадлежности: мамы, бабушки, жены, сестры, дочери, тети, внучки, свекрови, тещи. Кто это, определялось размашистой подписью золотыми буквами.

Так же на стеллажах были открытки с автомобилями, пейзажами, архитектурными памятниками, спортсменами, музыкантами, цветами, самолетами, церквями, писателями, крабами, едой, японками, небоскребами, вечерами, звездным небом, мультипликационными героями, техническими сооружениями, инвалидами,

детьми, алкогольными напитками, новогодними украшениями, музыкальными инструментами, военной техникой, дикой природой, ангелами, продуктовыми полками, попугаями, пьяными, женщинами без ничего, библейскими героями, знаками зодиака, белыми медведями, цифрами, пляжами, известными картинами, хищными животными, розыгрышами, обнаженными мужчинами, радугами, силачами, национальными флагами, жирафами, планетами, поездами, дворниками, президентом, кроватями, надписями, фруктами, мягкими игрушками, той-терьерами, облаками, змеями, закатами, сердечками и черт знает чем еще.

Прошло полгода. Я снова приехал к Алексею. Стеллажи стояли пустыми. От бывшего разнообразия ничего не осталось. Я спросил, куда исчезли открытки.

Алексей простонал, черты лица исказились, будто ему в глаза направили яркую лампу, и прошептал что-то невнятное. Открытки то ли сожгли, то ли выбросили родители супруги, комнату которых он занимал.

Когда открылся дискуссионный клуб с политиками и писателями, я снова посетил Алексея. Теперь из его комнаты убрали и пустые стеллажи. А освободившиеся стены жилец решил прикрыть фотографиями.

К тому моменту висело три фото. Разных размеров, но все сделанные в клубе. На каждой позировал Алексей, менялись лишь известные гости, политики, писатели.

Вспомнив про мою фотокамеру, Алексей спросил, мог бы я приносить ее на заседания клуба. Я мог. Он попросил обязательно принести камеру в следующий раз. Готовилось нечто невероятное – клуб собирались посетить известнейшие радикальный политик и маргинальный писатель. Как выяснилось позже, это был один человек.

Я приехал с фотокамерой и сделал больше сотни снимков, которые передал потом Алексею. Свое обещание я выполнил, но фотография настолько опротивела, что я зарекся ею заниматься и в будущем.

Мой последний визит получился не слишком удачным. Алексей пригласил меня на свой день рождения.

Когда я приехал, именинник выбежал в прихожую, едва сдерживая слезы. Не дав, не то что раздеться – разуться, он втащил меня в комнату к гостям. Они были уже заметно пьяны.

Алексей остался в дверном проеме, облокотившись на него плечом. К тому моменту он уже с трудом держался на ногах.

Мне не дали даже осмотреться, ни с кем познакомиться, хотя бы поздороваться. Именинник сразу же начал тыкать пальцем в клубные фотографии. Теперь ими были заклеены все стены. Сюжет не изменился – ведущий клуба Алексей, рядом с ним известный политик или писатель.

Насколько я понял из перебранки, которой развлекались гости, Алексею не поверили. Под сомнение поставили правдивость фото, что Алексей действительно находился рядом со всеми этими людьми.

Большую часть снимков считали надувательством. Какой-то специалист из присутствующих объяснил на примере снимка с радикальным политиком, который, так уж совпало, я и сделал, насколько неумело вмонтировали Алексея.

Его доводы многим показались убедительными. Да что там многим – если б я не был автором фотографии, то и сам занял бы его сторону. По крайней мере, склонялся бы к этому.

Алексей теребил мое плечо, требуя, чтобы я подтвердил достоверность снимков.

- Все это было на самом деле, - бормотал он сквозь слезы. – Скажи им. Ты же фотограф. У тебя с собой фотокамера?

Гости все разом уставились на меня. Развлечение с фотографиями, наверно, давно им надоело. Хотелось легкого оживления, которое они связывали с моим появлением.

Специалист, только что разоблачивший фотографию, презрительно посмотрел на меня и усмехнулся, заметив, что я надел свитер наизнанку. В воцарившейся тишине Алексей ослабил хватку, и я смог высвободить руку.

- Извините, - сказал я и вышел из комнаты.

Они, наверно, ждали, что я вернусь, переодев свитер, но так и не дождались. Потому что я сразу же покинул квартиру, бесшумно прикрыв за собой дверь. Благо, ни одеваться, ни тем более обуваться мне не пришлось.

Я возвращаюсь в кинозал на наши места. Киры нет. Обе руки заняты: в одной пиво, в другой бутылка фруктовой воды. На шее болтается фотокамера. Застываю в растерянности.

Как же так? Где она?

Девушка и два молодых человека с удовольствием разглядывают мое недоумение. Немного смущенный, я сажусь в кресло.

Из дебрей памяти вылезает воспоминание и сразу встраивается в нынешние декорации. Кира достает из сумочки целлофановый пакет с бананом. В ожидании меня съедает половину. Остаток с болтающейся кожурой заворачивает в пакет и убирает обратно в сумку. А потом направляется к выходу.

Но зачем?

Выбросить пакет с недоеденным бананом. Или зайти в туалет и там обрезать маникюрными ножничками ставшую ненужной кожуру, если ей дорога оставшаяся половина.

Вроде даже слышно запах банана. Может, действительно, вышла и скоро вернется?

Нет, понимаю я, она уже не вернется.

- А ваша подруга ушла, - говорит девушка.

- Она что-нибудь передавала? – спрашиваю я. – ...Мне?

- Ни единого слова, - девушка сдержанно улыбается.

- Просто взяла и ушла, - добавляют молодые люди и хватаются за животы.

Что можно сказать о фильме, который все-таки начинается после выступления ведущих, хоть и без Киры? Не лишенная приятности французская картина – не более.

Вначале, пока я пью пиво, ничего интересного не происходит. Закрученная история любовных отношений между мужчиной и двумя женщинами. С привлечением третьих лиц, не имеющих к этому никакого отношения, но вынужденных участвовать.

Интрига из-за недосказанности раскручивается очень медленно. Скукотища. Пару раз я даже зеваю. Ко всему прочему заканчивается пиво, приходится снова идти к барной стойке. Хотя я и стараюсь двигаться бесшумно, девушка все равно оборачивается и провожает меня любопытным взглядом.

Я возвращаюсь. И снова под прицелом соседских глаз. Не пересечь ли к этой девушке, раз уж она так мною заинтересовалась? Пожалуй, пока рано.

Так вот, фильм. После прогулки к барной стойке ничего не меняется. Только сюжет слегка углубляется в направлении безвыходности. Интересы это не вызывает, но и не раздражает. Уже что-то.

Потихоньку я опустошаю новый бокал, четвертый сегодня. И тут, как раз в середине фильма, автомобиль с главным героем попадает в аварию. И какую! Мастерски снято: все действие, длящееся от силы три секунды, показывают много раз, меняя точки обзора, скорость перемотки, пуская кадры в обратном порядке.

В аварии участвуют три транспортных средства: два автомобиля и трактор. Действие разворачивается на пустынном загородном перекрестке.

По роковому стечению обстоятельств все трое добираются до перекрестка почти одновременно. Но первым все-таки трактор. Там же у него глохнет двигатель. Водитель судорожно дергает за рычаги, вдавливая педали, но все без толку. Наконец, он замечает несущиеся на него автомобили.

Их расположение таково, что водители легковых машин не видят друг друга. Более того, один из них, а именно главный герой, отвлекается на чтение письма одной из фигуранток любовной истории. Застрявший между ними тракторист, хоть и видит обоих, повлиять на происходящее, дабы избежать аварии, не в силах.

Он все так же дергает за рычаги, ругается, обливается потом. В то время как автомобили несутся к нему с разных сторон. И вот, в последний момент трактор все-таки заводится и начинает движение. Как раз в тот момент, когда главный герой отрывается от письма и замечает, в какой кутерьме оказался.

Он поворачивает, чтобы проскочить там, где только что стоял трактор. И каково же изумление героя, когда он обнаруживает, что на ту же лезейку претендует еще один автомобиль, несущийся ему навстречу.

Чудом удается сначала не врезаться в трактор, а потом еще протиснуться между ним и другим автомобилем, лишь слегка задев последний. Великолепная операторская работа: можно разглядеть мельчайшие детали искаженных физиономий. И все это на огромной скорости.

Филигранный маневр прокручивают не один раз, меняя точки обзора, темп и хронологическую последовательность кадров. В конце концов демонстрируют с натуральной скоростью от начала до конца. Автомобиль главного героя, удачно избежав

столкновения, съезжает с дороги и несется, подсакивая на кочках с несколькими деревьям, в одно из которых и врезается.

Внутри что-то загорается, но не взрывается. Два других водителя устремляются к вспыхнувшей машине и с изумлением обнаруживают, что в ней никого нет.

- Как же так? - негодует тракторист. – Я же видел мужчину за рулем. Куда он мог деться?

Они осматривают окрестности и находят главного героя рядом с кустами, куда он вывалился, прыгая на кочках.

Подзывают удачно подвернувшегося велосипедиста. Он и сам не прочь взглянуть на аварию. Но долго глазеть ему не позволяют и отправляют за помощью в ближайшую деревню.

Скоро место аварии заполняется зеваками. Приезжает полиция, чтобы отогнать их на положенное расстояние. Людей абсурдно много и все норовят увидеть пострадавшего.

Тракторист сумбурно оправдывается. Он не виноват, что двигатель заглох в самый неподходящий момент. А что он мог сделать? Это вам не велосипед, попробуйте сдвинуть трактор. Заискивающе всматривается в окруживших его людей. Понижающие кивки.

Со вторым водителем еще проще. Он вообще ничего не видел. Дорогу перегородил трактор. Затормозил, как только смог. Видите, даже вмятина осталась.

Почти все оставшееся время герой валяется на земле перед разбитой машиной. Приятна идея оставить его там на полфильма. Действительно, пусть лежит без сознания под взглядами зевак и начавшимся проливным дождем. А в самом конце, в финале, скончается в больнице.

Великолепно. Никаких страданий, только вспышки воспоминаний. Судорожные попытки понять, где он, что с ним случилось. Герой устал, как же он вымотался. Но нужно подниматься. Он полежит еще несколько минут. Пожалуйста. Совсем немного отдохнет и сразу же встанет. Жалко, испачкан пиджак. Придется выбросить. Или отдать в химчистку. Иногда им удается восстановить вещь, чтобы выглядела как новая.

В какой-то момент пострадавшего героя все-таки отвозят в больницу. Но врачи оказываются бессильны, и он умирает.

Как бы между прочим показывают обеих его женщин. Примчавшись в больницу, они узнают о смерти любимого мужчины. На этом фильм заканчивается.

В зале загорается свет. Зрители покидают свои места. Хочется и мне размять затекшие ноги. Пройтись. Хотя бы и к барной стойке. Освежиться. Может быть, взять еще немного пива.

Однако, причем здесь политика? Все-таки это дискуссионный клуб именно политического кино.

Об этом я спрашиваю молодого человека, подошедшего к барной стойке чуть раньше меня.

Юноша с неохотой оборачивается. Я задаю вопрос. Он не знает. Бестолково трясет головой.

- Нет, - юноша настолько изможден, что говорит почти шепотом, - не уверен.

- В чем вы не уверены? - спрашиваю я.

- Что клуб именно политического кино.

- Но это так, - говорю я. - В этом задумка. Вы что же, не знаете, куда пришли?

Похоже, юноша уже порядочно выпил. А я принял его опьянение за усталость.

- Извините.

Подходит его очередь. Парень расспрашивает бармена о напитках.

- Извините.

Мне же остается ждать, когда он выберет.

- Извините.

Оказывается, это ко мне обращаются. Я понимаю, только когда извинявшийся касается моего плеча.

- Да?

Тот самый официант, что обслуживал нас с Кирой.

- Вы забыли свою собачку.

- Собачку?

От неожиданности я даже усмехаюсь.

Он кивает и неуверенно берет меня под руку.

- Пойдемте. Там, под столом, куда я вас посадил, остался щенок.

В памяти возникает беззвучно лающее животное, из-за которого мы чуть не поссорились с Кирой.

- Это не щенок, - говорю я. - Взрослый той-терьер. Крупнее они не вырастают, такая порода.

Официант молчит, не выпуская мою руку. Выглядит при этом так, будто у него уже нет сил на споры, лишь слабая надежда на мою порядочность.

- Ладно, идемте, - говорю я. - Но сразу вас предупреждаю, это не моя собака.

Официант едва заметно кивает, и мы отходим от бара, у которого все еще выбирает напиток мой предыдущий собеседник.

Возвращаемся к большому столу. Под ним, действительно, тот самый той-терьер. Когда я нагибаюсь, собачонка моментально меня узнает. Радостный лай, мельтешение хвоста.

Пса сторожит еще один официант. Он объясняет, что совсем скоро, прямо сейчас, в ресторан придет забронировавшая этот стол компания, поэтому я должен забрать свою собаку. Они не против, что я на время ее оставил, но всему есть предел. Дольше держать животное под столом они не могут.

Наверно, больше под воздействием выпитого, нежели его слов, я начинаю смеяться. Оба официанта терпеливо ждут, когда я закончу.

- И все-таки это не моя собака, - говорю я, перестав хохотать.

- Но зачем тогда вы оставили ее на время кинопоказа?

От нелепости вопроса меня снова разбирает смех. Однако на этот раз все ограничивается парой смешков. Какая бестолковщина.

- Молодой человек, с минуты на минуту придут наши клиенты. Поймите, стол заказан. Заберите, пожалуйста, собачку.

После этих слов официант приподнимает скатерть. Той-терьер смотрит на меня, виляя хвостом.

Другой официант, перехвативший меня у бара, уставился в одну точку. Только сейчас я замечаю, что он с трудом держится на ногах, настолько изможден.

- Что с вашим коллегой? - спрашиваю я, и сразу после моих слов тот валится на пол животом вверх.

Собака с бесшумным лаем вылетает из своего укрытия, проносится по официанту, а затем по залу, и выскакивает в холл, когда в ресторан входит компания человек из двенадцати, по всей видимости, та самая, о которой мы говорили.

Так и есть, дюжина новых посетителей направляется в нашу сторону. Официант хватается своего коллегу подмышки и стремительно оттаскивает к двери, за которой они скрываются. Волочащиеся по полу ноги сдвигают ковер, который теперь слегка топорщится. Уходя, я незаметно его поправляю.

В кинозал я возвращаюсь со стаканом пива. А у стойки, разговорившись с барменом, успеваю влить в себя пару бокалов белого вина.

Обсуждение уже началось, и я аккуратно пробираюсь к своему месту, стараясь ничего не пролить.

Оказывается, Кира вернулась и ждет меня. Что тут сказать - неожиданно. Подругу смущает бокал в моих руках, она едва заметно хмурит brows, но, к счастью, ничего не говорит.

- Я думала, ты тоже ушел, - шепчет Кира, когда я сажусь рядом.

Затем берет меня за руку и добавляет.

- Я рада, что ты еще здесь.

Бедняга весь фильм прождала у входа в клуб, а после не нашла ничего лучше, как вернуться сюда.

Я достаю из рюкзака бутылку фруктового напитка. А ведь во время просмотра, когда закончилось пиво, я хотел обменять ее на алкоголь. Двое молодых людей сбоку как раз держали в ногах полный рюкзак стеклянных бутылок.

- Что-то я совсем ничего не понимаю, - говорит Кира, кивая в сторону сцены с двумя ведущими и приглашенной знаменитостью.

- Так ты и фильма не видела.

В знак протеста Кира мотает головой. Оказывается, видела. Фильм показывали во Французском культурном центре, у нее как раз годовой абонемент.

- Представляешь, - прерываю я подругу, - в ресторане мне попытались всучить собаку, которая сидела под нашим столом.

- Какую собаку? - спрашивает Кира, не отрываясь от сцены.

Зачем же я снова об этом говорю? В прошлый раз мы чуть не поссорились.

- Того той-терьера. Который тихо лаял под скатертью.

Кира пытается понять, о чем говорит Алексей, ведущий. Я ее только отвлекаю. И все-таки она вспоминает про собаку. На лице проскакивает гримаса недовольства.

- Давай не будем ни о чем говорить. По крайней мере, об этом, - предлагает девушка. - Посидим молча, послушаем.

Еще через минуту она добавляет.

- Лучше объясни мне, о каком фильме идет речь. Я совсем запуталась.

Перевожу взгляд с подруги на сцену.

Там четыре стула. Боковые заняты ведущими. Между ними расположился тучный невысокий мужчина в женских очках. Сейчас он говорит, поэтому все взгляды обращены на его яйцеобразную голову неправдоподобно округлой формы. Завуалированная сверхкороткой стрижкой плешь угадывается в пробивающихся волосах. Снизу эллипсоид головы дополнен невзрачной рыжеватой бородкой и ушами, сползшими едва не на шею.

У выступающего высокий громкий голос. По крайней мере, не придется переспрашивать у соседей, что он сказал.

Но... что, черт возьми, он несет?

В самом деле... Кира была права - почему-то он рассказывает о Чехии.

Насколько удастся понять, ведь я слушаю не с начала, тучный мужчина принял фильм за чешский. Он наспех расправляется с культурно-историческим контекстом - Пражская весна, пиво, Карловы вары, доступные цены, роботы Чапека, готическая архитектура, Вера Хитилова, похождения солдата Швейка - и переходит к самой Чехии, вернее, к тому, как чехи воспринимают нас, русских.

Тучная знаменитость мне не знакома. Но один из ведущих, Алексей, обращаясь, называет его Константином.

Краем глаза я ловлю оценивающий взгляд подруги. Кира придирчиво всматривается, пытаюсь понять, насколько я пьян.

Дальнейший рассказ Константина вплоть до нашего ухода крутится вокруг его поездки в Чехию. Он посетил эту страну в качестве туриста, ничего серьезного. Достопримечательности, недорогие магазины, блошинные рынки, нескончаемые питейные заведения, вкусная еда, лечебные грязи, десятки пансионатов...

В результате этого нескончаемого перечисления я теряю нить повествования. Слушатель из меня никудышный. Как биатлонист из Киры.

Кира шепчет мне на ухо, что отойдет на минутку. Воспользовавшись моментом, я подсаживаюсь к двум молодым людям с полным рюкзаком. Обмен несколькими фразами, и они угощают меня бутылкой с незнакомой этикеткой.

Вероятно, мое дальнейшее поведение объясняется несовместимостью этого напитка с уже поглощенным алкоголем. Но меня никто не предупреждал.

Открываю крышку. Пиво уже выпито, можно налить в бокал, но в нем остатки пены. Поэтому я делаю пару глотков прямо из бутылки.

Пространство на глазах меняется. Визуальные планы чередуются случайным образом. Ряды зрительских затылков переносятся за сцену, ведущий Алексей с напарником Алексеем рокируются с девицей передо мной. Вдобавок, все начинает кружиться. Сцена, стулья, гости, особенно потолок, вертящийся в другую сторону. Нестерпимо яркий свет. Цветовые пятна, вспышки. Пол уходит из-под ног... хорошо хоть, я в кресле... откуда-то доносятся грохот... нет, это чей-то голос... сотни голосов... Дребезжание... зал покачивается... раз, другой... как будто мы на корабле, а не здесь... в ресторане... или в киноклубе... Дискуссия... Чьи-то усмешки... Лысый Константин... Набитый бутылками рюкзак... Еще глоточек...

Зал наполняется не то дымом, не то туманом. Людей на сцене почти не разобрать. Звучный голос яйцеголового толстяка... едва не лопаются барабанные перепонки.

Тучный путешественник все еще в Чехии. Ему подворачивается местный житель, готовый ответить на несколько вопросов. Константина интересуют исключительно украинцы. Имитируя его интонацию, чех приступает к рассказу. Украинец, говорит он, прежде всего нелегальный гастарбайтер. В отличие от русского он приезжает не тратить деньги, а зарабатывать. Всегда на низкооплачиваемой работе и без социальных гарантий. Это его основные требования. К тому же, здесь не Россия, откуда украинцев регулярно выдворяют, здесь, в Чехии, их просто презирают. Но смотрят сквозь пальцы, потому что их трудом прирастает национальное богатство. У нас все гастарбайтеры тихие, смиренные, и

больше всего боятся попасться властям. Все, кроме украинцев, трудом которых прирастает... Тихие, смиренные, и больше всего... Это их основные требования...

- Какая ахинея! - взрываюсь я, вскакивая с места.

Сотни, тысячи голов оборачиваются в мою сторону. В задымленном зале лица почти неразличимы. Вижу лишь напряженную физиономию Алексея. Настолько отвратительную, что я сдергиваю с себя фотокамеру и бросаю через весь зал, разросшийся за это время до невероятных размеров.

Звук удара, вопли. Голов двести устремляются к сцене. Ошпаренный кипятком муравейник. Тепловой взрыв. Мир приходит в движение. И все из-за того, что разбили кому-то физиономию.

Я неуверенно, держась за спинки стульев, пробираюсь к стене, а потом вдоль нее к двери. Хватаюсь за ручку, чтобы не упасть. Но под моим весом дверь открывается, и я вываливаюсь в холл.

Перевернувшись во время падения, бьюсь спиной о пол.

Застываю.

Раскрываю зажмуренные глаза.

Надо мной озабоченное лицо Киры.

Что-то влажное, шершавое скребет щеку.

С трудом поворачиваю голову.

Это той-терьер радуется моему появлению.

Виляет тонким хвостом.

Ничего не видно. Кромешная темнота.

Я ползу на четвереньках, постоянно натываясь на разбросанные предметы. Они попадают под колени, под ладони. В такие моменты я останавливаюсь, ощупываю находку, проверяю, годится ли в пищу. Никогда не годится. Ползу дальше.

Организм изможден, я с трудом передвигаюсь. Я бы давно прекратил, если б не жуткий голод. Поиск пищи среди пластиковых банок, холодных металлических пластин, целлофановых пакетов, влажной провонявшей чужим запахом одежды, измятых газет, старых ботинок, просто-таки смердящих, мелких монет, вываливающихся из рук, деревяшек с торчащими гвоздями, чего-то мягкого и липкого...

Подношу к лицу очередную находку. Обнюхиваю. Никакого запаха. Напрягаю зрение. Бесполезно. Руки трясутся от слабости

и волнения. Медленно дотрагиваюсь языком. Момент прикосновения. На кончике остается вкус сладкой гнили. Сплювываю. Не годится. Нужно ползти дальше.

Я принохиваюсь. Может, удастся обнаружить что-нибудь по запаху. Но никаких запахов я не чувствую. Их нет или я лишился обоняния.

Под левой рукой оказывается стекло. Испугавшись, что оно треснет подо мной, я решаю обползти. И все равно наступаю ногой. Глухой песочный треск, в колено врезаются осколки.

Инстинктивно отдергиваю ногу. Отползаю. Сажусь в рыхлую кучу мокрого тряпья. Притрагиваюсь к раненому месту. Тепло и влажно. Ладонь становится мокрой, пальцы прилипают друг к другу. Подношу руку ко рту, облизываю. Солоноватый вкус.

Нужно обвязать. Хотя бы мокрым тряпьем, что подо мной. Приподнимаюсь, пробую вытащить... кое-что показывается вдруг из темноты, но потом снова исчезает. Что-то белое. Торчащие из белого черные полоски. Шум... Действительно, отовсюду доносится непрекращающийся гул.

Темнота.

И вдруг снова!

Кругом почти все белое. Торчащие полоски. Вдалеке желтые огни, что-то двигается. Гул. Автомобили. Я иду, облокотившись на плечо Кире. Скорее даже, она тащит меня на себе.

Скамейка. Шагах в пятнадцати от нас.

- Давай туда, – говорю я Кире.

- Как ты себя чувствуешь?

Она протягивает мне платок.

- Вытрись. У тебя все лицо в крови.

Сначала скамейка, потом все остальное.

Садимся.

Я беру платок. Вытираю губы. На светлой ткани остаются темные пятна.

- Может, снегом? – спрашиваю я.

- Ты с ума сошел, он же грязный.

- Откуда кровь?

Кира не сразу отвечает. Пауза.

- Когда ты вывалился из кинозала, выбежал твой знакомый и несколько раз ударил в лицо.

- Алексей? Ведущий?

- Не знаю. Может, и Алексей. Лицо у него тоже было разбито. Много крови. Капало. Он пытался зажать платком, но вырвал его.

Фотокамера, которой я не сделал за вечер ни одного снимка, все-таки пригодилась. Какой подарок ее владельцу.

Постепенно прихожу в себя. Медленно... медленно... И в какой-то момент быстро. Мгновенное оживление. Разбитые губы растягиваются в улыбке. Во рту вкус крови. Несколько раз сплевываю. На снегу остаются одинаковые красные кружки.

- Ну что, идем? – спрашиваю я.

Кира не отвечает.

Я поднимаюсь. Иду, немного покачиваясь. Оборачиваюсь. Кира вопросительно смотрит на меня со скамейки. Пытается понять, смогу ли я одолеть дорогу к метро.

- Вставай, - требую я.

Подхожу и беру ее за руку.

Нет, она не хочет. Ни в какую. Обиделась из-за того, что я надрался до животного состояния. Но все это из-за бутылки с незнакомой этикеткой. Моей вины здесь нет.

Где, кстати, эта бутылка? Неплохо бы проверить, что в ней. Как хоть называется напиток.

Оказывается, я уже иду в сторону метро. А где Кира? Осталась на скамейке. Странный провал в памяти. Я вспоминаю, как говорю, что тороплюсь успеть на метро. Она не отвечает. И я ухожу без нее.

Согнув руку, касаюсь пальцами лямки на плече – рюкзак на месте. А внутри еще и бутылка. Изучаю этикетку, но в тусклом фонарном свете почти ничего не разобрать. Читается только название – Ргеребеніа.

Пара глотков. Откашливаюсь. На вкус это черт знает что. А запаха еще хуже. Убираю обратно в рюкзак.

Вот и метро. Я останавливаюсь метрах в десяти от стеклянных дверей. Решаю немного подождать. Чего? Может быть, Киру.

Одна из четырех дверей на выход закрыта. Ею, в основном, и пытаются воспользоваться. Суются, толкают плечом, тянут на себя. У кого-то это занимает больше времени, у кого-то меньше. Важно понять, что рядом еще три двери, они-то и открываются.

Молодой парень долго тычется в закрытую дверь, а потом выходит в соседнюю. Он так обозлен, что с силой дергает ее на себя и едва успевает выскочить, чудом не задетый возвращающейся дверью. Парень замечает, что я его разглядываю, и отводит глаза. А я достаю Пререпенца и делаю еще несколько глотков.

Может, все-таки вернуться за Кирой? Удостовериться, не примерзла ли она к скамейке. Или снова пойти в клуб? Не исключено, что там до сих пор обсуждение. Константину объяснили, что это французский фильм, и теперь он рассказывает про Францию. Можно будет вставить пару мыслишек. А если клуб уже закрыт, там ведь же и ресторан. Всегда можно подсесть к компании. Выпить Пререпенца. Поговорить. Хотя бы о той же Чехии.

Пока я перебираю варианты, возникает одно мелкое неудобство. Желая поскорее от него отделаться, я захожу за колонну. На самом деле меня отовсюду видно, но прохожие в этот час почти ничем не интересуются. Можно и здесь.

Еще немного Пререпенца, и я обнаруживаю себя взобравшимся на гранитное возвышение, с которого начинаю декларировать.

- Ну да, я невысок, щупл и безобиден? – почти кричу я. – Но что с того? Почему я не имею права на такую же жизнь, как остальные? У меня другой взгляд на вещи. Но ведь общество обладает запасом терпимости - противников большинства не расстреливают. Так, по крайней мере, мне всегда казалось.

- Что ж, допустим, я - диссидент. Я, например, в знак протеста отливаю где ни попадя. Но, еще раз, это мой способ протеста. За что меня штрафуют власти и поносят горожане, едва ни палкой тыча в причинное место?

- Вдобавок, я безработный. Но я этого и не скрывал. Вспомните Библию: не судите и не судимы будете. Кто дал вам право судить? Книга, ценимая в современном мире выше всего остального. Зачем вы поносите Конституцию и испражняетесь на Библию?

- Я называю себя осмысленным атеистом, но даже мне тошно ваше безбожие. Человек должен быть насажен на идейный стержень. Он прямо с ним и появляется на этот свет. Христианство, либерализм, нигилизм – одна херня – стержень должен быть.

- В самом деле, почему вы так озлоблены? Взять хотя бы вчерашний вечер. Стоило мне присесть у входа в метро, чтобы разобраться с кишечником, как тут же налетели милиционеры и поволокли меня в отделение, пытаюсь по дороге выклянчить взятку.

- О какой взятке шла речь, если я даже штаны не успел натянуть? А кусок испражнений волочился следом, так и не отделившись от прямой кишки. Перед самым отделением его, этот кусок, придавил ногой участвующий в задержании офицер.

- Кто эти люди? Они что, с Луны на вас свалились? Милиция, давящая дерьмо на глазах у прохожих? Да это вы сами. Плоть от плоти. Понимаете, бестолочи?

У возвышения, на которое я залез, собирается небольшая толпа, человек пятнадцать, не больше. Вот и моя аудитория. Остальные проходят мимо, скептически улыбаясь или вообще отворачиваясь. Этих большинство.

Среди прохожих я замечаю Киру. Она спешит в метро. Я прыгиваю со своего постамент, желая догнать подругу, но, цепившись ногой за что-то, повисаю вниз головой, едва не врезавшись лицом в гранит.

- Кира! – кричу я в отчаянии.

Трое мужчин высвобождают мою ногу и возвращают обратно на постамент. Они хотят продолжения. Даже не хотят – требуют, сыплют угрозами. Желание становится опасным.

Под одобрение собравшихся я достаю из рюкзака бутылку Пререпенца. Отвинчиваю крышку. Глоток... и я проваливаюсь в глубокий сон.

Щелчок, и мгновенно все исчезает.

Пустота.

Омерзительным нелепым кошмаром проступает в памяти вчерашний день. Как пятна грязи на бумаге.

Я оказываюсь дома только утром. Снимаю в прихожей рюкзак. Он расстегнут. Наружу торчит бутылка. Крышки нет, внутри осталось немного желтоватой жидкости. И – боже мой – эта ужасная вонь.

Вбежав в туалет, я выливаю остатки пошла в унитаз и немедленно спускаю воду. Потрясенный, разглядываю свое отражение.

Грязная, сильно опухшая физиономия с темной полосой от виска до противоположной скулы.

Тщательно мою руки, лицо. В раковину падает мыльная пена, почти черная. Проходит минут десять, прежде чем с рук начинает стекать прозрачная вода.

Решаю убрать бутылку обратно в рюкзак. Один ее вид пробуждает вчерашнее безумство, только что смытое в раковину. Но, странное дело, бутылка натывается на что-то мягкое. Я заглядываю в рюкзак – внутри маленькая собачка, черно-рыжий той-терьер. Похоже, дохлый.

Гадкая псина. Я тыкаю в нее горлышком бутылки, той-терьер начинает пищать. Все-таки живой. Я замечаю, что он дышит. Но не просыпается, даже не открывает глаза.

Пьяное омерзение накрывает с новой силой. Как избавиться от животного? Выбросить бы его в окно вместе с рюкзаком и пустой бутылкой. Уцепившись за эту идею, я вбегаю в кухню.

Какая мерзость! Тошнотворно! Вчерашние помои! Что это было? Кто в этом участвовал? Уж точно не я. Но кто тогда? Мой двойник, вторая субличность. Дремавшая все это время. Вернее, притворявшаяся, что полностью со мной солидарна. В любых вопросах, во всем до мельчайших нюансов. Идеальный союз. И внезапно такой поворот. Все вдребезги. Взаимопонимания как не бывало. Меня отшвырнули. На сцену вылез убогий дублер, до сих пор безоговорочно копировавший каждое мое движение. Тут же распоясался. Вышел из подчинения. Отбросил нормы поведения, приличия. Я перестал его узнавать. Двойник окунул голову в дерьмо. И чью голову? Мою! Своей у него нет. В самом деле, что же произошло? В какое уныние все это вгоняет. Одни лишь намеки на воспоминания, пустые догадки. Никакой конкретики. Но какое отвращение. Или... не отвращение... скорее ревность... Бессмысленность. Ревность к своей субличности по отношению к окружающим. Другими словами к себе же. Чудовищное предательство после отстранения. Моя половина от меня отделилась. То, что я всегда считал своим, меня отринуло. Я был забыт. В неведении растоптан. Субличность развлекалась на моих останках с малознакомыми людьми. К чертям собачьим такую близость. Плевал я на единение. Растоптано... Неприятие... Отвращение, переходящее в ревность. Ревность, возвращающаяся к отвращению. Но к кому? К себе? Или к другой субличности, без-

образно от меня отстранившейся? Ставшей чужой. Где она теперь? Ау-ууу. Притащилась под утро как неверная баба. Из гостей, где поносила супруга, выставляла посмешищем. Отдалась там же, не выходя из общей комнаты, первому, кто ее захотел. Под всеобщее улюлюканье. Веселье в беспамятстве. Гадость! Гадость! Вернулась под утро. Залезла в постель к мужу, а от нее до сих пор разит чужими телами. Потом и спермой. Муж, не просыпаясь, отворачивается. Утыкается лицом в стену. И правильно делает. Все лучше, чем прижиматься к развратной бабище. Мне бы его категоричность.

Омерзение сменяется унынием. На глазах выступают слезы. Кухня осыпается сотней осколков.

Бесцельно блуждающий взгляд останавливается, наконец, на маленьком столике. Риты за ним нет. В это время она спит. На подоконнике только ее пепельница. А рядом...

Что там рядом? Неразличимое пятно.

В рюкзаке, который я держу в руках, что-то дергается. Раз, еще один. Наружу вылезает той-терьер. Падает на пол. Крутится у моих ног, недоумевая, где он оказался.

Я подхожу чуть ближе к подоконнику. Отсюда удастся разглядеть, что это за пятно. Черная кожаная перчатка с торчащим из нее запястьем. Между средним и указательным пальцами зажата потухшая сигарета. Из тех, что курит Рита. Тонкая, с ментолом.

Псина неожиданно заливается лаем. На этот раз не беззвучным – оглушительным.

- Шум может разбудить Риту, - приходит мне в голову.

Я таращусь на подоконник. Вернее, на запястье в перчатке. Потухшую сигарету...

Той-терьер мешается под ногами.

Если б я был художником, то взялся бы за картину.

Прямо сейчас.

"Забыла сигарету у окна".

Но, к сожалению, я не умею рисовать.

Станислав Курашев **Отсутствие переговорных устройств между жизнью и смертью**

Сегодня фиалковый день.

Впрочем, это любой из нечетных дней, в которые медицинскую сестру зовут Марта.

Её розовая туалетная вода отчетливо пахнет фиалками.

Вообще-то, это я себе придумал, как и многое другое в своей жизни.

Я не знаю, как пахнут фиалки.

Я даже не уверен, какого они цвета.

Это звучит почти как эпитафия на надгробном камне: «Он даже не знал, какого цвета фиалки. Ангелы, плачьте о нем».

«Этот странный русский,» - так меня зовет Марта со своей неизменной доброю улыбкой, улыбкой существа, у которого в жизни нет и не предвидится особых проблем, которая не видела зла и плохо себе представляет, что это такое, и русские ей, очевидно, представлялись именно такими, как я – существами странными, грустными и бессмысленными.

Ее сограждане в тридцать пять лет, очевидно, отличаются от меня, который в те же тридцать пять лет медленно умирает в клинике доброго доктора Шнайдера, куда меня поместили мои человеколюбивые родственники.

Каждый день в своей жизни я просыпался с тяжелого похмелья, каждый божий день, я алкоголик с шестнадцати лет, а эликсир вечного бессмертия ещё, к сожалению, не придуман, и поэтому последнее, что мне осталось, - это медленно и отвратительно умирать.

Я почти не могу ходить, меня измучил мокрый и сухой кашель, кожа и мышцы как будто горят медленным внутренним огнем, и так далее, и тому подобное.

Единственное, чего я хочу, – это бутылку водки, хорошего пива, закуски и пачку сигарет, но всего этого в клинике доктора Шнайдера для меня не существует.

Я всегда считал себя гением, самым необычайным из всех, если б мне удалось убедить в этом хоть пару человек, может, все закончилось бы иначе – хотя бы сороковым днем рождения, хотя

бы рукой русской женщины на моем лбу, хотя бы не такой безумной болью во время мочеиспускания.

Даже сейчас я продолжаю этот фарс, – когда позволяет мое измученное правое запястье, которое часто не может даже удерживать ручку из-за того, что в нем разрушены природные связи между мышцами, пространством нервных нитей, током крови и прочей хернёй, – записи в моей последней тетради своим самым последним, самым ужасным почерком, который я и сам с трудом могу разобрать.

Когда мне было двадцать, помнится, я писал лучше любого каллиграфа.

Забавно, что я, написавший такие шедевры, как «В поисках Огненного человека» и «Довольно холодный вечер в Антарктиде», умру в таком месте, где никто не умеет читать по-русски.

Ни у одного из моих героев, по-моему, не было счастливой судьбы.

Все они – Анна Гьелаанд, Бэтмен, Амарина, Абракадабра и сотни других – были исковерканными людьми в исковерканном, искаженном, безумном мире.

И все они умерли, умерли, умерли.

И я их всех – до одного - любил.

Я питал, я творил их своей любовью.

Я умираю не от гноя или язв – у меня всего лишь кончился запас любви.

Я истратил всю свою душу.

Когда я шел по вечерней улице, среди стольких голосов и лиц, и думал о каком-нибудь безумном старике, живущем в подвале, которого я придумал минуту назад, говорящем на мертвом языке, который никто не может понять, и рисуящем на стенах подвала символы – чужою кровью, то все они вокруг были только мертвыми тенями, ненужными и отвратительными.

Он, единственный, был – жив.

И на это я истратил всю свою жизнь.

Бедная Марта! Казалось, она сама сейчас заплачет, глядя на мои беспомощные слезы.

Она долго, медленно вытирала мое лицо полотенцем, а слезы у меня текли все сильнее, пока, наконец, я не успокоился; это

произошло внезапно, и она не сразу заметила, что слез уже больше нет, а я неотрывно смотрю на неё, словно бы она чем-то может меня утешить.

Я всю жизнь был очень сдержан в слезах, хотя они приносят такое облегчение, и почти не плакал на людях, да и наедине с собой это случалось довольно редко.

За последний месяц я выплакал больше слез, чем за всю свою жизнь.

Не писал несколько дней – совсем не действует рука.

Онемевшие и опухшие пальцы – немые и не мои.

Слишком медленно движется кровь, если это можно ещё называть кровью.

Такое впечатление, что стоит посильнее нажать на подушечки пальцев – и выступит черная, вязкая жидкость.

Сегодня после дневного укола пытался воспроизвести свою прежнюю подпись – легкоизящную, как парусный корабль.

Но получались только какие-то треугольные огромные буквы, безнадежно сползающие вниз листа.

Единственное, что от меня ещё осталось, – это голос.

Уговорил Марту принести мне сигарету – убедил её, что уж от этого мне точно хуже не станет, на своем плохом английском, (а она помимо английского знает ещё и французский, уж не знаю зачем) и она, хотя если это кто-нибудь заметит, то ей, конечно, влетит, согласилась.

Она открыла настежь окно – там было холодно, и этот холод был приятен – и дала мне свою французскую коричневую сигарету.

Я закурил, и мне стало безумно хорошо, хотя я отчетливо почувствовал, какой у меня будет потом кашель.

Фильтр медленно окрасился красным, на нёбе опять открылись язвы, я стряхивал пепел в её подставленные ладони, потом она сдула этот пепел со своих ладоней и колец в холодный воздух квадрата окна.

Я вдруг вспомнил какую-то старую историю, глядя на её спичечный коробок из кофейни для курящих (она рассказывала, что любит там бывать... с кем? впрочем, какое мне дело... я уже не способен овладевать – чужой душой... когда так невыносимо болит кровь, не думаешь больше ни о чем, красный и черный пе-

рец в артериях, словно безумно терпкий подсолненный гранатовый сок, запястия как болото, речные отвратительные миазмы вен – когда постоянно царапаешь их ногтями, то белые линии на них потом заполняются красным) и, вспомнив окончательно, спросил, есть ли у неё ещё один.

Она открыла свою сумку из черной кожи с серебряным металлом и долго перебирала там свои пожитки (впрочем, миллиарды слов написаны писателями о тайном содержимом женских сумочек) и, к моей радости, нашла ещё один спичечный коробок из той же кофейни.

Я попросил её высыпать из них спички на столик у кровати и потом долго объяснял, что нужно сделать.

Наконец она засмеялась, и отошла к двери, и приложила полуоткрытый коробок к губам.

Я сделал также и шепотом сказал – привет.

И она меня прекрасно услышала!

Потом я сказал – Марта.

А она прошептала – Станислас, (она произносит мое имя на свой немецкий лад).

И я тоже её услышал...

Потом я прошептал – у тебя зеленые глаза.

А она – у тебя черные глаза...

Я не выдержал и засмеялся, лучше этого было не делать, потому что я тут же начал кашлять очень тяжело и неприятно.

По моему взгляду она, наверное, поняла, что лучше ей сейчас будет уйти.

Я кашлял ещё несколько минут, окрашивая левую сторону подушки сгустками крови, пока, наконец, это не закончилось.

Потом опять плакал.

Спички так и остались лежать уликой на моем столике.

При желании можно складывать из них разные слова.

Например – «вечность».

Ну, или, например – «смерть».

Когда мне было тринадцать лет, мои человеколюбивые родственники отправили меня на все лето в трудовой лагерь неподалеку от Черного, то есть Азовского моря.

Этот лагерь имел какой-то договор с нашей школой и, сидя в плацкартном вагоне вместе со своими так называемыми товарищами, я смутно вспоминал, что вернувшиеся с прекрасного берега моря в прошлые годы как-то отчетливо менялись.

Они продолжали ходить с нами в кино, но на другие фильмы, они также играли во дворе школы, но уже в какие-то свои игры, у которых правила были странными и непонятными, даже черты их лиц словно бы становились немного одинаковыми. Я вспоминал какие-то приглушенные, темные слухи, ходившие о них в школе, какие-то их совместные костры в подвале, запрещенные книги, и какую-то невидимую границу между ними и нами, что-то чужое, чужеродное, плохо передающееся словами.

Директором нашего трудового лагеря, который назывался просто «Лагерь», (через несколько дней, увидев в поселке, на краю которого и находился лагерь, магазин под названием «Магазин №2», я уже не удивился, позже обнаружили и другие свидетельства неизобретательности в названиях местных жителей, о названии самого поселка, думаю, упоминать излишне) была Элеонора Гастелло, которая служила живым примером того, что, родившись с подходящей фамилией, человек может добиться всего, чего угодно душе.

Никакой родственницей несчастного воздухоплователя она, конечно, не являлась, зато была фантастически невежественна, напориста и громкоголоса.

В общем, ей предпочитали не противоречить, да и фамилия все-таки смущала представителей той или иной власти и прочих смертных.

Если она все ещё жива, она наверняка проректор какого-нибудь МГУ, или директор какого-нибудь авиазавода, ну или, на худой конец, представитель дипломатической миссии в Австралии.

Это было женское воплощение Выбегалло.

От неё я навсегда перенял привычку произносить половину слов с неправильными ударениями.

Плюс множество других привычек, которые мне очень потом помешали в жизни.

Например, в компании пьющих алкоголь, я всегда вставлял себе в правый глаз (вместо монокля) пробку от водки, либо любого другого напитка, который был на столе.

Так я и сидел на протяжении всего застолья, через нерегулярные временные промежутки тыкая в пробку, вставленную в глазницу, вилкой, либо просто пальцем, искусно имитируя в этот момент звук выпускаемых газов.

Также у меня вошло в привычку, сидя за столом, всегда иметь под рукой сковородку (у Элеоноры была своя старинная чугунная, практически вечная, но я обходился любой), на которой я постепенно, за дружеским разговором, сжигал любые предметы, которые способны были гореть, начиная с газет и кончая книгами в мягких обложках, не нужных хозяевам стола, деревянными статуэтками, твердыми игрушками, и так далее, и тому подобное.

Для скатертей, старых простынь, футболок я, по примеру Элеоноры, всегда носил с собой ножницы, постепенно отрезая от них равномерные куски и аккуратно выкладывая на горящую сковородку.

И так далее.

Я понял гораздо позже то странное алхимическое воздействие фамилии на людей, когда через очень небольшое время меня, в отличие от Элеоноры Гастелло, которую все любили и уважали, перестали приглашать куда-либо и кто-либо.

Об Элеоноре я могу рассказывать бесконечно, но надо двигаться дальше.

Итак, в «Лагере» мы занимались в основном окучиванием виноградников, которые мне запомнились ужасно схожими с огромными кактусами, растущими на сожженных солнцем склонах, в твердой и растрескавшейся земле.

На море, до которого было около двух километров по неровной географической прямой, мы бывали только по воскресеньям, ибо по мудрому распоряжению Гастелло купание в море и прочие разнообразные развлечения во все остальные дни предоставлялись только тем, кто выполнял ежедневную трудовую норму.

Норму в начале нашего пребывания у моря нам удалось выполнить примерно часов за пятнадцать напряженного непрерывного труда, в конце месяца мы уже успевали укладываться в четырнадцать, но особого облегчения это нам почему-то не приносило и никто из нас, вернувшись около полуночи в «Лагерь», не имел никакого желания идти к морю или ещё куда-нибудь.

Некоторые слабые или, наоборот, сильные духом даже предпочитали не возвращаться в лагерь, чтобы не тратить на дорогу туда и обратно целых пятьдесят пять минут, и ложились спать прямо у последнего законченного ими куста, чтобы с утра очнуться уже прямо на рабочем месте, постепенно у них появилось даже что-то вроде переносных временных землянок, в которых они и ночевали.

Сейчас я жалею о том, что не примкнул к любителям ночного свежего воздуха, потому что они почти не встречались с Гастелло.

Правда, у них было много своих внутренних проблем.

Нас – тех, кто приезжали каждое утро из лагеря на автобусе и потом поднимались ещё пешком от дороги по склону горы на высоту 1250 метров, где и располагались виноградные плантации – они почему-то называли «легионерами».

Вообще, это отдельная история, они очень быстро стали говорить на каком-то своем малопонятном гортанном языке, обсуждая только уже одним им понятные вещи, питались непонятно чем, и местные жители никогда в ночное время не ходили по дороге мимо склона после нескольких странных исчезновений, после костров на склоне, выложенных в виде девятиконечной звезды, и ещё некоторых случаев, о которых я не хочу даже вспоминать.

В наше время их бы назвали «виноградные дети».

Итак, утром мы поднимались по склону, видя сверху ещё тлеющие костры, которые, очевидно, горели всю ночь, одинокую фигурку дозорного (как они его называли), сидящего на камне и глядящего на наше приближение сквозь синие очки, видимо снятые с какого-то местного жителя, и казалось, что так неподвижно он сидит здесь уже тысячу лет.

Словно призрак того времени, когда виноградники давали некрепкое монастырское вино, а солдаты носили красно-черные пеплуны.

Когда мы доходили до Змеиного дерева и нам оставалось идти ещё минут пятнадцать, о чем он, конечно же, прекрасно знал, дозорный медленно, как ящерица, слезал с камня, чтобы сделать свои нехитрые утренние дела – затушить догорающие угли из кастрюли с дождевой водой, потом он закапывал какие-то невидимые нам предметы, которые, очевидно, нужно было закопать,

и, наконец, будил остальных виноградных братьев странными гортанными выкриками, наверное, подражая какой-нибудь ночной птице.

Они выползали из своих временных землянок и, собравшись вокруг кастрюли, умывались, медленно переговариваясь, и до нас доносились их гортанные шепоты и усмешки, основанные на воспоминаниях о прошедшей ночи и бог знает чем ещё. От них пахло звериной шерстью, какой-то трупной гнилью и сладковатым дымом костров.

В те блаженные дни, когда шел дождь, мы оставались в “Лагере”, играли в нехитрые настольные игры – автоматический бильярд и музыкальные шкатулки, некоторые, в том числе и я, бродили по поселку, размытому дождем.

Такие дни были очень спокойны – стирка белья, мытье в ванне, черно-белый телевизор, кстати, именно там в “Лагере” я впервые посмотрел “Сокровища Агры”, телевизионный фильм, который поразил и разрушил мое воображение.

Весь день девическая часть «Лагеря» под холодное сопровождение дождя жарила на кухне блины, куда время от времени забредал каждый из нас, проголодавшись или просто устав от автоматического бильярда.

По жребию составлялись делегации из двух человек – в «Магазин №1» за сметаной и земляничным вареньем, потом, ближе к вечеру, на картах разыгрывался состав дипломатической миссии к виноградным братьям, считалось традицией в такие дни приносить им блины в алюминиевой кастрюле, завернутой в несколько полотенец для сохранения тепла.

В состав миссии входили те, кому выпадал пиковый и крестовый тузы.

Виноградные братья даже в дни дождя не приходили в «Лагерь», оставаясь в своих временных землянках, неизвестно почему, в их мысли и причины их поступков мы старались не вникать.

Однажды мне тоже выпал пиковый туз и мы, позаимствовав зонтики у Гастелло, которая их коллекционировала, отправились к склону горы.

Кастрюля была все ещё теплой, когда наверху мы увидели дозорного.

Он сидел на камне, закутанный в пластиковую пелерину, рядом с искусно замаскированным от дождя костром, как какая-то

большая грустная птица, сквозь пластик смутно виднелись его синие очки, которые, как мы уже знали, являлись отличительной особенностью дозорного, передаваемым по кругу их тайным символом.

Он поприветствовал нас коротким гортанным вскриком, подняв вверх правую руку, и стал спускаться нам навстречу.

Мы встретились у Змеиного дерева и передали ему кастрюлю.

Он что-то пробормотал – мы уже плохо понимали их язык – и побрел назад, к временным землянкам, откуда нам сквозь линии дождя чувствовались внимательные и настороженные взгляды.

Вечерами таких дней мы занимались необременительной трудотерапией по инициативе Гастелло – изготовлением переговорных устройств.

Переговорные устройства были очень просты и предназначались приюту для детей со слабым умственным развитием, который находился неподалеку.

Они состояли из двух пустых спичечных коробков, в днище которых с помощью иголки продевалась нитка длиной в восемь с половиной метров, и они соединялись друг с другом.

Таким образом, теоретически, дети со слабым умственным развитием, даже находясь в разных комнатах, могли переговариваться друг с другом по этим коробкам, но только если те были в полувыдвинутом положении.

Потом мы относили переговорные устройства в комнату Гастелло.

Она обычно сидела за столом, заваленном всякой всячиной, чаще всего перед ней лежал кубик Рубика, который она внимательно разглядывала, положив локти на стол и подперев подбородок руками, изучая расположение цветных квадратов.

Мы никогда не видели, чтобы она брала его в руки.

Тем не менее, все-таки иногда расположение цветных квадратов менялось.

Рядом с ней почти всегда стояла сковородка, на которой медленно горело что-нибудь с неприятным запахом.

Перед сном мы молились о том, чтобы завтра опять был дождь.

Во сне мне часто снился этот странный приют, он представлялся мне почему-то средневековым замком со множеством загадочных комнат.

Каменный пол, устланный переплетением разноцветных нитей, ведущих во все стороны, невнятные, приглушенные голоса, факелы на стенах и бронзовый гонг, созывающий грустных обитателей замка к ужину в обеденный зал первого этажа.

Руководителем этого приюта, который назывался просто “Приют”, был, как я случайно узнал, некто Николай Джагуравичюс – тайный любовник Гастелло.

Впервые я увидел его в одно из воскресений в “Магазине №2”, где я стоял у полки с прошлогодними журналами, которые никто, естественно, из местных жителей не покупал. Рядом стоял один из виноградных братьев, они иногда посещали этот магазин, вопреки своим принципам не подходить близко к “Лагерю” и поселку, в котором все аборигены их ненавидели и боялись.

Я читал “Вокруг света” – большой материал с фотографическими снимками о безумных обычаях новозеландских племен несколько веков назад, с удивлением отмечая необыкновенное сходство между той и этой жизнью.

А виноградный брат увлеченно читал “Изобретатель и рационализатор”, время от времени делая пометки химическим карандашом прямо на голой левой руке, от его плеча до запястья тянулись какие-то странные чертежи и формулы, периферическим зрением в то же время сканируя все пространство магазина.

Вдруг он пробормотал, он знал, что я уже немного понимаю их диалект, последние дни я работал в основном рядом с ними на виноградных плантациях – легаварэн хуйнэ за Джагуравичюс... (легионер, глянь – Джагуравичюс...)

Они вообще были удивительно осведомлены.

Я увидел невысокого человека, неуловимо схожего со священнослужителем, с высветленными, почти белыми волосами.

К моему удивлению, он достал из кармана спичечный коробок, потом второй и отдал его продавцу, они выдвинули их и начали неслышно переговариваться, приложив их к губам.

Коробки были почему-то без ниток.

И тут я испытал настоящий шок – виноградный брат тоже достал из кармана несколько пустых коробков, он по очереди

поднес их к губам, и вдруг из одного из них, на этикетке которого был изображен веселый снеговик, тихо зазвучали их голоса. Он искривил губы злою и холодною усмешкой и записал на внешней стороне запястья – Джаг – зимонжик... (Джаг – снеговик).

Разговор для меня шел ни о чем, о каких-то людях, которых я не знал, встречах и событиях. Но виноградный брат слушал очень внимательно, как настороженный паук, закусывая губы и весь подергиваясь, по-видимому, отлично понимая о чем идет речь.

Наконец Джагуравичюс ушел, вскоре вышли и мы, провожаемые взглядом продавца.

Я от нечего делать пошел провожать виноградного брата до склона, по пути мы зашли на кухню, вернее я один, а он ждал меня на улице.

Я взял хлеба и каких-то консервов и отдал их ему.

В благодарность по дороге он рассказал мне кое-что о переговорных устройствах.

Оказывается, нитки, соединяющие переговорные устройства, это всего лишь символ, специально для детей со слабым умственным развитием.

На самом деле они не нужны.

Самое главное - чтобы этикетки были идентичны, тогда связь осуществляется нормально.

И, более того, можно слышать все разговоры, ведущиеся с помощью коробков с такой же этикеткой.

Я спросил виноградного брата, не кажется ли это ему странным?

Хуйда нармал (это нормально), – ответил он.

Он все время смотрел себе под ноги, как оказалось, выискивая пустые спичечные коробки.

Вдруг он с коротким гортанным вскриком поднял с земли коробок.

Он осторожно счистил грязь с этикетки и, весьма довольный, сказал – кэшэ сайбира... (кошка сибирской породы)...

Он поднес коробок к губам, но радиоэфир молчал.

Также оказалось, что абсолютно все жители поселка имеют переговорные устройства.

Для удобства у женских ПУ по диагонали была срезана часть этикетки.

Таким образом, по внешнему виду ПУ всегда можно было абсолютно точно узнать пол его владельца.

Виноградный брат заметил, что это очень удобно.

Необъяснимо большое количество детей со слабым умственным развитием, находящихся в «Приюте», он объяснял для себя тем, что этот поселок очень давно отделен от соседних населенных пунктов, отделен не географически, а иными вещами, и общение с теми, кто ничего не знает о переговорных устройствах, представляет серьезную проблему.

Поэтому они занимались в основном кровосмешением, абсолютно все в поселке были так или иначе друг другу родственниками, и все чаще родившиеся дети отличались неполноценным умственным развитием.

Также он рассказал притчу, или легенду, или подлинную историю, услышанную им от одного из аборигенов (при каких обстоятельствах это произошло, я предпочел не спрашивать) – давным-давно, ещё до русско-японской войны, у местных был красивый и невинный обычай: на берегу существовал грот, вход в который сейчас уже забыт или разрушен в связи с чем-либо, а раньше вход находился ниже уровня моря, но сам грот поднимался вверх и поэтому большая его часть оставалась неподвластной морской воде и оставалась сухой.

Доступен грот был только в период очень сильного отлива, случавшийся раз в несколько месяцев.

Аборигены вычисляли этот день по метаморфозам Луны.

Этот день назывался днем всех влюбленных, а грот – гротом холодных цветов.

В его дальней части росли удивительные цветы, явно не принадлежавшие этому времени, очевидно, оставшиеся от одной из древних эпох.

Цветы иногда удавалось с трудом пересадить в обычную землю, но в ней они никогда не цвели и все равно через какое-то время умирали.

Только в гроте были подходящие для них условия.

Лабиринты грота никогда никому не удавалось изучить полностью, сразу же за входом находилось несколько разветвленных ходов, которые в свою очередь тоже через какое-то время раз-

ветвялись и за те полтора часа, когда грот оставался открытым, что-то понять в нем было невозможно.

Те, кто был влюблен, приходили в этот грот за холодными цветами для возлюбленных, это считалось безотказным средством добиться благосклонности объекта любви.

Иные влюбленные оставались здесь навсегда, не успев найти выход, и умирали страшной голодной смертью подобно индейцу Джо.

Однажды трое местных жителей, имена которых история не сохранила, но можно догадаться о том, что они были молоды и несчастливы в любви, обнаружили в одном из самых глухих ответвлений лабиринта два очень странных скелета, имевших слишком мало общего с человеческими.

Длина одного скелета составляла 319 сантиметров, а второго – 326, у них было пять передних конечностей и асимметричный треугольный череп.

Рядом с ними было найдено множество странных предметов, некоторые остались неразгаданными, но иные предметы местные жители использовали очень продуктивно, пока источник вакуумной энергии, питавший их, не закончился.

Единственное, что сохранилось до нашего времени – переговорные устройства, которые удивительно напоминали простые спички, потому что вместе с ними было найдено зарядное устройство, работающее не на вакуумной, а на обыкновенной солнечной энергии.

Через какое-то время один из местных изобретателей сумел переделать зарядное устройство так чтобы в нем можно было заряжать спичечные коробки и они работали, правда, не так эффективно, как настоящие переговорные устройства, но все-таки работали.

Настоящие ПУ сейчас хранились неизвестно у кого, зарядные устройства – тоже, но они – существовали, так как, по словам виноградного брата, одно из работающих ПУ, которое он видел, имело этикетку «70 лет Октябрьской Революции». Настоящие ПУ также передавали не просто речь, но и подлинные чувства и мысли передающего, в коробках этот эффект проявлялся, но в меньшей степени и непостоянно.

Влияние этикеток не понимал никто, но, по слухам, на настоящих ПУ тоже имелся свой какой-то определенный знак.

Наконец мы дошли до склона, я чувствовал себя как-то странно, словно больной лихорадкой, и мне ужасно хотелось спать.

Дозорный молча смотрел на нас сверху, позади него у костров полулежали остальные, над одним из костров на вертеле висела какая-то странная туша.

Хейба лан хуйна, (спасибо за хлеб) – сказал виноградный брат и, поколебавшись, вдруг добавил – гаден лаагма Эртек... (детский лагерь «Артек»)...

Он стал подниматься наверх, к кострам и переносным временным землянкам.

Я пошел в «Лагерь», время от времени отчаянно зевая, думая о том, как бы поступил на моем месте Шерлок Холмс и как бы он проанализировал весь этот бред с помощью индуктивного метода.

Я решил в следующее воскресенье этого бесконечного лета обязательно пойти на море и поискать грот холодных цветов.

По примеру виноградного брата, я смотрел себе под ноги, но ничего не нашел.

Внезапно я остановился, пораженный мыслью – «Артек» это, скорее всего, рисунок на этикетке, а значит это их рисунки, то есть знак их переговорных устройств.

И если я достану такой же коробок, я смогу все время разговаривать с виноградными братьями и просто слушать их разговоры и тайные мысли.

Но почему он мне доверил такую тайну, зачем?

Просто из дружеского расположения?

С какой-то неведомой мне целью?

Я знал, что виноградные братья ничего не делают просто так.

Дойдя до «Лагеря», я осторожно зашел в комнату Гастелло, предварительно постучав.

Она, как всегда, сидела за столом, читая свежий номер «Работницы», на сковородке потрескивала молодая еловая хвоя, кубик Рубика лежал в углу стола, трехмерная проекция сторон, обращенных ко мне, была заполнена сплошными цветами – синим, желтым и коричневым.

Я робко спросил её, не знает ли она как по метаморфозам Луны, определить время самого сильного отлива?

Она как-то странно посмотрела на меня, словно увидела в первый раз, её рука потянулась в ящик стола (там лежало переговорное устройство?), но она быстро отдернула её и рассеянно ответила – понятия не имею.

Она подбросила ещё хвои в сковородку, зачем-то потрогала кубик, её руки бесцельно двигались по столу, вдруг одна из них скрылась под столом и мне послышался слабый скрежет ключа.

Я смотрел на неё как зачарованный, словно бы это была комната Красной Смерти, в каком-то сонном наваждении, вдруг скрежет прекратился и она, очевидно, овладев собой, сказала, глядя в сторону – можешь идти...

Я вышел и кое-как дошел до спальни, где уснул мгновенно, несмотря на то, что было всего семь часов вечера...

Я писал всю ночь и больше не могу.

Наверное, я этим приблизил свою смерть.

Рот заполнен кровью, у меня внутреннее кровотечение.

Чудовищная, распухшая рука, в синих и багровых рубцах.

Несколько раз за ночь, когда она переставала действовать, я глубоко, до крови, прокусывал пространство кожи между большим и указательным пальцем, пробуждая остатки какого-то самого последнего электричества, но сейчас и это не помогает. Несколько страниц безнадежно испачканы кровью, я сам уже ничего не могу разобрать.

Иногда мне было так хорошо, словно бы я стал снова молод и здоров, и полностью властен над любым словом, над любым переплетением слов, я так радовался, вспоминая Элеонору Гастелло и грустный магазин №2, и только недавно я понял, что пишу по мокрой странице и плачу.

Жалко, что нет водки.

Это последняя из историй, которую я пытался написать, я дошел только до половины, но это не имеет значения, её всё равно никто не прочтет.

Комедия дель арте – окончена.

Если я доживу до утра нечетного дня недели, надо будет попросить Марту о последней глупости – положить коробок из кофейни для курящих, в которой, наверное, так хорошо сидеть, читая газету, в нагрудный карман рубашки, в которой меня похоро-

нут на кладбище, позади клиники доктора Штайнера, только бы она не забыла его наполовину выдвинуть.

Только бы она не забыла.

И если переговорные устройства работают в пространстве между жизнью и смертью, то мы сможем переговариваться с ней, даже когда меня уже не будет.

И я расскажу ей всё, что было дальше – как я случайно нашел грот холодных цветов, о войне между жителями поселка и виноградными братьями, о странном самоубийстве Джагуравичюса и обо всем, обо всем остальном.

О периоде шампанского в юности, когда я писал стихи о Дочери Хрустала, о периоде светлого хереса, когда я был влюблен в Анну Гьелаанд – самую прекрасную из всех, об основных белых периодах водки, когда я написал все свои лучшие вещи – о безумии Огненного человека, о холодной робинзонаде в предгорьях Антарктиды, о сборщиках пустой посуды, о Зомби и Докторе Смерть и всех, всех остальных, кого я так – любил.

Об элизиумах калек в моих снах, о госпиталях для измученных поэтов, в которых лечат не запястия, но – душу.

Ну, или хотя бы о том, что она прекрасно знает и сама, - что некоторые люди умирают в тридцать пять лет, от самого обычного алкоголизма, и за несколько дней до смерти не могут отчетливо написать на тетрадном листе хотя бы несколько слов, хотя бы своё собственное имя, да хотя бы любое имя - так, чтобы это хоть кто-нибудь потом смог прочесть.

15-19.11.06

Маргарита Кривченко Михаэль задавил женщину

Первым делом Михаэля препроводили в ванную. Человек, назвавший себя наставником, провел Михаэля и его мать до конца коридора и распахнул последнюю дверь. Мать Михаэля зашаталась – стоит ли ей присутствовать – однако наставник порекомендовал ей войти. Она вошла и стала у самой двери. Ее ли-

цо, белое и сухое, как штукатурка, выражало безразличную покорность. Все слезы она выплакала, все негодование выплеснула, а теперь будь что будет. Небольшая ванная комната, вся в холодном сером кафеле, содержала ванну с кранами и металлический табурет. Возле двери из кафеля торчали два ржавых крючка для одежды. Наставник положил на табурет комплект чистой полотняной одежды для Михаэля и приказал ему раздеваться.

Мыло пахло псиной, и пока Михаэль намыливался, наставник рассказывал о жизни в колонии. Его голос гулко резонировал в пустоте комнаты.

...Не исправительная колония... мальчики вместе с девочками... рассчитана на то, что предоставленные знания помогут... большую часть дня заняты учебой, но... существенно отличается от школьных уроков.

Михаэль не привык мыться в присутствии посторонних, поэтому он не поднимал глаз. Когда процедура закончилась, матери в ванной комнате уже не было. Когда это она ушла, подумал Михаэль, и даже не попрощалась. Может быть, она прощалась, но Михаэль не расслышал. Скорее всего, она попрощалась, подумал Михаэль, но так вежливо и скромно, что он просто пропустил мимо ушей. Например, потому что наклонился и мыл ноги.

После обеда начались занятия. На уроке французского разучивали песню про сурка. Детей посадили полукругом возле пианино, учительница играла монотонную мелодию, а ученики должны были запомнить слова. Авек ке си, авек ке ля, авек ке ля мормотте. Учительница спросила, не хочет ли кто выйти и спеть песню самостоятельно – одна девочка тут же подняла руку. Она вышла в середину круга. Она, наверное, идиотка, подумал Михаэль. Ее лицо было слишком пухлым, будто разбухшим, светлые волосы прямо свисали до плеч, глаза полуприкрыты, руки неестественно болтались вдоль тела. Учительница заиграла и запела про мормота, а девочка повторяла слова, отставая на полслога.

- Она что, идиотка? – шепотом спросил Михаэль у сидящего рядом мальчика.

- Она хорошо учится. Если учитель спрашивает: «повторите, что я сказал» – она повторяет слово в слово.

- Я думаю, она - идиотка. Мормот. Я буду звать ее Мормотом.

- Просто она мать свою убила. И после этого ее заклинило, - мальчику хотелось защитить Мормота, Михаэль не понимал, почему.

- А ты тоже кого-нибудь убил? – спросил Михаэль.

- Нет, а ты?

- А я да.

Михаэль хотел вспомнить, как все случилось, но сейчас ему казалось, что он никого не убивал, а картинки, мелькающие в голове – это просто смутные обрывки сна, который он, проснувшись, тут же забыл. Он сел в чужую машину, поехал по улице и раздавил женщину. Михаэль это знал, потому что об этом все постоянно говорили. Говорили соседи, и мальчики во дворе, и члены комиссии. Только дома об этом молчали, но дома всегда мало разговаривают. Ведь может быть, он никого не убивал. Просто ему навесили это дело. Женщину он точно не видел. Может быть, потому что не смотрел, а может быть, потому что ее не было вовсе. Сон это был или не сон – Михаэлю уже все равно. Сейчас он в колонии, и пока что здесь неплохо.

После французского детей повели в физкультурный зал. В раздевалке Михаэлю выдали спортивную форму – шорты и футболку. В отличие от обычной одежды спортивная форма была невероятно грязной. Засаленная футболка еле гнулась от пота, от шорт ужасно воняло. Размер был велик – шорты свисали до колена. Михаэль натянул их до подмышек, но они тут же спустились на бедра и норовили соскользнуть на пол. В физкультурном зале детям выдали кубики из блеклой цветной пластмассы, а затем выстроили в несколько ровных шеренг. Девушка в блестящей фиолетовой майке, обтягивающей фигуру, долго ходила вдоль рядов, выравнивая всех в строгие линии и колонны. Носки подтянуть! Полшага в сторону! Она подталкивала в плечо самых неуклюжих, ступней в белой кроссовке пихала носки тех, кто вылез за линию. Когда строй был выровнен, она вышла на сцену. Оказалось, что вместо физкультуры их будут учить танцевать. Девушка взяла такой же кубик, включила музыку и стала показывать движения. Корпус влево – корпус вправо! Кубик над головой - кубик у талии!

Михаэль стоял вдали от сцены и невпопад махал кубиком. Он видел, как стараются девочки в передних рядах, точно повторяя движения. Мальчики, в основном, веселились, махая кубиком

так, чтобы задеть рядом стоящих как можно сильнее. Кому в бок, кому по голове. Иногда завязывалась небольшая потасовка, и учительница кричала на них со сцены.

- А в футбол здесь играют? – спросил Михаэль у соседа.

- Здесь нет. Иногда играют на заднем дворе, если дождя нет.

Но тоже вместе с девочками.

Михаэль посмотрел в окно и увидел, что дождь льет сплошной пеленой, так, что едва можно различить деревья в саду. Смог бы он добраться до дома, если бы удалось отсюда сбежать? Он вспомнил автобусную остановку в нескольких метрах от ворот колонии. И сам себе удивился. Здесь хорошо, пока что ему здесь не так уж плохо. Особенно по сравнению с домом. Хотя здесь постоянно дают какие-то задания, совершенно нелепые. А дома до тебя никому нет дела. Но здесь все равно лучше. Или пока что кажется, что лучше.

Тем временем танцы продолжались. Девушку на сцене сменил какой-то парень, тонкий, узкоплечий, постоянно извивающийся. Сразу видно, что он – прекрасный танцор. На порядок выше, чем девица. Поэтому он не стал брать кубик, а лишь имитировал движения с воображаемым предметом – то ли с кубиком, то ли с партнершей. Он как бы бросает этот предмет из одной руки в другую, а пока тот летит, он делает оборот вокруг своей оси. Дети пытались повторить этот прием, но кубики – случайно или нарочно – полетели в разные стороны, при поворотах они плохо держали равновесие и натыкались друг на друга, а потом падали вместе. Поэтому урок танцев быстро закончился.

Ночью Михаэль проснулся и пошел в туалет. Туалет оказался заперт. Михаэль постоял некоторое время, думая, что туалет занят другим человеком, но оттуда не доносилось ни шороха. Тогда Михаэль пошел по коридору, пробуя открывать все двери подряд. Он то и дело натыкался на другие палаты спящих, но в конце коридора нашел незапертую комнату для занятий. Внутри стояло пианино, стеллажи с книгами, немного стульев. У окна в большом горшке росло мясистое растение. Михаэль подошел к цветку и пописал в горшок. Он уже собрался возвращаться в палату, но заметил, что на пианино лежит пачка сигарет и зажигалка. Удача, подумал Михаэль, засунул добычу в карман и решил выкурить одну сигарету прямо здесь. Он открыл окно и высунул голову наружу. Сильный ветер ударил ему в лицо. Он с наслаждением

затянулся. Сигареты оказались женские, слишком слабые, и с мерзким запахом духов. И все же табачный дым достигал легких и наполнял тело приятной бодростью.

Михаэль выкурил полсигареты и вдруг увидел, как небольшая группа девочек в синих платьях парами подходят к парадному входу. Их вел мужчина в темных джинсах и черной рубашке. Среди девочек Михаэль заметил Мормота и некоторых других, которых он видел на уроке французского. Михаэль выбросил окурки в окно, но тот не упал на землю, а в порывах ветра кружился возле головы Михаэля, ярким горящим кончиком норовя попасть в лицо. Пришлось поскорее захлопнуть окно и выскочить из комнаты.

В коридоре было все так же тихо. Михаэль постоял немного возле туалета, пытаясь услышать, что происходит на первом этаже. Но толком ничего не расслышал, только слабый шум шагов. Он заметил свет в другом конце коридора и пошел туда. В небольшой камерке со стеклянной стеной на стуле сидел надзиратель, рядом на столе работал телевизор. Шел какой-то фантастический боевик, надзиратель уснул на стуле. На экране огромное чудовище, покрытое темной слизью и слипшейся кровью, бежало по улице большого города. Михаэль хотел немного посмотреть и уйти в палату, но увлекся. Чтобы лучше видеть, он пробрался в комнату и стал за спиной надзирателя. В конце концов Михаэль так увлекся фильмом, что громко выдохнул «О!», когда чудовище откусило голову у какого-то прохожего. Надзиратель обернулся, быстро схватил Михаэля за ворот пижамы и отвесил ему мощный подзатыльник. Михаэль завопил от неожиданности.

- Что ты здесь делаешь? Хочешь своровать? Почему не в палате?

- Я ходил в туалет, - ответил Михаэль.

- Туалет в другой стороне. Или ты хотел сбежать?

- Я просто услышал телевизор, подошел посмотреть.

- Ты – новенький, и в первую же ночь устраиваешь здесь проблемы. Что ты хотел стянуть, мои деньги? Или вытащить мой пистолет?

- Я ничего не воровал! – тонким голосом закричал Михаэль. – Я просто подошел посмотреть телевизор.

- Что ты орешь, все спят, – зашипел надзиратель. – Будешь орать, вызову охрану, тебя избьют и изолируют. Слишком хорошо вам здесь живется, подонкам.

Надзиратель притянул Михаэля к своей красной физиономии. Одной рукой он держал его за пижаму, другим кулаком он махал у Михаэля под носом. Кулак был огромный и волосатый.

- Вы все здесь подонки, убийцы, грязные отбросы. Я займусь твоим воспитанием, мальчик. Я лично буду тебя бить вот этими кулаками. Как только ты мне попадешься. Не забывай это, ублюдок. А теперь вали отсюда.

Надзиратель выволок Михаэля в коридор и дал ему пинка под зад.

Михаэль зашел в палату и лег в свою постель. Мальчик на соседней кровати приподнялся на локте.

- Ты где был?

- Ходил в туалет, - нехотя ответил Михаэль.

- Туалет закрыт, - ответил сосед. Михаэль промолчал. Сосед тоже помолчал, а потом спросил, – За что ты попал в колонию?

Михаэль стал рассказывать про машину и задавленную женщину.

- К нам в гости приехал мой дядя. У него была новая машина - черная, совершенно новая. Очень классная. Я попросил его – можно, я посижу за рулем. Он разрешил. Даже показал мне, как она заводится. А потом мы пошли ужинать. Они там что-то пили и разговаривали, как обычно. А я думал о машине. Я подумал, что могу пойти и еще раз завести ее. Только заведу и сразу выключу, никто не узнает. Но когда я ее завел, мне захотелось немного проехаться. Я нажал педаль газа, и машина поехала. Все случилось моментально. Машина поехала, заехала на тротуар. Там как раз шла какая-то тетка. И машина просто вдавила ее в стену. Я страшно испугался. Выскочил, вбежал в дом и закрылся в своей комнате. Но на улице уже поднялся крик, сбежалась толпа. Я видел эту толпу из своего окна. Потом приехала скорая помощь и полиция... В общем, вот так. А ты как сюда попал?

Соседа звали Филипп. Он ограбил магазин меховых изделий.

- На кой черт тебе понадобились меха? – поинтересовался Михаэль.

- На самом деле я ничего не грабил. Ясное дело. На кой черт мне меха. Все произошло совершенно случайно.

Филипп с друзьями гулял ночью по городу. Было холодно, лил дождь, на улицах было пусто. Но у них было вино и они веселились.

- Мы подрались на улице, в общем-то, в шутку. Я двинул одному парню в челюсть, не сильно, а он напал на меня. У меня в руке была бутылка, я врезался в витрину, локтями и бутылкой выбил стекло. Случайно. Мы быстро смотались оттуда, спрятались в одном дворе, стали ждать. Но никакого шума не было – ни полицейских сирен, ничего. За нами никто не гнался. Тогда мы пошли обратно. Мы обошли несколько кварталов, медленно подошли к этому магазину, как будто мы просто гуляем. Но там никого не было. На улице не было никого. В магазине темно, только в витрине была дыра. Тогда мы залезли внутрь. Даже не посмотрев на вывеску.

Там оказались эти идиотские меха - шубы, шапки, шкуры. Мы пили вино и играли в диких зверей. Цепляли на себя эти шубы и нападали друг на друга, как будто мы львы или медведи. Рычали, бегали на четвереньках. Дрались. Катались по полу. Потом, когда нам надоело, я решил отрезать себе кусок шубы, чтобы сделать дома коврик или одеяло. Я взял ножницы на прилавке, откромсал большой кусок от подола. Он был такой мягкий, лохматый. Я приволок его домой. Но дома, при свете, оказалось, что он весь залит вином и выпачкан грязью. Тогда я его просто выбросил в мусорный бак. Вот и все.

- А как тебя нашли?

- Полицейские опомнились на утро, стали опрашивать жителей ближайших домов. И оказалось, что в доме напротив магазина живет одна девчонка из соседнего класса. Она слышала, как мы дрались на улице. Она подошла к окну и увидела, как я разбил витрину. Когда полицейские стали ее допрашивать, она все рассказала.

- Зачем она рассказала? Она - стукачка?

- Нет, просто она тупая. Ее спросили, не видела ли она что-нибудь ночью из окна, она и сказала, что видела. Просто не догадалась соврать. Как маленький ребенок. Я на нее не обижаюсь.

- А я бы ее убил.

- Все это было не серьезно. Просто мы веселились, пьяные. Только уже на суде выяснилось, что мы испортили товара на чертову сумму денег. И якобы многое украли. Мы пытались сказать,

что мы ничего не крали, но полицейские нашли кусок той шубы в мусорном баке у моего дома – и это была главная улика. Но мы-то ничего не крали, наверное, это уже кто-то после нас влез и унес эти чертovsky шубы.

Михаэль вытянулся на кровати и положил руки под голову.

- Я думаю, что ты все врешь. Слишком уж много неправдоподобных деталей. И сигнализация в магазине не сработала, и на улице так долго никого не было, и соседи смотрели из окон, но не стали звонить в полицию. И особенно то, что полиция потом стала все тщательно разыскивать, обходить дома с опросами, рыться в мусорных бачках. Полиция не стала бы и пальцем шевелить, чтобы кого-то найти. Никто не виноват, если сигнализация в магазине не работает. Я думаю, что ты просто наврал. Может, ты пытался ограбить какой-нибудь табачный ларек, и тебя схватили за руку, вот поэтому ты здесь.

Филипп тоже вытянулся на кровати, уставившись в потолок.

- Я не вру, - сказал он безразличным тоном.

- Моя мамаша как-то рассказывала нам, - продолжал Михаэль. – Она работает уборщицей, моет по утрам какой-то офис. Пришла она однажды утром в этот офис, а там все вверх дном. Ящики взломаны, бумаги высыпаны на пол, на полу следы грязных ботинок, на тумбочке надкушенный батончик «Сникерса». Типа ограбление. И следов оставлено немерено, слишком уж все явно. Там даже зачем-то пулей было пробито стекло. Но все деньги были в сейфе, а в сейф они не смогли пролезть. Поэтому только из ящика стола украли десять тысяч долларов. И какие-то кредитные карточки. Так вот, позвонили эти офисные работники в полицию, рассказали им, а те приехали только через три дня. Даже посмотреть ничего не стали. Выписали просто какую-то справку и уехали.

- Ну, здесь все понятно, - сказал Филипп. – Когда все так сроботано, то дураку понятно, что ограбил кто-то из сотрудников этого же офиса. Зачем полиции в это дело лезть, пусть офисные крысы сами с собой разбираются.

Михаэль ничего не ответил. Он удивился, почему такая простая мысль не пришла в голову ему самому. Наверное, потому, что он узнал все из рассказа мамы, а она большей частью ругала полицию за полнейшее бездействие. И он почему-то поверил матери. А ведь тогда получается, что и мать могла украсть эти

доллары. Михаэль хотел спросить об этом Филиппа, но тут в коридоре раздались шаги надзирателя. Когда шаги удалились в другой конец коридора, Михаэль повернул голову к соседней кровати. Филипп уже спал.

Перед завтраком в дверях столовой Михаэль столкнулся с Мормотом. Девочка остановилась, как будто ей преградили дорогу с какой-то целью, и смотрела на Михаэля с ожиданием. В ее тускло-серых глазах не было никакого любопытства, руки висели вдоль тела как пристегнутые. Михаэль заметил на ее руке выше локтя два небольших круглых синяка. Постояв несколько секунд, Мормот собралась идти дальше, но Михаэль шепнул ей:

- Подожди!

Она снова остановилась. Михаэль хотел узнать у нее, куда она ходила ночью с другими девочками, но не решался спросить сразу в лоб.

- Как тебя зовут?

- Катарина, - сказала Мормот.

- А меня Михаэль. Я хотел у тебя спросить... Я видел вчера ночью, как вы с девочками возвращались в корпус.

В глазах Мормота блеснуло какое-то выражение, которое Михаэль не смог сразу определить – то ли испуг, то ли веселье. Михаэль почувствовал себя глупо, но пришлось продолжить:

- Куда вы ходили?

Лицо Мормота вдруг засияло удовольствием.

- Тебе-то что за дело? – рассмеялась она неожиданно звонким смехом и поспешила в столовую.

Что за дура, думал Михаэль, садясь за стол. Он старался не поднимать головы от тарелки, но краем глаза видел, как девочки глядят на него и, смеясь, перешептываются. Так ему казалось. Черт его дернул заговорить с Мормотом. Он задал обычный вопрос. Нормальный человек ответил бы ясно: «мы ходили туда-то». На худой конец, сказал бы, что об этом нельзя говорить. Но не девчонка. Девчонке непременно нужно извернуться, чтобы выставить тебя дураком. Она просто слабоумная, сказал себе Михаэль и постарался забыть об этой истории.

- Что с тобой? – спросил Филипп, сидевший рядом.

- Ничего, - улыбнулся Михаэль.

После завтрака наставник велел всем оставаться на местах, в столовой. Сам он вышел и вернулся минут через пять.

- Сейчас вы пойдете на урок к старшеклассникам. Чтоб вели себя нормально. Материал для вас новый, вы мало что поймете. Однако такая возможность... К нам приехал профессор специально провести лекцию с демонстрацией. В общем, будет очень интересно. Обещаю. Вы же должны вести себя тихо – не опозорьтесь перед ученым человеком. Идем.

Наставник привел группу в большую аудиторию, в которой парты возвышались амфитеатром над кафедрой. Их усадили на первые ряды, наставник сел у прохода. В аудиторию по одному – по двое входили старшеклассники. Михаэль подумал, что в школе, где он учился до колонии, старшеклассники выглядели гораздо младше. Здешние были похожи скорее на студентов, чем на школьников. Наконец, зашел профессор с каким-то техником и они принялись настраивать приборы, стоящие на вспомогательном столике у окна. Через пару минут с приборами было покончено, техник ушел, а профессор оглянулся растерянno вокруг себя.

- А где... сам объект? – спросил он в зал, обращаясь неизвестно к кому. Наставник класса Михаэля встал со своего места, вышел за дверь. Послышался бег быстрых ног, укоризненное бормотание наставника и в аудиторию вбежала девушка в фиолетовой майке, та, что вела урок физкультуры. В руках она несла уже знакомый Михаэлю пластмассовый кубик зеленого цвета. Она поставила его на стол и скрылась. Профессор бегло осмотрел кубик, поддержал его в руках, снова поставил на стол и начал лекцию.

Михаэль доверился предупреждению наставника, сделанному в столовой, и не пытался ничего понять. Он наблюдал за кубиком. Произнося свою речь, профессор взмахивал рукой параллельно одной из граней кубика, и тот взлетал над столом, или прыгал, или зависал в воздухе, или пролетал от стены к стене и возвращался обратно на стол. Однако это совсем не удивляло аудиторию, и казалось, что профессор манипулирует кубиком без особой цели, будто бы просто вставлял в лекцию забавную, но давно всем известную шутку.

- Как он это делает? – спросил Михаэль у соседа по парте, но наставник сидел от них очень близко – он тут же обернулся и скорчил строгую мину. Тогда Михаэль попытался сам придумать объяснение – электромагнитное поле от приборов, или антигра-

витационная сила, или еще что-нибудь в этом роде, но знаний по физике у него было слишком мало.

Тем временем профессор закончил первую часть своей лекции, подошел к приборам и переключил какие-то тумблеры. Затем он растянул на стене экран и включил проектор. На экране появилось изображение коридора перед аудиторией, снимаемое с камеры видеонаблюдения. Профессор вернулся на кафедру и откашлялся.

- А теперь рассмотрим более сложную задачу. Обращаю ваше внимание – задача уже не физическая, а логическая. Вот этот кубик нам нужно переместить в другое помещение, оттуда поднять на лифте в третье помещение, а из третьего переместить в четвертое. Есть у кого-нибудь соображения, как это сделать?

Сверху у старшеклассников слышалось перешептывание, но никто не пожелал высказаться. Для верности профессор переспросил еще раз, а затем сам стал объяснять решение задачи.

Михаэль следил за кубиком. К входной двери кубик подлетел без промедления, затем стукнулся о дверь и упал. Сзади слышались смешки. Профессор движением руки поднял кубик на уровень дверной ручки, и дверь открылась. Тут же он появился на экране проектора. После того, как кубик попал в лифт, профессор включил изображение с другой камеры. Кубик вылетел из лифта, пролетел по коридору и скрылся в каком-то классе. Включилась следующая камера. Посреди пустого класса стояла все та же физкультурница – руки вверх, ноги на ширине плеч. Кубик влетел в комнату и остановился в метре от нее. Девушка пыталась достать его изящным движением тела, не отрывая ног от пола, но расстояние было слишком большим и ей пришлось сделать шаг назад. Она схватила кубик, подняла его над головой и широко заулыбалась, будто именно она и устроила весь этот блестящий трюк. Профессор нахмурился и выключил проектор.

После перерыва обещали продолжение лекции, а пока все высыпали в коридор. Михаэль хотел расспросить Филиппа про летающий кубик, но заметил, как девочки собрались в большую кучку, разговаривают и смотрят на него. Он скорчил им рожу. Тогда одна из них, невысокая и смуглая, спросила:

- Михаэль, а ты можешь рассказать нам свою историю?

- Какую историю?

- Ну, историю, как ты задавил старушку?

Девочки подошли к нему вплотную, хихикая. Мормот стояла в задних рядах и хихикала громче всех. Михаэль хотел ответить им грубостью, но увидел, как старшеклассники повернули головы в его сторону. Михаэль оказался в центре внимания большой группы, чего с ним никогда раньше не случалось. Он почувствовал вдохновение.

- Я расскажу, если вы перестанете хрюкать как свиньи. История серьезная. Так вот. Мой дядя дал мне покататься на своей машине. У него огромный черный джип.

- Ты что, умеешь водить машину?

- Конечно. Давным-давно научился. Проехал уже больше тысячи километров. Так вот. Дядя приехал в гости и дал мне свою машину, огромный джип. Я сел за руль и поехал по улице, соблюдая все правила движения. Прохожие смотрели на меня. Я доехал до угла и увидел, как из магазина вышла наша соседка, тетя Марта. С огромными сумками в руках. Я опустил стекло и крикнул ей, что могу подбросить ее домой вместе с сумками, чтобы ей не тащить эту тяжесть.

- Ты очень добрый мальчик, да, Михаэль? За это тебя и посадили, - хихикнула смуглая девочка, чуть повернув голову к остальным. Но Михаэль уже был во власти своего рассказа.

- Тетя Марта увидела меня в машине и стала ругаться. Она сказала, что я угнал машину и сейчас задавлю кого-нибудь. Чтобы я отвез машину обратно, где взял, а не то она позвонит в полицию. Я сказал ей всю правду, что машина моего дяди, и он мне доверяет, и я могу брать его машину, когда захочу. И дядя сейчас у нас дома, она может пойти и спросить у него сама.

- А твой дядя большая шишка, да, Михаэль?

- Он - врач. Спасает людям жизнь. Спас уже тысячу людей, или сотню тысяч. Как-то раз спас генерала. Да, мой дядя - военный хирург. У генерала болела рука, стала гнить. Из нее уже отваливались куски мяса. И мой дядя отрезал ему руку, по самое плечо. А на ее место сделал протез, отличную пластмассовую руку, которая была как настоящая. Генерал мог ее сгибать, мог ей все делать. Только пальцы гнулись не очень хорошо, слишком медленно. А летом, когда генерал ходил в рубашке с коротким рукавом, никому и в голову не могло прийти, что рука у него пластмассовая. На ней даже были волосы такие же, как и на другой руке, не отличить.

Девчонки смеялись, старшеклассники с улыбочками слушали. Михаэль рассказывал дальше.

- Так вот, тетя Мария.

- Ты говорил, что ее звали Марта.

- Ну да, Марта. Мария - это другая соседка. А там была Марта. Она мне не поверила. Она сказала, что напишет моему отцу. В Мексику. Что я совсем без него распустился и скоро стану бандитом. Угоняю машины и пристаю к прохожим.

- У тебя отец в Мексике? Что он там делает?

- Он - бизнесмен. У него там плантация кактусов. На ней работают индейцы. Зашибает большие деньги.

- На кой черт ему кактусы? Они же колючие, что с ними можно сделать? - спросила другая девочка. Но за Михаэля ответил старшеклассник:

- Из кактусов делают текилу, отличный напиток. И еще есть такой кактус с наркотическим действием.

Михаэль кивнул старшекласснику, будто тот был другом.

- Да, текилу, и еще кучу разных вещей. Все дело в колючках. Мексиканцы очень любят кактусы, но обдирать колючки - это очень сложно. Слишком много времени уходит на один кактус. Если уколоть руку колючкой, то неделю будет нарывать. Так что дело требует большой осторожности. А мой отец придумал такую машину, которая в два счета бреет этот кактус. За секунду. Или еще быстрее. Так что теперь в Мексике все могут питаться этими вкусными кактусами и пить текилу, и на заводе даже делают из них консервы. Скоро и в Европу завезут.

- Сам будешь жрать свои кактусы. Так что там с тетей Мартой?

Михаэль хотел продолжить, хотя и смутно помнил, на чем он остановился, но это казалось не важным. Невероятно здорово, когда тебя слушает столько народу. Михаэль чувствовал, что может рассказывать истории часами, хоть целый день напролет, лишь бы были слушатели, и это, пожалуй, лучшее, что он может делать. Теперь уже все равно как там было на самом деле с этой задавленной теткой. Как он придумает, так и будет. А если история окажется плохой, то он скажет, что соврал, и придумает новую. Пусть они посмеиваются, снисходительно улыбаются, поддразнивают - так даже лучше. Удерживать внимание недоверчивой публики еще приятнее.

Но тут всех позвали в класс.

Первого профессора больше не было видно, и его место занял другой – гладко лысый и толстый, с бесчисленными жирными складками на лице и шее.

- Предыдущий оратор поставил перед вами физическую проблему – переместить кубик в четвертую комнату. Как я видел, вы успешно с ней справились. Владея техникой и логическим умом, в этом нет ничего сложного. Однако вопрос можно поставить и по-другому. Переместить кубик в четвертую комнату – и оставить его в ней. Внимание! Кубик может перемещаться, мы убеждались в этом, но при таком умении сможет ли он остаться на месте, которое мы ему определили? И этот вопрос совсем не простой. Давайте посмотрим.

Толстый махнул рукой, из первых рядов выпрыгнул техник и включил проектор. На экране появился тот же класс, в котором физкультурница поймала кубик, но теперь там было пусто. В стене возле окна сияла большая дыра, по ее краю виднелась разломанная кирпичная кладка.

- Ничего себе! – сказал Михаэль, обращаясь к Филиппу, но довольно громко. – Это что, вот тот пластмассовый кубик все устроил?

Толстый лектор довольно ухмыльнулся и показал на Михаэля пальцем.

- Да, молодой человек! Эту шутку сыграл с нами обычный пластмассовый кубик! И в решении этой проблемы мы с вами можем обратиться только лишь к философской науке. Вспомним теорию о движении материи Евгения Дюринга, которого Ницше назвал «патологически нездоровой собакой»...

Михаэль опять перестал что-либо понимать. Ему захотелось пойти в тот класс этажом выше и проверить дыру – мог ли ее проделать кубик? За последние сутки накопилась куча нерешенных вопросов. Голова кругом. Надо все выяснить. Михаэль посмотрел на Филиппа и немного дальше увидел Мормота. Она смотрела на философа преданными глазами, на ее пухлом лице шевелились губы, повторяя слова лекции. Мормот убила свою мать, вдруг вспомнил Михаэль. Вчера на уроке французского Мормот пела песню про нищего мальчика с ручным сурком. Ночью она возвращалась откуда-то в корпус. Утром в столовой у нее был синяк на руке. Она назвала свое простое, незапоминаю-

щееся имя. Только что на перемене она хихикала вместе с другими девочками. Этот глупый бледный сурок убил свою мать, а потом немного свихнулся. С этим все понятно.

Михаэль закрыл глаза. На экране проектора появилось изображение коридора с лифтом. Двери лифта открылись, и оттуда выглянул невысокий человек с выпученными глазами и длинными усами, закрученными вверх по щекам. Он кокетливо высунул голову из лифта и произнес:

- С моим авторитетом уже никто не считается, мсье Баккит.

Где-то посредине амфитеатра аудитории ему кивает другой человек.

- Спасибо, - ответил мсье Баккит.

МЕРТВЫЙ ТЕКСТ

Луи-Фердинанд Селин
MEA CULPA²

Что соблазняет в Коммунизме, огромное его преимущество, надо сказать, это то, что он, наконец-то! сорвет нам маску с Человека. Освободит его от "оправданий". Вот уже столетия, как Человек обманывает нас, он, его инстинкты, его страдания, его сногшибательные претензии... Как он заставляет о себе мечтать... Невозможно себе представить, до какой степени, этакий простачок, он способен водить нас за нос!.. Тут тайны глубин. Он никогда себя не выдаст, старательно укрытый за своим железным алиби. "Эксплуатация теми, что сильнее". Неоспоримо, как закон... Страдалец... Мученик ненавистной системы! Просто Иисус Христос!

"Меня! и тебя тоже! его! нас эксплуатируют!"

С обманом будет покончено! Свинцовые мерзости долой! Рви свои цепи Попоу* {Собственное имя, новообразование Селина. Фр. Populace - чернь, простонародье... populo - народ, толпа. - все прим. к "Mea culpa" С. Юрьенена и Э. Гальего}! Разогни спину, Данден* {Жорж Данден - герой одноименной комедии Мольера (1668), имя нарицательное для "высочки из простонародья".}! Когда-нибудь это должно же кончиться! Пусть, в конце концов, тебя увидят! Как здорово ты выглядишь! Пусть тобой восхищаются! Пусть тебя изучат! До самых твоих глубин!.. Пусть тебе откроют твою поэзию, чтобы мы смогли бы, наконец, любить тебя таким, какой ты есть! Тем лучше, черт возьми! Тем лучше! И чем скорей, тем еще лучше! Пусть они сдохнут, господа хорошие! И побыстрей! Эти прогнившие отбросы! Все вместе или порознь! Но только поскорей! давай-давай! раз-два, готово! Ни минуты пощады! Легкой смертью или самой лютой! На это мне плевать! Я исхожу от нетерпения! Ни одного жалкого эскудо, чтобы пере-

² Перепечатано из сборника "Селин в России" (Общество друзей Л.-Ф. Селина, 2000)

воспитать их расу! В яму всех, шакалов! В выгребную! Чего тянуть! Когда они отказались выдать хотя бы одного-единственного заложника Королю по имени Прибыль! К такой-то матери! Конец им всем! Видали этих волынщиков?.. За решетку их, а там в расход! Надо, так надо! Это ж есть наш последний!.. Отпустить на все четыре? Это ж в честь чего?.. Они нас даже развеселить не могут! Чем дольше лупишь, тем глупее и неповоротливей, тупицы! Пинками их переворачивать, чтоб насмешили!..

Привилегированные? что касается меня, то глаз мой, даже слегка б, клянусь, не замутнился от вида подлой их падали... Именно так! Как слышали! Отсрочку? Нечего! Никаких угрызений! Ни слезы! Ни вздоха!.. Пара ж пустяков! Не стоит ничего! А радость неземная! Их агония? Слаще меда! Обьединение! Дайте добавки! Формально заявляю, что для меня это праздник души!..

Падло, я тебя прикончу! Вот ей-ей! Только б ночь почерней!

Выну наглые шары, и распялишь две дыры!

Выбью сучую душонку! Пусть попляшет, как девчонка!

А тебя обнимет кто-то!..

В печи кладбища Сироток! *{Автор этой псевдонародной песни сам Селин}

Эти бодрые куплеты ударяют мне в голову! Кстати, дарю их всем, с музыкой вместе! "Гимн Бойни" и мотивчик заодно! В комплекте!

Все в порядке! Са ира!

Один ушел,

На смену два...

И так далее, пели в ритм мостильщики прежних времен! Потопчем-перетопчем! Утрамбуем! Заразу, о которой речь! Сравнять с землей всю эту расу! Никогда с библейских времен не обрушивался на нас поток более подлый, более пошлый, одним словом, более унижительный, чем это липучее буржуазное засилье. Класс наиболее подло тираничный, алчный, хищный, абсолютно ханжеский!.. Нравоучительный и блудливый! Безучастный и плаксивый! Каменный перед страданиями! Более ненасытного? более жадного до привилегий? Нельзя себе представить! Более скардного? более иссушающего? более одержимого самой ничтожной наживой? Словом, законченное гнилье.

Да здравствует Петр I! Да здравствует Людовик XIV! Да здравствует Фуке! Да здравствует Чингиз-хан! Да здравствует Бонно*{Имеется в виду предводитель известной воровской шайки}! вся банда! и все прочие! Но для Ландрю*{"серийный" убийца 20-х годов, имя которого стало во Франции нарицательным} прощения нет! У всех буржуа есть нечто от Ландрю! Вот где тоска! Непоправимо! 93-й*{Т.е., по периоду Террора, вся Великая французская революция}, я так считаю, это холуи... то есть, буквально, с холуйскими рылами! лакеи пера, которые, спятивши от зависти, в один прекрасный вечер захватывают замок, обезумевшие, завидующие, грабят, давят, устраиваются и считают сахар, приборы, простыни... Считают все!.. И продолжают... Они так и не смогли остановиться. Гильотина, это окошко кассы... Они будут считать сахар до самой смерти! Кусками, замороженные. Можно кончить всех на месте... Они всегда на кухне. Терять нечего! Можно не принимать в расчет их пару-тройку интеллектуалов, импрессионистов, путанников с направлениями иногда мычащих что-то влево, иногда вправо, в глубине своей блядской душонки все яростные консерваторы, цедящие по капле субтильные тонкости; все до отказа набиты тайными расчетами. Достаточно им показать лакирицы! Пойдут, куда вы захотите, на запах мизерного оклада, на возможность вылезти на сцену... И нельзя ожидать, что они искупят гигантский кретинизм, покрытую хромом немытость стада!.. Из блядской породы они вышли... В яму их тоже, этих выроdkов! И пусть нам больше ничего о них не говорят!.. Другие, напротив, такие же точно, проникновенные "борцы за справедливость" за 75 тысяч франков в год. Показываться на стороне народа, по нашим временам, это как задешево купить хорошую страховку. А если вдобавок чувствуешь себя немного евреем, это становится страховкой жизни. Все это более чем понятно.

Какая разница, я ее не вижу, между Домами культуры*{имеются в виду французские дома культуры в пролетарских предместьях} и Французской Академией? Тот же нарциссизм, та же ограниченность, то же творческое бессилие, болтовня, та же пустота. Другие штампы разве что, и все. Подлаживаются, выставляются, переливают из пустого в порожнее точно так же там и здесь.

Большая чистка? Вопрос месяцев! Вопрос дней! Да-да! Дело скоро будет сделано!.. И пусть отметят это праздником!.. Бенгальскими огнями!..

В общем это легко - переворот! Истребление целого класса! Ломятся только в открытые двери, а эти совсем уж трухлявые!.. Господ расстреливать проще, чем пулять по глиняным трубкам в балагане!.. Этим естественно гордиться! Кто был ничем, отплатил им сполна! Возмещение тысячекратно справедливое! Проклятием заклеименные отняли свое кровное! О кей!

... Твою же мать! Уместно здесь сказать! Давно пора!.. Все это законно до крови!..

Все богатых мы сожрем!

Та-та-та (sic)

Трюфеля им в гузку!

Из всех пушек как пальнем!

Бум!

Вот, наконец, и самое главное! Вот славное дело и сделано!.. Вот Прол свободен! Ему, и только ему в руки все инструменты, о которых речь, от флейты до барабана!.. Завод ему и фабрику! Шахты! С подливкой! Пирог! Банк! Давай! И виноградники! и каторга тоже! Красенького за это! Хорошо пошло! Ну, вот мы и одни! Смелей! С этого момента Прол отвечает за счастье толпы... Шахтер! шахта твоя! Спускайся! Ты больше никогда не будешь бастовать! Больше никогда не будешь жаловаться! Если ты зарабатываешь только 15 франков в день, это будут твои собственные 15 франков!

И сразу, приходится признать, раздоры. Так же слегка поваживает лизожопством. У него, у человека базиса, вкус к сплетням. Это можно простить, образуется! Но есть еще все нехорошие инстинкты пятидесяти веков рабства... Они, подлюки, так и прут на волю, еще сильнее, чем прежде! Осторожно! Смотри в оба!.. Быть великой жертвой Истории еще не значит, что мы ангелы... Даже совсем не значит!.. И тем не менее вот тут он, предрассудок, огромный, корнями вросший, крепкий, как железо!.. "Человек - это только то, что он ест!" Энгельс открыл еще и это, вот был умник! Ложь колоссальная! Человек, это еще нечто другое, намного более мутное и омерзительное, чем вопрос "жратвы". Надо смотреть ему не только в кишки, но и на то, что происходит под его прелестным черепком!.. Открытия науки тут еще не кон-

чились!.. Чтобы он изменился, надо бы его дрессировать! Но поддается ли он?.. Система выдрессировать его не сможет! Он почти всегда устроится так, чтобы ускользнуть от всех контролей!.. Не поддаваться уклоняясь! В этом он специалист! Нужно быть очень хитрожопым, чтобы поймать его с поличным! А в общем, наплевать на это все! Жизнь уже слишком коротка! Рассуждать о морали ни к чему не обязывает! Это придает вам солидность и позволяет скрыться под маской. Все сволочи - проповедники! Чем глубже погрязли в пороках, тем больше краснобайствуют! А какие лъстецы! Каждый за себя!.. Программа Коммунизма? не слушайте тех, кто будет меня опровергать: она полностью материалистична! Требования хама в пользу хамов... Жрать! Посмотрите на рожу Маркса, какую себе этот жирный боров отожрал! И если бы они хотя бы жрали, так выходит же совсем наоборот! Народ - Король!.. Который все ебет! У Короля есть все! Ему рубахи не хватает!.. Я говорю о России. В Ленинграде, вокруг гостиниц, если вы турист, все рвутся вас закупить с ног до головы, от вашего нательного до шляпы. Глубинный индивидуализм правит всем этим фарсом, несмотря ни на что, он все подтачивает, все подвергает порче. Яростный эгоизм, желчный, бормочущий, непобедимый, пропитывает, проникает, уже разлагает эту ужасающую нищету, просачивается сквозь все поры, делает ее еще более вонючей... Индивидуалисты, сжатые "в пучок", но воедино не слившиеся...

Раз экзистенция коммунистическая, то это существование под музыку, еще более хриплую, кривую и бездомную, еще более сволочную, чем здесь, и вдобавок нужно, чтобы все танцевали, чтобы ни один хромой не отставал.

Кто не танцует,

Тот молча признается

В каком-нибудь уродстве...

Это конец стыда, молчания, ненависти, подспудной злобы, танец для всего общества, абсолютно для всех. Больше ни одного социального калеки, больше никого, кто зарабатывает меньше, чем другие, кто не может танцевать.

Для духа, для радости в России есть механика. Находка Провидения! Настоящая земля обетованная! Спасение! Нужно быть "Интеллектуалом", с головой потерявшимся в Изящных Искусствах, набиваемым знаниями на протяжении веков, окопавшимся,

потонувшим в вате, в самых прекрасных бумагах мира, маленькая виноградина, хрупкая и спелая, произросшая благодаря чинновым подпоркам, изнеженный плод налоговых изъятий, ввалившийся в горячечный бред Воображения, чтобы породить это, вы не ослышались, феноменальное фуфло! Машина пачкает руки, если сказать правду, она выносит приговор, она убивает все, что к ней приближается. Но это сейчас "бон тон" - Машина! Это дает вид "проло", вид "прогрессиста", вид "человека от станка", вид "человека базиса"... Это сильно впечатляет массу... Дает вид спецзнатока, попутчика, на которого можно положиться... Стараются вовсю... Рекомендуют другим... Переигрывают так, что мотор идет вразнос... "Я! Мы за "генеральную линию"! Да здравствует великая Смена! Все винтики у нас на учете! Порядок приходит из глубин контор! "Вся энергия брошена на машины! Все силы оболванивания, что есть в наличии! В это время думать они не будут!..

Вот тебе и Воскресение!.. Ведь машина - это главная зараза! Окончательное поражение! Как обманули! Как обвели! Самая стильная машина никогда никого не освобождала. Она отупляет Человека еще более жестоко, только и всего! Я был врачом у Форда, я знаю, о чем говорю. Все форды похожи друг на друга, советские и нет!.. Опереться на машину, это только предлог, чтобы продолжать свой сволочизм! Это значит - замолчать подлинный вопрос, единственный, сокровенный, высочайший, тот, который находится внутри каждого простого человека, в самом его мясе, в его башке, а не в других местах!.. Воистину неведомый ни одной из возможных или невозможных социальных систем... Никто об этом никогда не говорит, это не "политично"... Это колоссальное Табу!.. "Последний" из запретных вопросов! И тем не менее: на своих ли он двоих, на четвереньках ли, на спине или кверху задом, Человек, как на небе, так и на земле, всегда имел лишь одного-единственного тирана - самого себя!.. Других не будет никогда... Это, может быть, кстати, и жаль... Может быть, это его и выправило бы, сделало бы, наконец, существом общественным.

Вот уже веками, надраивая его до глянца, подлинную проблему его замалчивают, чтобы тем самым держать в готовности к голосованию... Со времени конца религий над ним размахивают кадиллом, изо всех сил одурманивая баснями. Мол, это он - и есть

Храм Божий! Понятно, что глаза его мутнеют! Поехал Человек! Он верит во все, что ему заливают, лишь бы это было лестно! Что уж говорить о двух различных расах! Хозяева? Рабочие? Это искусственно на сто процентов! Это вопрос удачи и наследства! Отмените! Сами тогда увидите, что они друг друга стоили... Говорю вам, одного поля ягода, и все тут. В этом еще убедятся...

Политика испортила Человека намного глубже за три последних века, чем за всю предысторию. Мы были более готовы к единению в Средние века, чем сегодня... формировался общий дух. Запудривание мозгов было намного более "поэтичным", более интимным. Этого больше не существует.

Материалистический Коммунизм - это прежде всего материя, а когда речь о материи, никогда не побеждает лучший, всегда самый циничный, самый коварный, самый хамский. Вы только посмотрите на этот СССР, как быстро там очухались деньги! Как они мгновенно восстановили свою тиранию! к тому же возведенную в куб! Ему только нужно польстить, и Попю все примет! все проглотит! Там он, человек толпы, стал омерзительным от сомнений, от самодовольства, причем, все большего по мере того, как его все глубже опускали в жижу, все надежней ограждали от мира! Вот в чем ужасающий феномен. Чем больше он делает себя несчастным, тем больше и впадает в спесь! С конца религиозных верований правители превозносят все его изъяны, весь его садизм и держат его в своей власти только благодаря его порокам: тщеславию, властолюбию, стремлению к войне, одним словом - к Смерти. Необыкновенной ценности трюк! Они его переналив десятикратном размере! Они гробят Человека нищетой, а к тому же самолюбием! Тщеславие на первом плане! Самомнение убивает, как все остальное! Лучше, чем остальное!

Фактическое превосходство великих христианских религий в том, что пилюлю они не золотили. Они не стремились одурманивать, они не искали избирателя, у них не было необходимости нравиться. Они не крутили задом. Они хватали Человека с колыбели и выкладывали ему все сразу. Они его не сбрасывали со счетов напрямую: ""Ты - мелкий безобразный прыщ, так до конца ты и останешься сволочью... С рождения ты только говно и больше ничего... Слышишь ли ты меня?.. Такова данность, таков принцип, на котором все стоит! И тем не менее, быть может... может быть... если тебе очень повезет... что у тебя есть еще маленький

шанс сделать так, чтобы тебя немножечко простили за то, что ты такой поганый, испражнительный, неимоверный... Если ты будешь делать хорошую мину при всех трудностях, испытаниях, горестях и муках своего существования, короткого или долгого. В абсолютном смирении... Жизнь, скотина, не что иное, как суровое испытание! Не суетись! Не ломай себе голову! Спасай свою душу, этого уже более, чем достаточно! Может быть, в конце крестного пути, если ты стал сверхправильным, героем по самозатыканию своей глотки, ты откинешь копыта в соответствии... Но это без гарантий... чуть-чуть менее вонючим в момент подыхания, чем рождаюсь... и тогда ты опрокинешься в ночь немного меньше портя воздух, чем при рождении дня... Но только не возьми себе в голову! На большее не рассчитывай!.. Смотри! Не пускайся в рассуждения насчет больших вещей! Для такого экскременты, как ты, это максимум!"

Вот это я понимаю! это был серьезный разговор! Истинных Отцов Церкви! Которые знали свое дело! которые не ослепляли себя иллюзиями!

Непомерная претензия на счастье, вот в чем вся огромность обмана! Вот что усложняет нам всю жизнь! Делает людей такими ядовитыми, гнусными, непотребными. Нет счастья в существовании, есть только несчастья, более или менее большие, более или менее запоздалые, явные, тайные, отсроченные, подспудные. "Самые лучшие обитатели преисподней получают из счастливых людей". Принцип дьявола имеет под собой основу. Он был прав, как всегда, перенаправляя Человека на материю. Ждать долго не пришлось. За два века, обезумев от гордыни, раздувшись от механики, он стал невозможен. Таким мы видим его сегодня, с блуждающим взглядом, охмелевшим от алкоголя, от бензина, ни во что не верящим, много о себе думающим, целая вселенная с властью на несколько секунд! Обалдевший, разросшийся без всякой меры, непоправимый, баран и бык в одном лице, гиена тоже. Просто загляденье. Самый последний из засранцев в зеркале видит Зевса. Вот великое чудо современности. Фарфороподобие гигантское, космическое. Зависть держит планету в ярости, в столбнячном трансе, в состоянии сверхрасплавленном. Разумеется, выходит обратное тому, чего хотели. Каждый истинный творец после первого же слова оказывается сегодня раздавленным ненавистью, стертый в порошок, испарившимся. Весь мир

становится критиканским отрицанием, то есть ужасающе посредственным. Отрицание коллективное, тупое, холуйское, зажатое, тотальное, рабское.

Опустить Человека до материи, вот закон тайный, новый, беспощадный... Когда скрещивают наобум две крови, одну бедную, другую богатую, никогда не обогащают бедную, всегда обедняют богатую... Все, что помогает оболванить отупевшую от лести массу, принимается с распростертыми объятиями. Когда уловок больше недостаточно, когда система на грани взрыва, прибегают к дубинке! к пулемету! к бомбам!.. Раздают весь арсенал, когда приходит час! под мощный удар оптимизма окончательных Решений! Массовые убийства несметными множествами, все войны со времен Потопа своей музыкой имели Оптимизм... Все убийцы видят будущее в розовом цвете, это часть профессии. И да пребудет так.

Нищета... было бы понятно, если им, угнетенным людям, она надоела бы раз и навсегда, но дело в том, что нищета сделалась аксессуаром Истории современного мира! Самая низкая гордыня отрицания, пустое фанфаронство, зависть, ярость властолюбия становятся наваждением, захватывают, запирают всех этих притворщиков в камеру для буйно помешанных, в огромный Лазарет будущего, в социалистический Карантин.

"Попю, внимание! Ты существо высшего порядка! Тебя освободили, как никого другого! Ты намного свободней, сам сравни, чем эти крепостные рабы напротив! В той, другой тюрьме! Взгляни на себя в зеркало еще! Вот миска для идей! Проголосуйка за меня! Попю, ты жертва системы! Я реформирую для тебя Мироздание! Не утруждай себя мыслями о собственной природе! Ты весь из золота! и пусть тебе это повторяют! Не упрекай себя ни в чем! Ни в коем случае не предавайся размышлениям! Слушай меня! я хочу твоего истинного счастья! Я назначу тебя Императором! Хочешь? Я назначу тебя папой и Господом богом! Всем этим вместе! Бум! Готово! Получи фотокарточку!"

Там, от Финляндии до Баку, чудо свершилось! Оспорить этого нельзя... Ах! ему, Прол Проловичу, нехорошо от этой пустоты вокруг него, внезапной. Он еще не привык. Слишком много, целое небо для себя одного! Надо открыть ему поскорее четвертое измерение! Истинное измерение! Братского чувства, чувства личности другого. Он не может больше никого обвинять... Боль-

ше нет эксплуататоров, которых можно было бы уконтрапунктировать...

"Все твои страдания будут моими"... и Человек, чем больше он сжимается и усложняется, чем больше удаляется от природы, тем больше у него страданий, что естественно... С этой стороны, со стороны нервной системы, дела могут идти только от плохого к худшему. Коммунизм прежде всего, даже еще больше чем по отношению к богатствам, в том, чтобы разделить между собой страдания. Они будут всегда, это судьба, это биологический закон, прогресс ничего здесь не изменит, наоборот, горестей намного больше, чем радостей для дележки... Всегда, всегда больше... Сердцем, однако, он с этим не согласен. Трудно заставить его принять... Он ропщет... он увертывается... ищет оправданий... он предчувствует дурное... Автоматически мы имеем бардак! Коммунистическую систему без коммунистов. Пусть, ничего! Только этого никак нельзя показывать! Кто попросится выйти из игры, будет повешен...

А мы, коли уж так, возьмемся за басни! К нам на выручку, все мыслимые катаклизмы! Мифические враги! Подмостки нельзя держать пустыми! Чтоб не опрокинули постройку! Свирепые коалиции! Сверхподлые заговоры! Апокалипсические процессы! Необходимо вновь отыскать нечто дьявольское! Нечто столь же экстремальное! козла всех несчастий! Скажем прямо: замутить воду! Утопить в ней жестокую правду: что не склеилось из этого ничего, из "новых человек"! Что такая же сволочь, как была!

Здесь мы еще развлекаемся! Нас не заставляют делать вид! Мы еще "угнетенные"! Все зловерности Рока можем свалить на кровососов! На раковую опухоль под названием "Эксплуататор". А после, нагавив, вести себя, как ни в чем не бывало. Все шито, мол, крыто!.. Но когда нет больше права разрушать? И когда нельзя даже бурчать себе под нос? Жизнь становится невыносимой!..

Жюль Ренар уже писал: "Не достаточно быть счастливым самому, нужно, чтоб другие не были". О! Какой же это черный день, когда обнаруживаешь себя обязанным взвалить на плечи все беды мира, беды других, неизвестных, безымянных, и вкалывать всецело ради них... Ему клялись, Пролу, что все беды его из-за "других", что именно в "других" глубинная горечь всех его

злосчастий! Вот так-то! Обобрали, как в плохом борделе! Распробадство! Больше не находитон "других"...

Надо сказать, что заперт он тщательно, новый избранник обновленного общества... Даже в Петропавловке, знаменитой тюрьме, сидельцы прошлого так хорошо не охранялись. Они могли там думать, что себе хотели. С этим теперь покончено тотально. Чтобы писать, об этом нет, естественно, и речи! Он, Прол Пролович, и это можно смело утверждать, защищен, как никто, за сотнями тысяч нитей колочей проволоки, любимчик новой системы! от внешней грязи, даже от запахов загнивающего мира. Это он, Пролович, содержит (из своего нищенского кармана) самую многочисленную, самую подозрительную, самую подлую, самую садистскую полицию на всей этой планете. Нет! наедине с собой его не оставляют! Бдительность неусыпна! Его не выкрадешь, Проловича!.. а все же он скучает!.. Это ж видно! Он бы отдал все, чтобы вырваться наружу! Превратиться, как говорилось раньше, в "туриста" ради толики разнообразия! Он бы не вернулся никогда. Это вызов, который можно бросить Советским Властям. Угрозы нет, они на это не пойдут! Можно быть спокойным! Они не станут и пытаться! Там бы не осталось никого!

У нас он мог бы поразвлечься, Прол Пролович! Есть еще маленькие забавы, необычные подпольные проказы, в общем, удовольствия! Даже эксплуатированный на 600 процентов, Человек сохранил свои развлечения!.. Как он любит вырваться с работы в новом смокинге (напрокат), поиграть в миллионера виски! Блаженствовать в кино! Он буржуазен до последних фибр своего существа! У него вкус к фальшивым ценностям. Он обезьяна. Он испорчен... У него ленивая душа... Он любит только то, что дорого! или, скорее, то, что кажется ему дорогим! Он пресмыкается перед силой. Он презирает слабых. Он хвастается, он впадает в спесь! Всегда на стороне богатого мошенника! Существо прежде всего зрительного восприятия, ему надо, чтоб бросалось в глаза! На неон он летит, как муха, тут он не может ничего. Он весь в мишуре. Он останавливается, всегда немного не доходя до того, что могло бы принести ему счастье, успокоить душу. Он страдает, ранит себя, истекает кровью, подышает и ничему не учится. Ему не хватает органического чутья. Он от него отворачивается, он его боится, он делает свою жизнь все более и более остервенелой. Он рвется к смерти резкими рывками той самой материи,

которой ему все мало... Самый хитрый, самый жестокий тот, кто выигрывает в эту игру, в конечном счете получает на руки только большее оружие, чтобы больше убивать других, убить себя. И так без предела, без конца: игра сделана!.. Сыграно! Выиграно!..

Там Человек трескает себе огурцы. Он разбит по всей линии, он смотрит, как проезжает "Комиссар" в своем "пакарде", не очень новом... Он работает, как в казарме, в пожизненной... Даже на улицу ему не очень можно выходить! Знаем мы эти его повадки! А как его отделивают рукояткой нагана! Будущее - вот все, что ему принадлежит! Точь-в-точь, как у нас! "Завтра будем брить бесплатно"... Что ж у тебя все не так, человеке? Точный инстинкт, вот чего тебе не хватает! Все очень просто! По сути, когда над этим поразмыслишь, не было нужды так долго ждать, чтоб поделить богатства. Могли бы распределить их уже в первобытные времена, в самом начале рода человеческого... К чему все эти кривлянья? Муравьи, у них нет заводов и фабрик, что им никогда не мешало... "Все за всех"... Вот их девиз!

Капитал! Капитал! Больше не надо надирать глотку угрозами, в этом весь ты, Проло! Былинный богатырь с куриной жопкой! Ты же один, Попо! Нет больше никого, чтоб тебя угнетать! Почему ж сволочизм появляется снова? Потому что он спонтанно прет из твоей inferнальной натуры, не строй на этот счет себе иллюзий, но кровь себе не порти тоже, *spronte sua** {из себя самого (лат)}. Все начинается опять.

Почему инженер, сей господин хороший, получает 7000 рублей в месяц? Я говорю о том, что там, в России... тогда как уборщица всего лишь 50? Магия! Черная магия! Потому что все мы сволочи! там, как и здесь! почему пара говнодавов стоит уже 900 франков? а очень недолговечная смена подметок (я видел) около 80?... А больницы?... Кроме той, шикарной, кремлевской, и палат для "Интуризма". Остальные откровенно омерзительны! Они держатся на одну десятую нормального бюджета. Вся Россия живет на одну десятую нормального бюджета - исключая Полицию, Пропаганду, Армию...

Все это - опять та же несправедливость, вернувшаяся под новым именем, намного ужаснее, чем прежняя, еще более анонимная, законопаченная, усовершенствованная, неподступная, окруженная тьмой-тьмушей товарищей "в штатском", исключительными мастерами по части насилия. О да, конечно! с объяснением

причин провала в хамство, в гигантскую неразбериху, диалектика справляется!.. Русские зубы заговаривают, как никто! Вот только одно признание невозможно, одна пилюля встает поперек горла: что Человек - наихудшее из всех отродий!.. что, независимо от условий, он производит свои муки сам, как сифилис свою сухотку спинного мозга... Вот в чем настоящая механика, последние глубины системы!.. Надо бы приклепнуть лъстецов, вот в чем самый большой опиум для народа...

Человек человек настолько, насколько курица способна к полету. Когда она получает поджопник, когда автомобиль ее подкидывает в воздух, она взлетает до самой крыши, но тут же падает обратно в грязь, клевать навоз... Это ее природа, ее призвание. У нас, в обществе, все точно так же. Самой последней мразью мы перестаем быть лишь под ударом катастрофы. Когда все более или менее улаживается, наше естество возвращается галопом. Именно поэтому по поводу Революции суждение нужно выносить двадцать лет спустя.

"Я! ты! мы - разрушители, плуты и подлецы!" Никогда они не скажут ничего подобного. Никогда! Никогда! Тогда как настоящая Революция могла бы стать Революцией Признаний, великим очищением!

Но Советы впадают во грех, в лукавые словеса. Они слишком хорошо знают все приемы. Они с головой уходят в пропаганду, они пытаются набить кусок дерьма начинкой, сделать из него конфетку... Отсюда вонь системы.

Вот так-то! заменили хозяина! Его глупости, его хитрости, все его рекламные наглости! Всучить плохой товар они умеют! Ждать долго не пришлось! Снова вышли на эстраду новые сутенеры!.. Посмотрите на этих новых апостолов... Толстобрюхие и сладкозвучные! Большой Бунт! Великая Битва! Маленькая добыча! Жадные против Завистливых! Вся драка была, выходит, только в этом! За кулисами сменили исполнителей... Нео-топазы*{Топаз - ставшее нарицательным имя главного героя одноименной пьесы Мориса Паньоля (1928), который, оказавшись на руководящем посту, вынужден отказаться от моральных принципов, которые он исповедовал в теории}, нео-Кремль, нео-сволочи, нео-ленинцы, нео-Иисусы! Они были искренни в начале... Сейчас они все поняли! (Тех, кто не понимает: расстреливают). Они не виноваты, они подчинились!.. Если бы не они, были

б другие... Опыт пошел им на пользу... Никогда они не были такими осторожными... Душа теперь, это "красный партбилет"... Потеряна! Ничего от нее не осталось!.. Они их знают, все привычки, все пороки этого нехорошего Прола... Пусть ишачит! Пусть марширует! Пусть страдает! Пусть хвастает!.. Пусть доносит!.. Это его природа!.. Он такой!.. Пролетарий? В конуру! Читай мою газету! Мой листок, вот этот! Не другой! Вгрызайся в силу моих речей! И главное, не заходи дальше положенного, скотина! Иначе голову отрублю! Больше ничего он не заслуживает, только это!.. Клетка!.. Хотели полицию, получили!.. И это еще цветочки! Они сделают буквально все, чтобы не выглядеть ответственными за это! Они заткнут все выходы. Станут "тоталитарными"! С евреями, без евреев. Это не имеет значения!.. Основополагающее в том, чтоб убивать!.. Сколько их, маленьких упрямцев веры, в период темных эпох кончивших на костре?.. В пасти у львов?.. На галерах?.. Инквизированных до мозга костей? За Зачатие Марии? или три строфы Завета? Мы не в силах даже сосчитать! Мотивы? Можно пренебречь!.. Даже не нужно, чтобы они существовали! Времена не очень изменились в этом отношении! Мы не более требовательны! Прекрасно сможем подохнуть ради барахла, которого даже не существует! Grimасы коммунизма!.. говоря по правде, это не имеет уже значения, так далеко мы зашли!.. Это уже просто значит - умереть за идею, или я в этом ничего не понимаю!.. Все-таки мы чисты, сами о том не зная!.. В конечном счете, если поразмыслить, может быть в том она и есть, Надежда? А также эстетическое будущее! Войны, о которых мы больше не узнаем даже, почему!.. Все более и более грандиозные! Которые в покое не оставят больше никого!.. чтобы все в них передохли... превратившись в героев там, где застанет... а заодно и в пыль!.. Чтобы мы освободили Землю...

*Перевод с французского
Эсперанса Гальего Родригеса и Сергея Юрьенена*

Шарлотта Бурилли Пустой мавзолей

Петербургский поезд прибыл около шести утра, и это было слишком рано. Я проснулась от того, что женщина в сером форменном пиджаке стояла надо мной и произносила три слова: «бэль лье, пастель». Я поднялась и посмотрела в окно. Поезд стоял у платформы. За окном не было ничего такого «бэль»: ночь с желтыми пятнами света, обледеная платформа и закутанные в темный мех и шерсть пассажиры с чемоданами. Вероятно, очень холодно. Я посмотрела на верхнюю полку – там, скрючившись из-за недостатка места, сидел Жером и испуганно смотрел на женщину в форме. Можно ли сходить в туалет? Служащая вагона сказала несколько коротких фраз приказным тоном и стала тянуть из-под меня простынь. Одну минуту, мадам. Слезай, Жером, нужно выходить. Мы уже в Москве.

Я работаю в банке. Я с трудом выношу свою работу – счета, цифры, коды, клиенты, проверяющие. Есть один лишь приятный документ – выписка из моего счета, в которой отражается мой доход. В банке платят хорошие деньги. Вот почему я могу отправиться в путешествие. Я могу даже оплатить поездку в Москву своему другу Жерому. Потом он вернется в Марсель, а я отправлюсь дальше. Я продумала грандиозный маршрут.

В Москве стоял сильный мороз. Улицы были пусты. Малочисленные прохожие почти бежали, поскрипывая снежной коркой под тяжелыми ботинками, и стремились поскорее открыть какую-нибудь дверь и заскочить в теплое помещение. Моя красная куртка плохо защищала от холода. Однако мы отправились на Красную площадь. В моем путеводителе эта площадь значилась центральным местом в Москве. Она также оказалась безлюдной, только кучки милиционеров в серых утепленных униформах топтались по краям, зорко оглядывая пустое пространство. Красная площадь ничем не отличалась от фотографии в путеводителе, мне лишь показалось, что в реальности она меньше, чем это можно вообразить по картинке.

Мы с Жеромом прошли немного и подошли к Мавзолею. Здесь мне всегда хотелось побывать. В этом квадратном красноватом убежище, приземистом и громоздком, где под стеклянным

колпаком лежит Ленин. Меня привлекала эта советская загадка, созданная в подражание древним фараонам. Что лежит в Мавзолее, в каком виде и главное – с какой целью. Я пыталась предугадать свои чувства. Выглядит этот знаменитый труп страшно, или безобразно, или смешно.

Перед входными дверями Мавзолея светилась странная вывеска “Wedding Hotel”. Что это? Мы переглянулись. Немного помедлив, Жером сказал: «Пойдем» и потянул на себя массивную ручку из литой бронзы. Дверь с трудом отворилась. Темный квадратный холл Мавзолея был похож на элитарный бункер. Мы очутились внутри холодного куба с полированными гранями серого мрамора. Слева от входа была обычная гостиничная конторка, справа прижались к стене пара маленьких черных кресел. На одном из них валялась шелуха от семечек. Из холла несколько ступенек вели в поперечный коридор, и мы направились туда. На полпути нас остановил окрик из-за конторки.

- Прошу вас, подойдите сюда, господа.

За стойкой появился тучный пожилой человек в дорогом костюме. Кирпичного цвета щеки и шея рыхло спадали на воротничок белой рубашки. Седые волосы, строгий галстук, очки – он походил на важного чиновника из министерства. Он говорил на хорошем английском:

- Вы хотели бы снять эту комнату?

Он так и сказал, «эту комнату», с определенным артиклем, как будто всем хорошо известно, о чем идет речь.

- Какую комнату? – спросила я, и регистратор тут же перешел на французский.

- В нашем отеле всего один номер. Вы недавно поженились? Вы из Франции?

Жером решил внести ясность.

- Мы из Марселя, мы не женаты. Нам не нужна комната. Мы всего лишь хотим осмотреть Мавзолей.

Регистратор улыбнулся, так, будто для него проблема разрешилась.

- Вы можете осмотреть Мавзолей, но для этого вам нужно зарегистрироваться у меня и заплатить за номер. Наше учреждение – это в первую очередь отель для новобрачных, а уже потом Мавзолей. По правилам снять у нас номер могут только молодожены. Но вы, как я вижу, иностранцы. Поэтому я пойду вам навстречу.

Платите за гостиницу и можете проживать одни сутки и осматривать здесь все, что пожелаете. К вашим услугам бар, ресторан, бильярд, бассейн, сауна. И другое.

Меня вдруг охватило сомнение, что мы попали в нужное место.

- Скажите, а Ленин здесь... лежит?

- О да, конечно. Ленин лежит, в прекрасной сохранности. Как только вы зарегистрируетесь, можете осматривать его сколько угодно. Если пожелаете, мы вызовем экскурсовода, и он расскажет вам об истории Мавзолея.

Регистратор говорил, как машина. Мне хотелось нажать какую-нибудь кнопку, чтобы выключить его, а потом спокойно пройти в Мавзолей. Но это невозможно. Оплачивать номер (я не совсем поняла, зачем) для нас невозможно тоже. Это слишком большие деньги. Месячная аренда моей студии в Марселе стоит меньше.

Хотя я хорошо зарабатываю, я стараюсь экономить на бытовых нуждах. Тогда я могу делать что-то еще, кроме основной работы. Например, снимать кинофильмы. И, конечно, путешествовать по всему миру. В то время как мой друг Жером совсем не умеет экономить.

Когда дело касается платежей, Жером не вмешивается. Мы молча стояли у стойки, пытаюсь найти какие-то убедительные фразы для регистратора. Жером смотрел в пол, вероятно, ждал, что я скажу: «Уходим». Регистратор молчал и улыбался. Я была уверена, что есть какой-то простой выход, но никак не могла сообразить какой.

Вдруг где-то внутри отворилась дверь, на секунду в тишину холла вырвался залп веселой музыки, застучали каблучки и появилась девушка. Она была одета как танцовщица: в блестящем бикини с длинной переливающейся бахромой. Она свободно прошла за конторку и залопотала что-то регистратору. Он улыбнулся, ответил сдержанно и кивнул в нашу сторону. Девушка посмотрела на нас жалостливо:

- Вы хотите видеть Ленина? Он говорит, вы не можете? Он говорит, вы можете здесь жить, если заплатите много денег, можете жить в этой комнате, и тогда можете видеть Ленина? Но вы не можете платить много денег, и хотите видеть Ленина очень сильно? Да?

Она говорила английскими словами и улыбалась нам совсем не так, как регистратор, улыбалась дружелюбно.

- Да, все так и есть, - ответили мы с Жеромом одновременно.

Регистратор в это время отошел на пару шагов в сторону и листал какой-то справочник. Он притворялся, будто не понимает, о чем мы говорим.

Это не проблема, - посмотрев в спину регистратора, девушка построила гримасу. - Он - плохой мальчик, очень любит деньги. Он не дает вам пройти и посмотреть. Но это не проблема. Я помогаю вам. Вы можете заплатить четыре тысячи рублей?

Я подумала, что это тоже большие деньги, но все-таки приемлемые. Четыре тысячи мы заплатить можем.

- Дайте мне деньги, и мы пойдем смотреть Ленина.

Я достала купюры, девушка тут же их спрятала куда-то в свой костюм. Регистратор все еще листал справочник. Девушка подошла к нему сзади, сказала пару слов и быстро поцеловала в щеку. Затем выбежала из-за стойки, махнула нам рукой: «Пойдемте!»

Мы прошли небольшим коридором, который уперся в металлическую дверь. Девушка отодвинула тяжелую щеколду, навалилась на дверь всем телом. Дверь завизжала и медленно открылась. Посреди пустой комнаты стояла кровать под балдахином, застеленная тонким кружевным бельем. Рядом, на небольшой тумбе, в греческой вазе теснился большой букет красных гвоздик. Окно с левой стороны комнаты было закрыто жалюзи, из-под которых пробивался свет.

Девушка указала на постель:

- Это кровать Ленина. Раньше Ленин был здесь. Теперь это комната отеля. Хоп!

Девушка прыгнула на кровать, разбросала руки по постели и закинула ноги на спинку. Она покачивала ступнями в серебристых босоножках на огромных каблуках:

- Теперь Ленин - это я! Прекрасно, да?

- Здесь красиво, да, - сказала я, обводя взглядом комнату.

- А где же все-таки сам Ленин? - спросил Жером.

- Это сюрприз! - засмеялась девушка, вскочила с кровати и подошла к окну.

- Сюр-приз! - пропела она, кривляясь, и подняла жалюзи. - Вуаля!

Оказалось, что окна в комнате на самом деле нет, а за тонким стеклом в гробу лежит Ленин. Освещенный галогеновыми лампами, в старинного покроя костюме, рот немного скривился в легкой улыбке. Совершенно такой же, как на портретах.

Мы с Жеромом стояли плотно друг к другу и смотрели на гроб с телом.

- Будто бы у мадам Тюссо, - сказал Жером.

- У мадам Тюссо манекены позируют, - ответила я, - а этот просто лежит.

- Посмотри на него, он тоже позирует, - заметил Жером.

Девушка спросила, понизив голос:

- Он вам нравится?

Мы замялись, не зная, что ответить.

- Он окей, - сказал Жером.

- А вам? – спросила я.

- Окей, окей, - девушка улыбалась чему-то. – Но...

- Что «но»?

Девушка стояла рядом с нами, улыбаясь Ленину, а потом вдруг сбросила босоножки и залезла на крышу балдахина. Оттуда она смотрела то на нас, то на гроб.

- Идите сюда, - позвала она.

- Но зачем?

- Кое-что интересное.

Девушка была немного смущена, и Жером быстро забрался вверх по резной стойке балдахина. На его лице отразилось удивление.

- Лезь сюда, Шарлотта, скорее.

Я поднялась к ним. Посмотрев сверху на стеклянную стену, я увидела за ней хитроумное смешение разных картинок. Они были составлены так, что снизу, при свете ламп, создавали зрительную иллюзию тела Ленина.

- Это называется обман зрения, - сказала я. – Такие картинки.

- Оптическая иллюзия, - поправил Жером.

Под нами раздался легкий треск. Крыша балдахина под весом нас троих стала прогибаться. Девушка быстро прыгнула на пол:

- Сюда, вниз, быстро! – замахала она нам. Мы слезли и опять подошли к стеклу. Ленин снова принял объемные формы.

Девушка уселась на кровать и надела босоножки.

- Я должна идти. Вы можете побыть здесь немного. Сделайте все, как было, - она показала на смятую кровать и покосившуюся занавесь балдахина.

Мне не хотелось больше стоять в этой комнате, но я чувствовала неудовлетворение. Слишком бедные впечатления за такие деньги, всего лишь обман зрения. Вдруг я увидела по ту сторону гроба какое-то движение. Как будто какие-то люди быстро прошли мимо.

- А что там, с той стороны?

- Там ресторан. Хотите пойти в ресторан? Там вы тоже можете видеть Ленина, с другой стороны.

Окей. Мы пошли по длинным коридорам, сворачивая то вправо, то влево, света становилось все больше. Иногда из-за закрытых дверей доносились звуки танцевальной музыки, иногда – запахи больницы. Наконец, коридор закончился тупиком со стеклянной дверью «Ресторан». Редко расставленные столы, покрытые идеально белыми скатертями, на каждом столике сервировано четыре прибора с возвышающимися конусами накрахмаленных салфеток. В дальнем углу сидел единственный посетитель – когда мы вошли, он оторвал голову от своего бокала и мрачно взглянул в нашу сторону. В общем, место не слишком уютное.

- Вон он, - сказал Жером и показал пальцем на правую стену.

Там в подсветке виднелся знакомый нам гроб. Подходить к нему я уже не хотела. Мы сели в стороне и заказали по бокалу вина. Самое дешевое вино в этом ресторане стоило огромные деньги. Мы достали путеводитель и разговаривали о том, куда мы пойдем после Мавзолея. Изредка я бросала взгляд на стеклянную стену. Казалось, там на дне лежит огромная дохлая рыба, погибшая из-за тесноты своей клетки.

Мужчина, сидевший за столиком в отдалении, взял свой бокал и направился к нам.

- Разрешите присесть? - Он сел за наш столик.

- Вы сняли эту комнату? – спросил он.

- Нет, она слишком дорогая. Мы хотели посмотреть Мавзолей и даже не догадывались, что здесь происходит.

- А что здесь происходит? – Мужчина вынул из кармана флагу и подлил себе в бокал какого-то алкоголя. – Ничего. Здесь делают деньги, как и везде. Никого не интересует Ленин, вождь

пролетариата. Сюда ходят в бар и на дискотеку. Вас интересует революция или вы тоже просто хотите потанцевать?

- Мы любим танцевать, но сюда пришли посмотреть Ленина. Мы первый раз в Москве.

- Понятно. Извините, я забыл представиться. Меня зовут Александр. Работаю здесь экскурсоводом. А вообще я – историк. Более того, наследник имущества Ленина, включая некоторые его неопубликованные работы. У меня дома огромная коллекция материалов. Письма, наброски статей, фотографии. Есть такие вещи, которые никто никогда не видел. Не верите? Вот, смотрите.

Мужчина полез в карман и вытащил флягу. Мы подумали, что, может быть, это фляга Ленина, но мужчина проделал то же самое: налил себе в бокал жидкости, убрал флягу и из другого кармана достал какую-то бумажку. На обычной бумаге был какой-то текст, написанный от руки, внизу – подпись, рядом с подписью нарисована птичка.

- Это письмо Розе Люксембург. Ксерокопия, естественно. Прочсть?

- А что это за птица?

- Это соловей. Есть такая русская поговорка – жду ответа, как соловей - лета. Смысл в том, что он очень хочет получить ответ. – Он замолчал, сделал долгий глоток, издал кричащий звук. - Ну так что, едем ко мне? Хотите посмотреть мою коллекцию?

- Нет, простите. У нас очень мало времени. Мы завтра уезжаем, а так много еще нужно посмотреть.

- Куда вы уезжаете?

- Жером – домой, в Марсель, а я – в Казань, потом в Иркутск, потом в Монголию и Китай.

- Эх, девушка, в этой курточке в Казань, в Иркутск. Вы замерзнете, вас обворуют еще в поезде, и вы опомнитесь посреди Сибири без денег и документов. Вы ничего не увидите, кроме нищеты, корысти и фарисейства. Этого ли он хотел для своей страны? – Мужчина кивнул в сторону стеклянной стены, а потом закрыл лицо рукой. Он был сильно пьян.

Я стала собирать сумку. Жером расплатился с официантом. Наш собеседник поднял голову.

- Значит, в Китай. Может, все-таки ко мне? Музыку слушаем.

- Извините.

- Ну ладно, ладно. Ну, так и что вы думаете о Ленине?

Мы уже отошли от столика на пару шагов, поэтому не стали отвечать. Бросили взгляд в сторону – Ленин лежал за стеклом, как огромная дохлая рыба.

Перевод с французского Кэтти Бебер

Неизвестный автор Почему?

- Ни один оттуда не вышел.

- Ни один?

- Ни один.

- Один?

- Нет.

- Да! Но когда я проходил мимо, там всё-таки один стоял.

- Перед дверью?

- Перед дверью. Он раскинул руки.

- Да! Потому что он не хотел никого пускать внутрь.

- Никто туда не вошел?

- Никто.

- А тот, который раскинул руки, он там был?

- Внутри?

- Да. Внутри.

- Я не знаю. Он только раскинул руки, чтобы никто не мог пройти туда.

- Его послали, чтобы никто не мог попасть внутрь? Того, который раскинул руки?

- Нет. Он пришел, и сам там встал, и раскинул руки.

- И никто, никто, никто не вышел наружу?

- Никто, никто.

(Найдено в Stedelijk Museum в качестве иллюстрации картины Василия Кандинского)

Перевод с немецкого Антона Ботева

архив

Mindless art group **Ежи набились в труп медведя. Антология**

Сила и хитрость

Стерильно... Апирогенно
(Надпись на этикетке)

Как и все хорошие игры, ОБЕД вобрал в себя все лучшее, что было создано в данной области до его появления. Разберемся во всем по порядку.

Идея игры довольно проста - посадить Ивана в кресло с возможностью ворочаться туда-сюда. Придать ему Марью, чтобы в уме получился хоровод. Усилить этот хоровод еще одной Марьей, иногда с выгоревшими усами, иногда еще как-нибудь. Дать возможность произносить монологи и время от времени есть. И поставить цель: съесть все, что имеется в отмеченном на столе квадрате.

Такое уже было? И да, и нет.

По концепции обед более всего похож на своего тезку - ужин. Настолько же сильный драматический элемент. Очень схожая система взаимодействия Ивана с Марьями и едой и креслом. Примерно такие же принципы постановки задач.

Но.

Гораздо сильнее Иван. Куда лучше разработаны правила работы с людьми. Кажется, что Марью можно потрогать - и на пальцах останется пыль. Лица очень хороши, фотографии говорят сами за себя.

Звуковые эффекты на высоте. Четко различаются голоса разных фаз настроения Ивана. Достойная “столовая” музыка.

Меню разворачивается на фоне живого Ивана. Блюда не новые, к тому же не очень высокого качества, и смотрятся очень приятно

Теоретически, можно выиграть, ни разу не скомандовав. Но чаще всего Иван и Марья в пределах своей самостоятельности двинутся не туда и есть будут не то. Принимать личное участие придется, не сомневайтесь. Игра столь стремительна, что постоянная драка просто не успевает надоесть. Три, четыре Марьи - наконец-то вызов вашему мастерству. Для полного счастья не хватает лишь диких животных (забавно смотрелось бы нападение наглой гориллы). А как Ивана отбрасывает взрывной волной!

Наконец, с потолка падаете вы. Звучит Вагнер, от которого всегда чешутся кулаки, и вы понимаете, что это ошибка. Хочется выйти в прохладную подворотню и выпить лимонадику? Нет, любезный, с трех сторон прут Марьюшки с отточенными крючьями, и нюхают ваше дыхание. Иван лежит ничком и хрипит молитву, скользя коленями и локтями в разлитом соусе, - он уже умер. Гнус, мошकारа, а не воин.

И, наконец, долгожданная победа - Иван хватается супницу, и по Вашей команде швыряет ее крышку в бабу. Крышка срезает голову, и та, выкрикивая немыслимые ругательства, скачет по полу. Вуаля - из Марьиной задницы валятся оливки, на месте срезанной башки свистит фонтан кетчупа. Иван, улыбаясь, кланяется, и уходит, прихватив Марьину голову.

А. Водорацкой

Глеб

Итак, они били Глеба ногами. Молодой человек со свинчаткой на поясе едва удерживался от того, чтобы не изуродовать Глебу лицо. Всех это смешило; главный надсмотрщик раскраснелся и ни слова не мог вымолвить.

Допрос подходил к концу. Как всегда, все замерло. За высоким, забранным решеткой окном шуршали травы. На грязном кафельном полу мычал Глеб. На лице его играл солнечный заяц, к губе прилипла соломина. Тень глебова профиля составляла на полу диковинный свинцовый силуэт.

Всех передернуло. Видавшие виды убийцы смотрели на него с какой-то брезгливой жалостью; палач осмелился икнуть и дели-

катно высморкался. Прежде он работал капитаном каботажного судна: возил ароматные масла и корицу.

Из помещения по соседству жестко выскочил судья. Нервной, подрагивающей походкой дойдя до центра комнаты, который располагался сбоку от лежавшего навзничь, издали напавшего непристойных размеров чулок Глеба, развернулся и замер.

Окинув взглядом все убожество, судья внятно и резко произнес:

- Да, сегодня я имел возможность через это отверстие следить за процедурой. Смею заверить, что подобной трудности дело я встречаю в первый раз. Поведение же подследственного просто перешло все границы.

С этими словами он замахнулся на Глеба тростью, - Глеб пожегся, - пожал плечами и выбежал вон. Крепкие руки подхватили Глеба под живот и вытолкнули в коридор.

Пахнуло нарами, ногами и бобовой кашей. Прислонившись к зеленым мохнатым стенам, едва освещаемые рыжей лампой, намертво вправленной в неправдоподобно кривой потолок, сопели вшивые глебовы конвоиры.

Внезапно один из них закурил какую-то дрянь: темнота наполнилась отвратительным дымом.

- Это чтоб не растолстеть, - объяснил сам себе влажный голосок.

Глеб хило закашлялся, уже начиная догадываться о том, что и сегодня он есть не будет.

Денис

Впотьмах

Ясипу Федоровичу было очень неудобно сидеть. Всякий раз, когда он венчал сомнительным успехом свои изнурительные попытки сесть ровно, его тут же легко закидывало назад. Он был абсолютно наг. Его руки были согнуты и плотно прижаты к телу. Его ноги были согнуты и плотно прижаты к телу. Его голова была, может, и не согнута, но уж во всяком случае плотно к чему-то прижата. К числу прочих неудобств Ясип Федорович отнес также

и то, что из его пупа вилась какая-то гадость и конец ее терялся высоко в темноте.

«Уф-ф! - подумал Ясип Федорович. - Не нужно было так напиваться».

Вскоре он, однако, почувствовал себя достаточно вальяжно, чтобы расслабиться.

«Хоть делать ничего не надо», - подумал Ясип Федорович и вдруг куда-то поехал. Набирая скорость и борясь с подступившим страхом, Ясип Федорович проорал: «А ну, красotka, подставь свой рот-ка!» - но при этом ему самому набилось в рот столько слизи, что он предпочел замолчать. Чьи-то огромные руки обхватили его голову и вытащили наружу.

Так Ясип Федорович появился на свет.

09.07.1995

Старик

Эпизоды

Выйдя из подземки, старик Клаудиус Минкус огляделся по сторонам. Вынул из кармана и развернул вельветовый кисет, заменявший ему носовой платок. С этим он протяжно чихнул.

“Что-то уж больно холодно”.

Огромная крыса, не помня себя от страха, метнулась из-под его ног в темноту. Минкус пожал плечами и зашагал по зыбкому тротуару. Вчерашний херес давал себя знать.

“Что за нелепые приливы к ушам?”

Он было затряс головой, отгоняя дурноту, как вдруг почувствовал, что в спину ему вбили громадный гвоздь. Он упал.

Выглядел он так: седые космы, обрамлявшие мясистое лицо; мясистое лицо, изрешеченное оспой и морщинами; морщины, покрывавшие его руки; его руки с вечной грязью под ногтями; сами ногти, напоминавшие пуговицы; пуговицы, срезанные, вероятно, с морского кителя; китель, проеденный молью до ваты; вата, торчащая тут и там, настолько грязная, что могла сравниться в этом развее только с его седыми космами.

Ему уже шел восьмой десяток.

Проснувшись поутру, он потребовал молока, которое было тотчас же принесено. Он впился в хлеб, чувствуя себя совершенно счастливым. На другом конце стола завтракала золотистая оса.

Он пролил молоко.

Зал, в котором он сидел, помещался на палубе А трехтрубного судна, шедшего на Гамбург. Невдалеке раздался скрежет. В иллюминаторе показался какой-то господин. Снаружи стемнело. Клаудиус зажег свечу и навис над картами. Карты предсказывали беду в конце его жизни.

Утром, когда он вышел на проспект, в памяти его высветилась одна из дальних ячеек: полузабытая статья из детского технического журнала, сообщавшая о наделенном эмоциями роботе. Это сооружение шептало “Das Liebe, das Liebe”, и особая слезь сочилась из его глаз.

Побродив полчаса по закоулкам, Клаудиус снова оказался дома. Там для него уже было кое-что заготовлено. Подруга, бросившаяся ему на шею еще в коридоре, поволокла его вглубь комнаты, минуя драные комоды и дырявые шелка портьер. Вскоре они оказались в каморке, ранее Клаудиусу не известной.

Дохнуло нафталиновой присыпкой, что-то упало и разбилось в темноте, заметалась в углу какая-то тварь. Подруга полезла в ящик, откуда спустя минуты три, раскрасневшаяся, возбужденная, показалась вновь. С ней было нечто, напоминавшее сложенный дорожный столик.

Вскоре перед Клаудиусом предстало то, что заставило его содрогнуться. Это было фото, изображавшее двух котов, выглядывавших из корзины. Их совиные глаза можно было объяснить либо морфием перед съемками, либо природным изъясном. Один из котов был похож на гиену, другой напоминал гения, ошалевшего от страстей. Балаганная игра красок довершала тусклое пиршество.

Клаудиус немного пришел в себя.

- Правда, прелесть, милый? - Единственным здоровым мотивом, за исключением тоски и отвращения, была досада. - Специально по твоему вкусу подобрала.

Клаудиус заулыбался, осознавая необходимость положить всему этому конец.

Фото было повешено над клаудиусовой кроватью.

Дом не спеша набирался темнотой: густым мраком наливались углы и коридоры; то и дело гасился еще какой-нибудь источник света; незаметно хлопотал в потемках бог любви.

Клаудиус курил на здорово темной кухне. В двух шагах от него пело полуночное радио. Внезапно смолкнув и выждав минут пять, оно произнесло: “Руководитель национал-радикального движения “Истоки” прочитает свои стихи...”

Клаудиус метнулся к шнуру. Приемник затих.

Ну и сон был в эту ночь у Минкуса! Вспомнился ему дом, его Mutter с лицом здорового сорокалетнего господина, его школа и тот праздник, где он, согласно сценарию, должен был играть букву “В”. Вспомнился и непредвиденный финал, когда он внезапно сорвал все представление.

Поутру Минкус был спокоен. С кухни донесся запах пирога. Клаус хотел пирога. Пироги в этом году замечательные. Перепела скачут жестко. Еж аббст поппо ресс. Клавдий кунхр пры е.

Клаудиус на небе.

Деннис и Томас

СЫЧИКИ

- Доброе утро, Аткин! А у меня для вас новости: Ланцман опять проиграл.

- Совсем разучился играть. Доброе утро.

- Намерены заняться чем-нибудь серьезным?

- Принять серную ванну.

Туман за окнами рассеивался. Комната постепенно наполнялась светом; лучи ложились на паркет, зеркала, чашки остывшего чая на столе. Из ванной доносился плеск.

Аткин, видимо, проснулся в отличном расположении духа. Он вообще был веселым человеком; в свои семьдесят он знать ничего не желал о плохом настроении.

Его друг Эллиот Эванс придерживался на этот счет особого мнения: он постоянно находился на грани самоубийства. В этом году ему стукнуло шестьдесят лет.

Сыщиками они были, сыщиками, частными сыщиками.

Через некоторое время Эллиот зашел в ванную к Аткину.

- Полюбуйтесь-ка! В городе в наше отсутствие кое-что случилось, - он держал в руках газету. - Ужасное преступление, сэр. Весь город в панике, сэр. Подонки улились, сэр.

- Что случилось? - Мокрая рука схватила лист. Глаза побежали по строчкам.

“Кровавая драма в Пэкэме. Во вторник из коллекции полковника Вудро при загадочных обстоятельствах исчезла картина работы художника прошлого века. Местонахождение ее неизвестно”.

В Риджентс-парке в этот час уже появлялись прогуливающиеся люди. Аткин и Эллиот шли по одной из аллей, вглядываясь во все, что попадалось им на глаза.

- Как по-вашему, вон тот художник, он чем занимается?

- Подойдем сейчас и посмотрим.

Художник, огромного роста мадьяр в тяжелом детском пальто, клевал носом, то и дело погружая конец длинного зеленого шарфа в палитру.

Друзья подошли поближе. Художник приветливо улыбнулся и зашел за мольберт.

С мольберта на Аткина и Эванса смотрело птичье лицо. Точнее, лицо было человеческое, но в перьях и с длинным клювом.

Сразу же после Риджентс-парка они зашли в кафе. Они всегда заходили в это кафе после Риджентс-парка.

- По чашечке кофе?

- И по тосту!

- Эванс, нам просто необходимо нанести визит этому Вудро.

- Где я?!

- Успокойтесь, Эванс, все в порядке.

- Прошу прощения, Аткин.

- Мы должны ознакомиться с каталогом его коллекции.

- Я полагаю, каталог находится у него в доме?

- У Вудро в доме.

- Надо пойти туда сейчас же!

Дом полковника был выстроен в колониальном стиле. Сыщики постучали и, не дождавшись, вошли.

Темный коридор со множеством погашенных ламп привел их к массивной двери.

- Входите! - сказал полковник с той стороны.

Старики вбежали в огромный зал. Вудро находился в кресле в самом центре его.

- Добрый день, полковник!

- Здравствуйте, детективы.

- Здравствуйте, полковник. Полковник, мы должны ознакомиться с каталогом вашей коллекции.

Полковник улыбнулся.

- Вот он.

Друзья получили большую книгу и, встав поодаль, принялись внимательно рассматривать репродукции. Оставшись один, хозяин коллекции распахнул халат и резким движением выдернул из попы глиста.

Хотя каталог был велик, искомую картину они нашли без труда. С репродукции на сыщиков смотрело птичье лицо. Точнее, лицо было человеческое, но в перьях и с длинным клювом.

- Начнем с того, что один промах мы уже совершили. Вместо того чтобы сидеть здесь, мы должны были сразу от Вудро пойти в Риджентс-парк и поговорить с художником.

- Взбодримся и пойдем. Коньяку?

- Да. А если художника уже не будет в парке?

- Ваше здоровье! Наверняка не будет.

- Вы заметили, какая странная манера у этого художника?

- Что вы имеете в виду? Его картину?

- Может быть, еще коньяку?

- Конечно, но мы должны торопиться. Очень хочется коньяку.

- Сейчас закурим - и коньяку!

- Пойду приму ванну.

- Примешь?..

- Серная ванна...

- Хорошая сигара...

Прошло две минуты. Эллиот зашел к Аткину в ванную.

- Еще одна картина пропала. Такая же.

- С чего вы взяли?

- Телеграмма от полковника. Вылезайте из воды. Господи, какой вы безобразный!

По темной аллее ночного Риджентс-парка шли Аткин и Эванс.

- Вот то место, где стоял мольберт.

- Трава примята в трех местах.
- Надо расспросить садовника. Может, он обратил внимание на что-нибудь необычное.

Друзья поспешили в сторону домика, в котором жил садовник. Навстречу им вышел спортивного вида молодой человек с томиком Толстого в руках.

- Милейший, сегодня днем на этой лужайке работал художник.

- Я, кажется, знаю, о ком вы говорите. Этот человек рисует здесь уже полтора года. Я как-то разговаривал с ним. Он остановился в гостинице “Белая голова”.

- А вот и его номер! - Сыщики очутились в полутемной, с тяжелым запахом комнате. Привыкнув к темноте, они увидели, что стены сплошь увешаны птичьими портретами. Это было так страшно, что сыщики завизжали и прижались друг к другу.

Первым опомнился Аткин:

- Смотрите! Вот этот портрет вчера пропал из коллекции полковника Вудро... А этот - сегодня.

Выйдя из номера, они подошли к портю.

- А вы не знаете, куда мистер Ковач продавал свои работы до своего таинственного исчезновения?

- В лавку Симпсона. Там еще должны висеть его картины.

По дороге в лавку старики вошли в кусты, - и вот уже Аткин сидит на Эвансе верхом, и они вместе исполняют ритмичный танец любви, причем Эванс стонет, а Аткин покашливает...

В лавке друзья выяснили, что осталась только одна работа мистера Ковача. Они решили купить ее в память о неудачном деле. Ведь дело неудачное: художник улизнул, а ведь это он ограбил коллекцию Вудро.

И сыщики понесли обернутую пледом картину к себе на Гладстон-террас, чтобы повесить ее в гостиной.

- Нас, Аткин, вероятно, уже заждались наши голые девочки!

- Что? Заждались?..

- Это шутка, Аткин.

- Жаль, что все так закончилось. К Вудро мы, разумеется, больше не пойдем. Картина у нас. А завтра будем отдыхать.

Прошла неделя. Все было по-прежнему: кофе, серные ванны, птичий портрет на стене.

Сыщики уже спали, когда высокий мужчина в детском пальто прошел через спальню Аткина в гостиную. Оглядевшись и заметив картину, он подошел к ней.

Картина висела высоко.

Пришелец подпрыгнул, ухватился за нее и повис.

В дверях появился Эванс.

- Аткин, здесь Ковач!

Ковач спрыгнул и, подняв с пола каминные щипцы, пошел на Эванса. Эванс запер дверь, но художник высадил ее и набросился на старика.

Из-за комода Аткину было хорошо видно, как сотрясилось под ударами дряблое тело друга.

Наконец, извернувшись, Эванс сумел высвободить левую руку, закурил сигару и вытащил из кармана револьвер.

- Ни с места, художник! Аткин, позвоните в полицию.

Туман за окнами рассеивался. Комната постепенно наполнялась светом; лучи ложились на паркет, зеркала, чашки остывшего чая на столе. Из ванной доносился плеск.

В кресле у камина сидел Эванс и внимательно рассматривал поникшую фигуру напротив. Художник смирился со своим положением. Вид его вызывал жалость.

- Полиция будет здесь через двадцать минут. У нас есть время уточнить кое-какие детали. Я видел ваши картины. Признаюсь, это талантливо. Что же побудило вас, одаренного художника, заняться воровством?

- Если б вы знали, сэр, какой я несчастный человек... - Ковач вздохнул. - Картину, что висит у вас над камином, я написал в юности. Тогда я писал по три картины в день, не имея в кармане ни единого пенни. В то время мир казался мне светлым и радостным. Но потом все изменилось. Талант во мне угас. И тогда я возненавидел все, что создал в свои лучшие годы. Я продолжал писать, но у меня выходили лишь жалкие подражания себе самому. Этих картин я стыдился, а тех, прежних, - боялся. И тогда я поклялся себе уничтожить их все до одной.

С улицы позвонили.

На следующее утро в доме у сыщиков раздался телефонный звонок. Эванс поднял трубку.

Прошло две минуты. Эллиот зашел к Аткину в ванную.

- Ковач только что скончался в Портлендской тюрьме от кровоизлияния в мозг.

Джордж, Деннис, Вэлер, Томас

Всякие уродства и странности

Уж точно, что это выйдет антихудожественная вещь. Даже не знаю, с чего начать - это, кстати, потому, что я очень мало видел уродств.

Но одно уродство я точно видел. У моего друга - его зовут Петр, Петр Карлович, - есть автомобиль "Москвич-412". И Петр приделал к нему вместо "дворников" два фаллоса. Когда едешь в его машине, Петр Карлович включает привод, и по стеклу начинают ерзать эти дурацкие фаллосы. А сам Петр все время, пока они шатаются у него перед носом, просто захлебывается от хохота.

Другой мой друг, Себастьян Карлович, - очень известный в Грузии человек. Он - министр финансов. Так вот, у него есть странное хобби. Он ходит босиком по всяким свалкам и пинает ногами разный хлам. Он, даже когда просто идет по улице, всегда все пинает. Особенно он любит пинать кучки собачьего дерьма; он это называет "пнуть жабу".

У меня тоже есть странности. Например, я обожаю курить в транспорте. Особенно в автобусах. Когда мне удастся занять выгодное место у окна, я закуриваю. Курю я толстые черные сигары. Они очень крепкие, и после первой же затяжки я совершенно теряю контроль над собой. Я начинаю выть по-волчьи или выкрикивать фашистские лозунги. При этом я обычно беру на палец немного грязи с подоконника и рисую ею себе под носом, чтобы было, как у Гитлера.

То, что я вам рассказал, - это еще не все. Мне известны и другие примеры, но о них я расскажу во второй части.

Джордж

Сказка о кресте с шарнирами

Попросившись ночевать в одну из крайних изб, торчавших у самого леса, Ромуальд (Romoildes) и не думал, что его судьба сыграет с ним такую злую шутку. Двери ему открыла молодая девка, одна из тех, про которых на Руси принято говорить «кровь с молоком». На ней был поношенный полушубок, из-под которого невинно выглядывала на свет мужская сорочка.

- Ну, чего? - спросила она.

В ответ Ромуальд промывчал что-то вроде «Хозяйка, пусти переночевать».

Она, ни слова не говоря, повернулась и пошла в избу. Ромуальд неуверенно последовал за ней. Тертая лосиная шкура, свешивавшаяся с косяка и служившая пологом, обдала его запахом несвежего лесного гостя. Запах от шкуры был будь здоров, а ноги короткие. Из-за тонкой фанерной перегородки, пузырящейся от сырости, слышались голоса, звучащие глухо, как из-под одеяла. Хозяйка отдернула шкуру, и взору Ромуальда предстало крайне необычное сборище. За деревянным столом каплевидной формы сидели Ковач (Kowac), Незабудка Бебе, Суицид Достоевский (Dostoyeffsky Suicide) и молодой человек в спортивном костюме с томиком Толстого в руках. У дальней стены возвышался огромный резной золоченый крест. Когда гость переступил порог, взгляды присутствующих жадно впились в него.

- Так! - сказал Суицид. - Вот и он. Вот эта тварь! Буди распят!!!

Такого расклада Ромуальд предвидеть не мог. Он ринулся было к двери, но наткнулся на потную руку Создателя, выскочившего из темного угла комнаты. Ромуальд попытался заорать «SOS», но уперся носом в вязаный половик со следами пота немых тупней. Как его крутили, он не помнит, но мы вам расскажем. Его прибили гвоздями к кресту с шарнирами, устроенными в области поясницы и шеи. Ромуальд было начал сопоставлять себя со Спасителем, но тут его согнуло вперед, а голову развернуло влево. Холодеющими от ужаса губами он почувствовал пробивающую себе дорогу в недра елду Создателя. Чей-то пламенный хер пробрался также в имевшееся в кресте чуть ниже первого шарнира отверстие соответствующего диаметра...

Не прошло и минуты, как Ромуальд уже сидел за столом.
Шорох лосиной шкуры на двери заставил его оглянуться. В дверях стоял смущенного вида молодой человек.

- Так! - сказал Суицид. - Вот и он. Вот эта тварь! Буди распят!!!

Вэлер, Томас, Илья, 30.01.1999

Избранные экспромты [с купюрами]

Безумец выстругал поделку.
То был его живой портрет.
Портрет тот двигал челюстями
И делал страшные глаза.

Бывало, спать пойдет Иваныч,
Да тут его и стукнет сон.

В грязелечебнице ЧП вдруг:
Грязь хлынула к главврачу.
Главврач стоит, прижатый грязью
К другому главному врачу.

В зоологическом музее
Отпали яйца у слона.
Бегут зрители с корзиной
И говорят: «Какой кошмар!»

В какой-то миг мой разум сдался,
И я понёсся во кусты.

В медведе завелось нечто:
Поёт и целится в него.

В плену аборигенов стонет
Отважный Леонард Кокто:
Ему засовывают в ноздри
Пальто.

В поту проснулся Федр Игнатьич:
Приснилась жаба в гамаке,
С кальяном, в маминых серёжках
В ушах и в папином плаще.

В реакторе скончался техник,
Посаженный туда за то,
Что не хотел менять профессию
На обветшалое пальто.

В семье рабочего несчастье:
Родился новый пресс-папье.

В стогу сошлись бобер с енотом,
А два енота и бобер
В засаде были на енота,
А на бобра - бобер и ёж.

Весной у Фёдора запоры
От свежих ягод и грибов.

Вот в бане лопнули у Карла
Уж ягодицы от жары.

Вот в истребителе несётся
Медведь на вражеские пни.

Вот волосатые индейцы
Выходят, луки натянув.
Колумб им говорит: «Позвольте,
Хуи прикройте вы сперва».

Вот лётчик прыгнул с самолета,
Попал в болото нечистот.
Он думал, самолет в пожаре,
А самолет прекрасно сел.

Вот пробирается по лесу

Младая дева без штанов.
Из-за кустов за ней с улыбкой
Следит группа стариканов.
Та дева говорит: «Не надо!»
А старики: «Нет, надо, блядь!»
Хотим твою мы винограду
Нарвать, нарвать, нарвать, нарвать!»

Вот стал медведь какой-то странный -
Не ходит больше по лесам,
Весь скорчился в пруду под ивой
И шерсть пускает по воде.

Все прихожане удивились:
Вместо распятия стоял танк,
А наверху сидел полковник-
Мутант.

Ежи набились в труп медведя.
«Поехали, - кричат, - медведь!»

Иван Иваныч обосрался
И говно матом обложил.

Качайтесь в танце, Пётр Игнатьич,
Виляйте бёдрами, как блядь.

Когда же в третий раз Иваныч
Над огородом поднялся,
Соседи выхватили ружья
И сбили мразь.

Коней Иваныч ненавидел.
Увидит, как коня ведут,
Пристроится тихонько сзади
И хуем по коню стучит.

«Куда ты лезешь, обезьяна?» -
Медведю говорит сова.

Любил Иваныч незабудки,
А помнил только о говне.

На операции врач пёрнул
В мошонку прямо медсестре.

Настолько Пётр был прекрасен,
Что сам кончал он от себя.
Поэтому старался на ночь
Держаться дальше от зеркал.

Не беспокойтесь, я в порядке.
А вот взгляните на него:
С чего бы это у здорового человека
Обезьянье лицо?

От нестареющего вальса
Примяло Марфу к мужикам.

Парад безумств открыл Егорыч
Бравурным маршем на хую.

Представьте, Пётр Ильич, вы - суслик,
Сидите в норке день-деньской.
У вас в шерсти запутан галстук,
И ваш портфель набит травой.

Развесил в Рождество на ёлке
Медведь любимых егерей.

Развил в себе такую волю
Степан Игнатьевич Скворцов,
Что мог говно себе на шею
Класть без отрицательных эмоций.

Священник вместо «Боже правый»
Сказал случайно: «Ёб твою».
И вот с иконы полетели

В него очки и сапоги.

Такую страшную рассказку
Сказала бабушка внуку,
Что внук седой наутро вылез
И умер через два часа.

Учили милиционеров
Не реагировать на свист.
Однако два милиционера
От свиста кляли во штаны.

Хотел художник на мольберте
Святого Павла рисовать.
Мазнул два раза - блядь, да это
Какой-то глупый онанист!

Иваныч от крамольных мыслей
Закрыв лицо пальтом своим.

Летать? А надо ли, Карл Фролыч?
По мне так лучше не летать,
А носом уж в говне копать
И смрад зловонный испускать!

Блеснул Иван в кровавой драме
Зубами золотыми, блядь!

Раз в музыкальной школе Федор
Прижал тромбоном мать свою.

Иван Иваныч дом построил,
Огромный сумасшедший дом.

Авторы (в алфавитном порядке):
Ваннинг, Вэлэр, Денис, Джордж,
Илья, Корбук, Маша, Машчо,
Нэтти, Пегий, Рэнди, Томас.

extremum

Алексей Лапшин Модернизм. Нигилизм

Меня давно занимает тема соотношения различных типов нигилизма с духом времени. Я утверждаю, что существуют нигилизм и нигилизм, два явления полностью противоположных друг другу.

Вот наступил 21 век, новое тысячелетие, началась эпоха принципиально отличная от всего, что до сих пор знала история человечества. Тем, кому довелось родиться в 70-х – начале 80-х годов прошлого века, не говоря уже об их отцах и дедах, пришлось оказаться свидетелями смены исторических эр на земле. 2000 год, действительно оказался символической цифрой. После миллениума мир стал совершенно другим. Разумеется, произошло это не по мановению волшебной палочки. Новый мир – результат развития тенденций прошлого, которые на определённом этапе, совпавшем со стартом третьего тысячелетия, окончательно стали определяющими. Прежде всего, речь идёт об отказе так называемого цивилизованного общества от поисков смысла существования вне самого себя. Общество объявлено самоценным. Несогласные вытеснены на интеллектуальную и социальную обочину, а то и вовсе объявлены экстремистами. Люди, начавшие свою жизнь ещё при остатках идеократии в социумах, переместились в эпоху тотального метафизического скептицизма, тщательно скрываемого под гуманистическими лозунгами. Нам говорят, что человек это «всё», и одновременно ограничивают это «всё» удовлетворением биологических потребностей, выдаваемых за социальную самореализацию. Подобная промывка мозгов, конечно же, не является ноу-хау 21 века, однако ещё в прошлом столетии ей противостояли глобальные идеологические альтернативы. Сегодня они отсутствуют. Исключение составляет демонизированный радикальный ислам, ведущий локальные партизанские войны против установившегося миропорядка. Однако подавляющее большинство в силу пропаганды и собственного

менталитета воспринимает исламский радикализм как угрозу, а не альтернативу. Перелом в сознании сопровождается фантастически быстрым ростом научно-технического прогресса, всё более отделяющим человечество от его прошлого. История минувших веков как бы сжимается. Для современного подростка, проводящего дни у компьютера, умерший в 1953 году Иосиф Сталин, такой же далёкий и непонятный персонаж, как, например, Тимур Тамерлан. И один, и другой для него жители иной эры. Предвижу упрёк в обобщениях, но допускаю я их лишь для того, чтобы лучше обозначить суть описываемых процессов. То есть я хочу сказать, что в третьем тысячелетии цивилизация вошла в стадию, на которой её прошлое теряет свой смысл и культурное значение. Происходит смена цивилизационного кода.

В ситуации, когда метафизический скепсис определяет мировоззрение общества, проблема определения нигилизма становится очевидной. Что следует подразумевать под нигилизмом? Предельно критическое отношение к существующей реальности или трезвую жизненную позицию здравомыслящего обывателя, целиком принимающего законы социума. В первом случае, нигилизм понимается как своеобразный бунт идеализма против рациональности, во втором как отказ от всего идеалистического, иррационального, мешающего решению конкретных сиюминутных задач. При таком раскладе нигилистами могут быть названы и поэт, пытающийся вывести себя за рамки общества-спектакля, и топ-менеджер. Алина Витухновская и Глеб Павловский. Ясно, что сегодня необходимо говорить о двух разных нигилизмах. Нигилизме общества и нигилизме, не желающей растворяться в нём, личности.

Чтобы глубже вникнуть в проблему, предпримем небольшой экскурс в историю. Обратимся к первой половине 20 века. Именно этот период торжества модернизма в политике и культуре обеспечил окончательное утверждение техноморфной модели бытия, предполагающей функциональный подход к индивидууму. Однако здесь необходима принципиальная оговорка. Модернизм как социально-политическое явление и модернизм в культуре - далеко не тождественные вещи. Более того, модернизм в культуре часто является прямым отрицанием, бунтом против модернизма как социально-политического явления. Тем не менее,

это вовсе не означает, что модерн не представляет собой единого направления в человеческой истории.

Как это понимать? Дело в том, что начиная с эпохи Просвещения развитие модернизма есть ничто иное, как постепенное освобождение общества от традиции. Данную оценку в принципе разделяют как его сторонники, так и противники. Модерн разрушает монархии, резко ослабляет авторитет религий, утверждает естественнонаучное мировоззрение, раскрепощает человеческую сексуальность... Всё это одновременно и освобождает, и упрощает человека, лишает его макрокосмического измерения. Таков трагический парадокс модерна.

Культура, называемая искусствоведами обобщающим термином «модернизм», появляется уже на завершающем этапе уничтожения традиции. Возникает она в самом конце 19-го-начале 20 века и расцветает после Первой мировой войны. Ранее культура, за редкими исключениями вроде импрессионистов или Артюра Рембо, придерживалась традиционных форм выражения. Отказ от этих традиционных форм был следствием тотального неприятия технократического, утилитарного отношения к человеку и бытию, неумолимо утверждавшемуся в обществе. Здесь мы сталкиваемся с ещё одним парадоксом модернистской цивилизации. С одной стороны, её культура могла появиться только после разрушения основ традиции, с другой – именно разрыв с традиционными формами вызывал на первых порах жёсткую эстетическую, а часто и политическую конфронтацию между представителями «нового искусства» и социумом. Кстати, многие представители авангарда искали источники вдохновения в традиционных культурах. Достаточно вспомнить Эзру Паунда или лидеров сюрреалистов Арто и Бретона... Очевидно, этот поиск был попыткой осуществить настоящую «революцию смыслов» не только в культурном, но и в социальном пространстве. Не случайны и симпатии авангардистов к революционным идеологиям 20 века: фашизму и коммунизму. То, что эти движения также являлись частью модернистской цивилизации, выяснилось позже. Но это уже отдельная большая тема.

В конечном итоге модернистской культуре так и не удалось подорвать модернистское общество, что, естественно, никак не умаляет её заслуги. Тем более, не все представители культуры модерна ставили перед собой революционные цели. Были и те,

которые просто не верили в возможность переустройства социума, преодоления отчуждения. Некоторые вообще предпочитали заниматься чистым искусством. После Второй мировой войны, несмотря на сохранившуюся в значительной степени неполиткорректность, культура модерна становится признанной частью модернистского общества. Почему нигилистический бунт авангарда потерпел поражение? Думаю, иначе и быть не могло. Искусство модерна немыслимо вне контекста модернистского общества и потому никогда не было способно вырваться за его границы. Бунт всегда заканчивался, условно говоря, «чёрным квадратом».

Но вернёмся к дню сегодняшнему. Несомненно, человек, открыто критикующий основы современной цивилизации, теперь находится в гораздо более маргинальном положении, чем сто и даже пятьдесят лет назад. Будущее с той или иной долей оптимизма (пессимизма) воспринимается как вечно продолжающееся настоящее, прошлое становится всё более непроницаемым и чуждым. Что же остаётся не желающим подчиняться: отрицание отрицания, нигилизм не сдающегося одиночки против прохладного нигилизма общества? Вполне возможно, что иного уже не дано. И всё же есть шанс, за который стоит зацепиться. Политические и культурные альтернативы 20 века не смогли одержать победу, поскольку, несмотря на свой революционный запал, были блудными детьми модерна, всего лишь пытавшимися обращаться к иным, не модернистским ценностям. Настоящего разрыва с модернизмом у них так и не произошло, а значит рано или поздно их ожидало поражение от более целостной системы. Сейчас – совсем иная ситуация. Сам модерн стремительно уходит в прошлое и скоро вовсе станет архаикой. На смену ему пришёл фактически безальтернативный, но одновременно и истребляющий сам себя постмодернизм. Какова будет скорость этого самоистребления всё ещё не ясно. Понятно только то, что никаких исторических наследников у постмодерна не будет. Потенциал, господствовавшей последние несколько веков цивилизации, полностью исчерпан. Будет либо Конец, либо совсем другая история, дарящая новые возможности.

Миша Вербицкий Психоделическая революция и упразднение труда

0. Почему экстремизм?

*...Любая работа есть не более чем выполнение полицейских функций. Мы утверждаем, что существующие идеи и формы взглядов абсолютно ни на чем не основаны. Современное общество разделяется на леттристов и стукачей – полицейских осведомителей. Нет нигилистов, есть одни лишь импотенты. Распятие малолетних и злоупотребление наркотиками есть частность в наших общих усилиях по преодолению пустоты. Многие из наших товарищей – в тюрьме за воровство. Мы протестуем против кары, постигшей тех, кто наконец осознал **абсолютную ненужность труда**. Никаких разговоров об этом быть не может. Человеческие отношения должны быть основаны на страсти, если не на страхе.*

- Манифест Интернационала Леттристов, 1953, Париж

Общество, как никогда прежде, стоит на пороге уничтожения труда как товара. Повышением производительности труда уничтожается необходимость в труде как таковом. Как писали Ричард Хьюльзенбек и Рауль Хаусман в манифесте "Что такое дадаизм" (1921),

"Дадаизм требует...

Прогрессивного введения безработицы через посредство последовательной механизации всех сфер активности. Только безработица позволит индивидууму достичь убежденности в истине жизни и освоиться с опытом..."

Убежденности в истине жизни ищут многие, многие же и находят. Каждый находит в чем-то своем - необходимость видеть природу бытия так, как и прочие, умирает вместе с отмиранием труда как товара. Рабы индустриального общества, презренные

wage slaves рассматривают спектр взглядов искателей как единую точку и называют его носителей "экстремистами". Они неправы. Нельзя говорить об экстремизме маргиналов, когда творческое начало расы полностью маргинализировано. Экстремизм мертв. Мертвы и те, кто противостоят "экстремизму", не видя целой вселенной радужных расцветок, высвобождающей себя от пут астрального детерминизма. Детерминизма вынужденного труда, тотального рынка и массовых убийств.

Наши убийства будут строго индивидуальны. "Human relationships must be grounded in passion, if not terror."

1. Радио Свободный Альбемут

...работники устарелых, немыслимых профессий, аддикты еще не изобретенных наркотиков... черный рынок Третьей Мировой Войны... отрывочные ордера на арест, записанные стенограммой шизофреника, обвиняющие в непроницаемых насилиях над духом... бюрократы специальных отделов, чиновники несуществующих полицейских государств, лесбиянская карлица, освоившая в совершенстве операцию Бангутот, эрекцию легкого, удушающую спящего противника, продавцы оргонных накопителей и массажных машин, брокеры ослепительных снов и воспоминаний, испытанных на специально подготовленных клетках наркотической дурноты и обмениваемых на необработанное вещество воли... лихорадки океанского дна и стратосферы, лихорадки лабораторий и атомной войны... Место, где забытое прошлое и неродившееся грядущее сливаются в дрожащий беззвучный шум...

- У. С. Барроуз, Завтрак на Траве.

Тоталитарные государства сопутствуют тотальности бытия. Литература тотальности. Тотальность литературы. Тотальность литературного бытия. В романе Дика "Радио Свободный Альбемут", диктатор Америки, скопированный с Никсона и Гитлера (которые Дику были не различны), выискивает одного за другим

персонажей, достигших мистического просветления, и без суда и следствия уничтожает, заменяя копиями-подделками. Убийство духа есть главная тема американской литературы; убийство духа есть главная реальность американской жизни. О ком идет речь?

Барроуз, гарвардский выпускник, гомосексуалист и наркоман, убивший свою жену в пьяном упражнении в стрельбе, гуру и любовник Аллена Гинзберга, Керуака... Автор "Голого Завтрака", автор "Городов Красной Ночи", автор "Писем о Yage". Основатель литературы, как мы ее знаем.

Ф. К. Дик, автор больше 50 романов и нескольких сотен рассказов, большинство из которых если и издано при жизни автора, то тиражом меньше 1000 экземпляров... Нищий мистик и калифорнийский исследователь гностицизма... Мистические откровения Дика лягут в основу не одному десятку религий; его прижизненная неизвестность и посмертное признание сравниваются разве что с вангоговским.

Тимоти Лири, профессор психологии из Гарварда, автор тестов поведенческой адаптации, мистик и теоретик контркультуры. Раздававший ЛСД тюремным заключенным с целью их социальной адаптации, раздававший ЛСД студентам с целью их адаптации к неродившемуся обществу грядущего. Обществу равенства, тотального гедонизма и S.M.I.2L.E. - Space Migration, Intellect Increase, Life Extension (колонизация космоса, искусственное увеличение интеллекта и продолжительности жизни). Утопист.

Выкраденный из тюрьмы террористами Weathermen, укрытый от правительства террористами Черных Пантер Нации Ислама. "Tune in, turn on, drop out". Indeed.

Домашняя страничка Лири: www.leary.com.

Роберт Антон Уилсон. Священник пяти разных церквей, поэт, редактор Плэйбоя времен вьетнамской войны, основатель собственной религии и почетный Папа Церкви СубГения. Автор учебников по конспирологии, романов о квантовой физике, исследований о культе Богини и памфлетов против феминизма. Автор оперы "Вильгельм Райх в Аду" и оперы "Эйнштейн на берегу". Автор фильма "Reality is what you can get away with". Друг и соавтор Лири, Уилсон провел жизнь в разработке процедуры превращения индивидуума в богочеловека.

У. С. Барроуз и головоногие марсиане

Так получилось, что Америка 1950-х была грандиозным рынком бульварной литературы. Появилась возможность издавать книги, перпендикулярные или обратные общественным вкусам и потребностям: достаточно было нарисовать на обложке голую блондинку и несколько розовых марсиан. Это достаточно хорошо описано в книге Воннегута "Завтрак для Чемпионов". Таким образом были изданы все книги мистиков и провидцев Х. Ф. Лавкрафта и Роберта Е. Ховарда. Субкультура бульварной Sci-Fi и бульварных историй об убийцах и негодях легла в основу эстетики андерграунда 1960-х - эстетики таких писателей, как Барроуз, Норман Спинрэд и Ф. К. Дик. На протяжении 50-х и половину 60-х, Дик много писал - часто по несколько романов в год; романы эти были издаваемы тиражом в 800-2000 экземпляров, безграмотными издателями, специализирующимися по третьесортным поделкам. Все это позволяло Дику выжить - если бы не система бульварного ширпотреба с голыми бабами и головоногими марсианами на обложках, такая литература не выжила бы вообще.

Кроме помянутых мною китов андерграунда 1960-х, были и другие писатели, выросшие из традиций американской литературы "странных историй", книг Барроуза и психоделической революции 1960-х. Уже упомянутый мною Норман Спинрэд, автор классической (и гениальной) книги "Агент Хаоса", написанной в 1967, прямой наследник Барроузовской одержимости Хассаном-и-Саббахом, основателем ордена Ассасинов. У Спинрада, орден Ассасинов действует в 23 столетии, балансируя между орвеллианским Мировым Правительством и "демократической" оппозицией подполья, и вопреки желанию и тех и других развивая проект космической миграции. Роман полон оккультных рассуждений и кончается коллективным мистическим самоубийством всех положительных героев.

Спинрэд написал длинную полу-автобиографическую статью о влиянии Дика и Барроуза на андерграундную Sci-Fi и поместил у себя на homepage.

Другой писатель Барроузовской школы - Майкл Муркок. Известный в России по ужасающим переводам из его sword-and-sorcery книжек про Елрика и Корума, Муркок (в оригинале) заме-

чательный стилист и абсолютно безудержный писатель, критик и поэт. Помимо научной фантастики, Муркок написал не один десяток романов психоделически-исторического толка, и псевдо-Барроузианскую тетralогию про Корнелиуса, за которую получил много премий.

Самый же, пожалуй, радикальный писатель этой школы - это Дж. Г. Баллард. Автор рассказа "Why I Want to Fuck Ronald Reagan" (1967), приведшего к временному запрету на его книги, Баллард написал около 20 романов, частью научно-фантастических, в Барроузианском духе, а частью психоделически-клаустрофобных, с урбанистическим абсурдом и постоянными автокатастрофами. Баллард рассуждал о социальных последствиях виртуальной реальности в 1970, предсказал президентство Рейгана в 1967, писал о грядущем Армагеддоне и кошмарном браке секса и технологии в 1973. Прорицатель, психоаналитик, сюрреалист... Гибель человечества от жары и наводнения, гибель человечества от холода и кристаллизации, и 44 механических Президента Америки, марширующих под палящим солнцем в Неизвестное.

Несуществование всего Секретный Христос Ф. К. Дика

Филип Киндред Дик был, вероятно, грандиознейшим мистиком этого столетия. Поначалу, ему хватало написания десятка тысяч страниц абсолютно оторванной Sci-Fi. Научной фантастики, лишенной и грана научности, с персонажами, почти поголовно больными параноидальной шизофренией и считающими друг друга агентами враждебных цивилизаций. С реальностью, дающей трещины и течи, а временами разваливающейся по швам и соединениям. Дик писал так быстро, что не часто не успевал перечесть текста: отсюда поистине неописуемые повороты сюжета и концовки. Как всегда, прием определил философию: мир Дика зыбок, ирреален, и только через трещины и разломы в реальности проступает истина. Написав сотни страниц вынужденно гностической прозы, Дик превратился в гностика практикующего: мистическое озарение, проявившееся в виде вспышек непереносимо яркого розового света, лишило его зрения на неделю, и за-

ставило его прозреть к высшей реальности - на всю оставшуюся жизнь. Ф. К. Дику оставалось жить десять лет.

Эти десять лет Дик провел, пытаясь осмыслить увиденное. Результатом были его дичайшие, гениальнейшие тексты: трилогия "Валис", "Божественное нашествие" и "Трансмиграция Тимоти Арчера", бесконечный, до сих пор не напечатанный целиком оккультный текст "Экзегезис" и "Радио Свободный Альбемут". Дик доказывает, что грехопадения не было - было падение, вызванное путаницей между миром феноменологическим, миром астрального детерминизма и механической, материальной ирреальности, и миром высшей реальности, постижимым только через мистическое озарение. Мистическое озарение достигается через причащение Христом, который согласно Дику есть имя розового секретного психоделического гриба. Америка есть то же самое, что и древний Рим, поскольку история кончилась в 70 году нашей эры с падением Второго Храма, а все, что было между 70 BC и 1974 BC есть фальшивые воспоминания и интерполяция. "The Empire never ended". 1974 BC есть дата получения Диком озарения, и в этот же год Никсон подвергся импичменту, что по Дику соответствует евангельскому событию - разрушению Железной Тюрьмы. В Радио Свободный Альбемут, опубликованном посмертно, индивиды, получившие озарение, отловлены и убиты - Дик словно предчувствовал собственную кончину. Он умер на пороге богатства и славы, за несколько месяцев перед тем, как третьесортный фильм Ридли Скотта ("Bladerunner", по книге Дика "Do Androids Dream of Electric Sheep?") сделал его знаменитостью.

Связка миров в ладони: Алхимический Брак Тимоти Розенкранца

Что такое психоделическая революция? Легко сказать. Кельты по склонностям и темпераменту, англосаксы по воспитанию и научной выучке, Лири и Уилсон с друидическим рвением разрабатывали стратегию и тактику выживания индивидуума в обществе, враждебном индивидуальности как таковой. Было установлено, что в целях поддержания индивидуальности, реальность, которая есть не что иное как социальный и нейролингвистический конструкт, лежащий в основе перцепции мироздания, так

вот, эта самая реальность должна быть индивидуализирована, подогнана под индивидуальные нужды - добровольная шизофрения как из двух зол меньшее. Индивидуализация реальности, равно как телепатия, мистическое озарение, смерть эго, посещение летающих тарелок, причастие телом Христовым, и другие парапсихологические явления, может быть достигнута через развитие психофармакологии. К середине 50-х годов прогресс фармакологии, в виде выделения активной компоненты пейота и синтеза ЛСД, достиг высот вполне достаточных для революционной переоценки (и перестройки) реальности. В 60-е, отдельные коллективы хиппи (такие например, как коммуна Чарльза Мэнсона) имели опыт построения полностью альтернативных версий мироздания, с собственной мифологией и коллекцией поведенческих архетипов.

Лири видел в ЛСД средство открыть массам американцев (традиционно до предела, до злобной зубовности материалистичных) совершенно новый для них мир духовных переживаний. Еще будучи гарвардским профессором, он ставил эксперименты над заключенными тюрем, устраивая совместные приемы ЛСД. Его идеей было, что заключенные, соприкоснувшись с внутренним миром, в один момент исправятся. Так оно и вышло. На протяжении того времени, как Лири и его ученики продолжали контакты с участниками эксперимента, они совершали заметно меньше преступлений, чем контрольная группа. В смысле, не Лири со студентами совершали, а бывшие преступники. В смысле не совершали.

Позже, Лири оставил Гарвард и перебрался в Калифорнию, где пропагандировал психоделическую революцию среди студентов и богемы. Эффекты были потрясающие: как грибы после кислотного дождя, вырастали хипповские коммуны, артистические студии, группировки политических активистов. Уже, казалось, близко то время, когда ткань общественных отношений будет непоправимо разрушена и индивиды обретут свободу, внутреннюю (через создание собственных, разноцветных и яркоокрашенных видений реальности) а потом и внешнюю (через революционный процесс непротivления злонасилию). Не тут-то было. ЛСД запретили. По стране прокатилась волна политических убийств - убивали левых, пропагандистов, политиков, всех, у кого был шанс остановить безумную вьетнамскую компанию. Лири

посадили в тюрьму, у Ф. К. Дика разгромили квартиру и выкрали рукописи, демонстрации хиппи были разгоняемы слезоточивым газом и дубинками... Символами уходящей эпохи были Джон и Йоко, символами грядущей стали Баадер и Майнхоф.

2. Анархизм мертв: да здравствует анархия!

Упразднение труда, вытье в поддержку маркиза де Сада и черные розы революции.

...Вы, всегда подставляющий левую щеку - левую щеку задницы - а для нас, молодых и прекрасных, единственный ответ на страдание - революция. [...]

Спите крепко, фашистское насекомое. Купайтесь в жире. Сношайте с высшим светом (о как мы смеялись, когда вы ползали на пузе перед маленькой Елизаветой). Подыхайте быстрее: вам обещаны перwokлассные похороны.

Мы надеемся, что ваш последний фильм будет действительно последним.

Огни фотографов расплавили грим так называемого блестящего мима - и обраружили мрачного, бесчестного старика.

Убирайтесь домой, мистер Чаплин.
- Из памфлета "Довольно плоскостопия!"
(подписано)

Интернационал Леттристов:
Серж Берна, Жан-Л. Бро,
Ги-Эрнест Дебор, Жиль Ж. Вольман

*Снайперски точно нас делит рассвет,
Да готов приговор, да прощенья нет,
Да беснуются вербы и чернеет весна
Это мир исполняет свой долг, он зовется
Война.*

Роман Неумоев, ВОЙНА

Анархизм перестал быть актуальным с конца тридцатых годов, когда последние солдаты Буонавентуры Дурутти бросили оружие. Анархисты и мученики анархии (Махно, Дурутти, Сакко и Ванцетти) останутся в веках, но их идеи давно не представляют интереса. Колонна Дурутти ходила по Каталонии из деревни в деревню и разрушала дома и все на своем пути. Анархия - это разрушение, но разрушение бедных крестьянских жилищ ни в какое сравнение не идет с разрушением концептуальным - разрушением ценностей, идей и архетипов. Традиционные анархисты пост-Дуруттиевской эпохи представляют собой жалкое зрелище: столько усилий, столько организационного рвения потрачено на повторение деревенских проделок Махно и Дурутти, на объединение трудящихся в социальные структуры, призванные разрушать социальные структуры как таковые. Self-defeating.

Анархизм умер, а анархия живет. Анархию социальную (какой оксюморон!) сменила анархия онтологическая, ницшеанское разрушение всех и всяческих социальных концепций.

Политический теории дадаистов положили начало современной анархии. Дада напал на экономическое устройство общества и утвердил необходимость принципиально новой основы человеческих отношений. Творчество как основа цивилизации, тунеядство как основа творчества, и тотальная механизация производства как средство осуществления утопии. Тристан Тзара, один из ключевых дадаистов и сюрреалистов:

"Я обвиняю Америку в бесчестии нашей эпохи: прославлении труда, идиотской идеологии, основанной на поклонении материальному прогрессу и презрении к утопии и поэзии, ко всему, направленному на совершенствование человеческой души... Как не противостоять этому поветрию... наиболее разрушительным броском вперед - идеей, и самой творческой работой - тунеядством"

Дада породил сюрреализм, по совокупности обстоятельств абсорбированный сталинизмом; сюрреалистами эстетика дада была извращена, а политика - забыта. НО:

**Dada not dead
watch your overcoat**

Идеи такой живучести не умирают никогда. И в послевоенной, кризисной Франции, богемная молодежь возвращается к политике (или скорее, поэто-политике) дадаизма. Интернационал Леттристов - коллектив поэтов, художников и кинематографистов. Первой акцией леттристов был пикет перед залом, где был должен выступать Чарли Чаплин, незадолго перед тем изгнанный из Америки за его якобы коммунизм, с раздачей листовок "...фашистское насекомое... Убирайтесь домой, Мистер Чаплин". Леттристы полчаса держали дверь, не пуская публику, покамест не подвалили полиция и их всех не арестовала. Другой акцией леттристов была служба на Пасху в одном из кафедралов Парижа: переодетый священником леттрист говорил с кафедры о смерти Бога и был арестован и избит полицией.

На протяжении 1950-х, леттристы издавали журнал Потлач, где развивали тезис об искусстве будущего: искусстве ситуаций. Искусстве всеобщего творчества, где не может быть деления на "артистов" и "зрителей": любой зритель становится по определению соавтором. В разработке этой концепции был организован Интернационал Ситуационистов - наиболее влиятельная и концептуально революционная организация этого столетия. Ситуационисты систематизировали и популяризовали социальную критику леттристов. Систематизация и аккуратная презентация была завершена в журнале Internationale Situationniste и серии книг, из которых надо отметить "Общество Спектакля" Ги Дебора и "Революцию повседневности" Рауля Ваннегейма. "Happiness is a new thought in Europe".

Тексты ситуационистов любовно собраны на www.nothingness.org/SI/

Основным тезисом политики ситуационистов было концептуальное родство и неразличие двух систем, построенных на производстве, потреблении и тоталитарной несвободе - рыночной системы западного общества и госкапиталистической системы стран Варшавского договора. Потлач, одна из основных концепций Ситуационизма, был программой радикального разрыва с парадигмой производства-потребления, и перехода к обществу без экономики, где отношения основаны на страсти, игре и творчестве. Считалось, что с повышением производительности, роль

экономики в определении общественных отношений может и должна уменьшаться, до доли пренебрежимо малой.

Иллюстрирую это аналогией. Пусть в коммунальной квартире на 1000 семей есть один лишь общественный туалет, который содержится уборщицей Марфой Власьевной. Жители квартиры должны проводить 8 часов в сутки в очереди в сортир, с перерывом на обед, а Марфа Власьевна, распределяющая унитаза-минуты, есть непререкаемый лидер, источник и носитель власти. Такова есть жизнь производителя, с той лишь разницей, что унитаза-минуты заменяются на зеленые бумажки, а очередь в сортир на стояние у конвейера. Рост производительности следует уподобить установлению дополнительных унитазов.

В описанной мною квартире, установление 20 новых унитазов приведет к социальному потрясению и катастрофе. Уборщица Марфа Власьевна теряет непосредственный источник власти и должна прибегать к насилию, постольку, поскольку хочет эту власть сохранить, а жители квартиры, без железной управляющей руки, впадают в анархию, и высвободившиеся унитаза-минуты проводят в наркомании, дремучем сатанизме, скотоложестве и соvrращении несовершеннолетних.

Естественно, что в пост-индустриальном обществе этого не происходит: многократный рост производительности никак не сопровождается ослаблением экономического диктата, уменьшением рабочего дня и высвобождением рабочих рук. Наоборот, власти добиваются увеличения занятости и сокращения пособий по безработице и грантов на фундаментальную науку и искусство. Ситуационисты объясняли, почему и как это происходит.

Реальность существующего иллюзорна. Ф. К. Дик писал:

Мы живем в обществе, где фабрикация реальности непрерывно изготавливается СМИ, правительствами, корпорациями, политическими группами - и электронные машины переносят эти псевдо-миры непосредственно в сознание читателя, зрителя, слушателя...

Действительно, в моем примере с коммунальной квартирой я проигнорировал роль коммуникаций. Ситуационисты считали, что общество перешло в новую фазу - оно давно доминируется не продукцией и экономической неизбежностью, а средствами мас-

совой информации, которые фабрикуют нужду в экономическом росте, труде и производстве. Что такое реклама, как не фабрикация фальшивой необходимости в товаре? Общество спектакля есть общество, где фокус экономической активности смещен на создание потребностей. Люди давно уже потеряли свободу выбора, их сознание целиком подконтрольно - общество спектакля есть общество автоматов, по-муравьиному суетящихся в выполнении ненужных обязанностей. Тюрьма, охраняемая заключенными.

Ситуационисты разработали стратегию и тактику разрушения общественных отношений. Основными принципами была анонимность, отказ от интеллектуальной собственности, отказ от любой идеологии, подрыв устоев через дадаистскую практику парадоксов и партизанских нападений на основы цивилизации. "Идеология есть шизофрения", - писал Ги Дебор. Уголовники объявлялись стихийными ситуационистами: борьба против экономических устоев может, и должна, происходить через ограбления, стихийные бунты и вандализм.

В силу установки на анонимность, эффекты ситуационизма не всегда осознаются как таковые. Не всем известно, что французская революция 1968 года была спланирована и выполнена ситуационистскими коллективами. Так же не все знают, что так называемый "панк рок" был не более чем одной из политических (поэто-политических) акций ситуационистов.

Как это произошло? Легко сказать. Малкольм МакЛарен и Джейми Рид участвовали в революции 1968 года и издавали проситуационистские документы. Потом МакЛарен организовал модный магазин, пытаясь эксплуатировать рок-субкультуру. Магазин был переименован в "Sex", когда МакЛарен обнаружил, что эта среда весьма падка на радикализм и субверсию. Из числа случайной молодежи, работавшей или ошивавшейся вокруг магазина, МакЛарен набрал псевдо-музыкальную группу, впоследствии названную Секс Пистолз. Ни МакЛарен, ни ребята играть не умели, но это несколько им не мешало (абсолютное отсутствие музыкальных способностей не мешает МакЛарену и до сих пор выпускать симпатичные компакт-диски). Идея состояла в том, что "панк рок" станет первым ситуационистским видом музыки - без тоталитарного спектаклистского разделения на производителей-артистов и зрителей-потребителей. В одном из первых панков-

ских журналов было нарисовано, как играть три аккорда, и написано: "Усвоили? Теперь идите организуйте свою группу". Забавным и неожиданным эффектом было, что несмотря (или благодаря) такому безответственному отношению, панки и МакЛарен произвели огромное количество великолепной музыки - несомненно и больше и лучше, чем их профессионально-подкованные современники.

Панк-рок давным-давно был сожран спектаклем и превратился в сорт поп-музыки, играемый профессиональными музыкантами, выучившими наизусть все ноты в "Anarchy in UK", но к анархии вполне безразличными. Немалый здесь вклад и самих звезд панка - разжиревших и опустившихся музыкантов Секс Пистолз и Клэш. Это неудивительно: панк как идея абсолютно несовместим с институтом "звезд". Но идея панка жива, хотя и в разводе с музыкой.

Оригинальный панк был движим в той же степени музыкой, в какой самиздатом - отксеренными журнальчиками "zines". Для распространения панковских пластинок была организована независимая сеть магазинчиков и дистрибьютеров, которая послужила распространению самиздата. Таким образом первый раз в истории постиндустриального общества появилась возможность бесконтрольного распространения информации. Мир "zines" продолжает разрастаться - сейчас их издается несколько тысяч. Разумеется, Интернет послужил для самиздата благодатной почвой. Вот такие вещи бывают на сети (порядок и отбор намеренно случайный).

Profuse Discharge Entrails of the Pepsi Generation, что на www.retina.net/~heroin/pd.html. Журнал из Блумингтона, Индиана, издается с 1988. Саркастически параноидальный злобный футуристический технократский панк в лучших традициях "Answer Me!". "We're young, we're the best and the brightest, and we're extremely pissed off."

I Bleed For This? обретается на www.amherst.edu/~mcspinks/ibft/. Хамство, хулиганство, скандалы на Usenet и IRC - крайне агрессивные панки из Бостона. Интересны не столько сами по себе, сколько перепечатками из "Answer Me!".

Партия выжженной земли, www.armory.com/~crisper/Scorch/. Сторонники уничтожения всего. Четыре основных тезиса:

Идея "святости жизни" - шутка, смешнее не бывает
Ничего не приносит большего удовлетворения, чем насмерть
отдубасить идиота свинцовой дубиной.

Секса не хватит никогда
Мир будет ухудшаться, пока 90% населения не будет унич-
тожено.

Веселые ребята.
Много журналов, просуществовав пары лет на сети, исчеза-
ют. Вот совсем недавно еще был замечательный журнал Crank!,
давно исчез тоже хороший журнал ABRUPT... Ужасно.
Впрочем, ABRUPT удалось найти...

Радикализм панка и постпанка (индустриала, психоделии)
был систематизирован и весь издан группой RE/Search
Publications. Под именем Search and Destroy, Андреа Джуно и
Вэйл выпускали в 70-х один из первых панковских zines. Потом
они перешли к более монументальной продукции, и, в виде
RE/Search, выпустили около 14 книжек, по праву считающихся
классикой контркультуры.

Абсолютно классические, необходимые каждому тексты -

Настольная Книга Индустриальной Культуры, с интервью и
материалами об изобретателях индустриальной эстетики и фило-
софии - Throbbing Gristle, NON, SPK, Cabaret Voltaire...

книга о Барроузе, Гизине и Throbbing Gristle, с интервью
(включая интервью, взятые у Барроуза и Гизина участниками
Throbbing Gristle), стихами, рассказами Барроуза и тонной заме-
чательных фотографий

очень хорошие - Невероятно странные фильмы, о психотрон-
ном кино андерграунда: Russ Meyer, Ray Dennis Steckler...

просто хорошие - Pranks!, о стратегиях дада и розыгрышах,
совместный с Бойдом Райсом

Современные дикари, о татуировках, озарении через боль и
трайбализации

Дж. Г. Баллард, все о Балларде: интервью, фотографии, тек-
сты...

ну и многие другие: этакая энциклопедия контркультуры 80-
х.

Начиная с середины 80-х, анархия перешла в качественно
иную стадию. Анархия политическая давно сменилась анархией
онтологической, которая приобретает полиморфность и теку-
честь, сливаясь с конспирологией, оккультизмом, дискордианизмом,
правым радикализмом ополчений...

Антологией этого перехода стала книга Адама Парффри "
Культура Апокалипсиса", быть может, лучшая книга декады. Что
есть культура Апокалипсиса? Артист, в качестве художественно-
го акта отрезавший по случайному выбору части тела, долго вы-
ступавший по городам Канады, за жуткие деньги, перед аудие-
нцей богатых меценатов (перед выступлением #17, заключавшемся
в отрезании головы, были ампутированы пальцы на руках, ступ-
ня, яичко, глаз и много чего еще). Несколько разномастных чело-
векобожеств. Пробивание дырки в черепе с целью создания
третьего глаза. Религиозный маниак Рэйган, его попытки начать
войну с Россией для приближения пришествия Мессии. Уфоло-
гия, роль масонского символизма в убийстве Кеннеди, самолюб-
отомия... Критика общества через демонстрацию онтологической
язвы и критика общества через превознесение онтологических
язв... "хлопки в ладоши затихают... под автоматные очереди на
слышны аресты... we live at the end of time"

Вадим Климов Ситуационист Денис Евсюков

Забавно, что никто из так называемых аналитиков, будь то
журналисты официоза или сетевые борзописцы, не обратил вни-
мания на очевидную связь между пальбой майора Евсюкова и
сюрреалистической традицией.

Андре Бретон писал.

Простейший сюрреалистический акт состоит в том, чтобы с револьвером в руках выйти на улицу и стрелять наугад, сколько можно, в толпу.

Поступок Дениса Евсюкова заключался в следующем.

В ночь с 26 на 27 апреля 2009 года, Евсюков, убив напротив дома № 38 по Борисовскому проезду подвозившего его водителя Chevrolet Lanos Сергея Евтеева и пройдя через дворы к Шипиловской улице (Южный округ Москвы), вошёл в супермаркет «Остров». По пути в супермаркет, перед ним и внутри магазина он несколько раз открывал огонь, ранив 7 человек, один из которых скончался (кассир Эльмира Турдуева). До приезда милиции Евсюков продолжал стрельбу по сотрудникам и покупателям, выбирая в качестве цели молодых людей разного пола (самому старшему было 27 лет). Евсюков захватил в подсобке заложников и намеревался их расстрелять, но был обезврежен нарядом милиции.

Примечательно, что в качестве арены для своего сюрреалистического акта Денис Евсюков выбрал именно супермаркет. Дополнительная аллюзия, определяющая майора милиции еще и как ситуациониста.

Миша Вербицкий писал.

Ситуационисты разработали стратегию и тактику разрушения общественных отношений. Основными принципами была анонимность, отказ от интеллектуальной собственности, отказ от любой идеологии, подрыв устоев через дадаистскую практику парадоксов и партизанских нападений на основы цивилизации. "Идеология есть шизофрения", - писал Ги Дебор. Уголовники объявлялись стихийными ситуационистами: борьба против экономических устоев может, и должна, происходить через ограбления, стихийные бунты и вандализм.

Супермаркеты... скопища ненужных товаров и людей. Люди, унифицированные до покупателей... в любом случае бессмысленно говорить о правах единиц общества потребления или, более широко, общества спектакля.

Остается с сожалением наблюдать нападки на ситуациониста Дениса Евсюкова. Очевидный конфликт интересов: ожиревшие современники хотят только одного - еще большего потребления, а он – сюрреалистической революции на крови случайных прохожих.

Кто победит?

Глупый вопрос. Майор Евсюков осужден на пожизненное лишение свободы как маньяк Чарльз Мэнсон, а потребители с мелким обывательским злорадством штурмуют супермаркеты, пока еще не ставшие аренами сюрреалистических актов.

В фильме другого сюрреалиста Луиса Бунюэля "Призрак свободы" есть замечательная сцена. Респектабельный мужчина открывает стрельбу по прохожим из окна высотного здания. Через какое-то время его задерживают. Суд соглашается с доводами обвинения и объявляет подсудимого убийцей. После чего заседание объявляется закрытым, и все, включая осужденного, устремляются к выходу.

Обвинение без наказания.

Однако, признанный виновным Денис Евсюков не избежал наказания и был упрятан за решетку, подальше от мирных обывателей.

Жак-Андре Буаффар, Поль Элюар и Роже Витрак писали в предисловии к журналу "Сюрреалистическая революция" #1.

Сюрреализм - это перекрёсток чарующих сновидений, алкоголя, табака, кокаина, морфина; но он ещё и разрушитель цепей; мы не спим, мы не пьём, мы не курим, мы не нюхаем, мы не колемся - мы грезим; и быстрота ламповых игл вводит в наши мозги чудесную губку, очищенную от золота.

Майор Денис Евсюков грезил под чарующий дуэт алкоголя и пистолета Макарова, друга всех сюрреалистов.

персонажи

Маргарита Кривченко

Яркий и непосредственный как шизофрения

Вот перед нами человек – назовем его Ман. Ман глубоко несчастен, и мы пытаемся узнать почему. Он сидит, мы видим две его ноги, живот и голову в очках. Ман пьет вино. Кажется, что он один. Когда он начинает говорить, кажется, их становится больше. Два человека, скорее два персонажа, неистово атакуют друг друга. Ман всегда говорит о самом себе. Когда Ман говорит о самом себе, он обращается к истории этого персонажа, делает выводы. Возможно, Ман говорит об этом с нами, но это не очевидно. Иногда нам кажется, что Ман говорит о ком-то другом, потому что мы представляем самого Мана иначе, к тому же мы замечаем постоянные противоречия в его рассказе о самом себе, и будь на его месте кто-то другой, мы могли бы уличить его во вранье или, по меньшей мере, в необъективности, но не Мана. Противоречия не могут относиться к Ману, потому что он не один у себя внутри. Если Ман говорит, что он не ест и при этом жует, если по дороге к наркодельцу он рассказывает, что оставил наркотики, если Ман сообщает, что мог запомнить несколько тысяч строк программного кода по десятку операндов каждой, мы не спешим укорять Мана во вранье. Ман не линеен, а множественен. Возможно, кто-то из них врёт, но скорее всего это не тот Ман, который говорит. На самом деле Ман кристально честен.

У Мана есть мозг и есть посредник, раб, тело. Мозг Мана занят изучением того, что натворил посредник. Поэтому Ман говорит о себе в прошедшем времени. Мы не можем понять, есть ли у раба мозг, но по словам Мана мы знаем, что он занят деятельностью, довольно активен, частенько не послушен и выкидывает коленца. Отвратительное существо этот второй Ман, тело Мана, раб Мана. Время от времени они разговаривают друг с другом. Ман стремится быть искренним, в этих вопросах он крайне щепетилен. Может быть, поэтому беседы протекают болезненно.

...и вот, что интересно: удалось приблизиться к своему альтер-эго и начать беседовать, уже осознанно.

Это существо считает себя сверхмощным опытным ангелом, который знает все, и "не даст демону обмануть себя".

Поговорив ещё немного с этим альтер-эго, я ТАК ЗАЕБАЛСЯ от беседы, мне стало так противно, тошно, что я продолжил читать и заниматься какими-то делами.

Только не слушать это дерьмо, не заниматься им. Как отвратно...

Надоев самому себе, Ман стремится общаться с другими людьми. Но у самого Мана нет ничего, кроме сознания, поэтому он не может обойтись без своего раба и поручает общение ему, как и все остальные дела. Посредник, как обычно, все портит. Тело Мана поставляет испорченные сигналы, искаженные образы, и если Ман представляет нас в дурном свете, то всему виной не злая сущность Мана, а отсутствие сущности, хотя бы и злой. Ман очень честен, но ревнив. Если у Мана заводится друг, то один из субъектов, представляющих Мана, остается в стороне, его отрешают от жизни. Друг может прорваться в мозг Мана, минуя посредничество. Ман не может этого вытерпеть. Ман жалуется на крушение личности, злосчастному другу предъявлены обвинения, ведется тяжба с другом, анализируются отношения с рабом. Каждая из сторон терпит фиаско.

Когда мне говорят «привет» доброжелательно, я испытываю панику.

Я могу общаться, я переживаю и чувствую всё то же самое, что и любой развитой человек, мне знакомы дружба, взаимовыручка, сострадание, но всё это доходит до меня как далёкое эхо. Я потерялся.

Я говорю «здравствуйте» через несколько суток после того, как поздоровались со мной.

Ман стремится общаться. Он желает встретиться с нами, чтобы обсудить некоторые изменения своей личности. Самая занят-

ная тема. Вряд ли можно обсуждать что-то еще с тем же интересом. Как угодно часто. Он желает встретиться с нами, обсудить, но наше присутствие на встрече совершенно формально, мы можем быть в любом качестве – отвернуться к стене, заниматься сексом, читать книгу, молчать. Наша роль в общении с Маном вещественна – быть обломком интерьера, к которому можно приложить своего двойника, привести его в действие. Мы не можем понять, кто говорит и к кому обращаются. Мы хотим узнать Мана, мы говорим с ним о его внутреннем обиталище, мы хотим посмотреть на причудливый мир девиантного сознания, но попадаем в затхлый смрад закупоренного бачка, в котором и сидит наш Ман. Собственный мир Мана узок и герметичен. Поведя носом, мы резко ощущаем недостаток свежего воздуха.

Ман будто сидит в чуланчике. Он сам себе яркое солнце, и в этом свете препарирует собственную внутренность, тщательно ее разглядывая. Солнце выжигает в мозге Мана спонтанность, свежесть, непосредственные удовольствия. Мы не можем причислить Мана к нарциссам, так как пристальное внимание к себе доставляет ему неизменную боль. Ман вскрывает в себе бесконечный поток уничтожения. Ман живет во внутреннем Бухенвальде. Он организует свой личный ад так, чтобы боль ощущалась как можно острее. Он трогает реальность исключительно своей болью.

Я радуюсь, когда ко мне возвращается боль - потому что это и есть душа. Боли нет только у уснувшего сознания.

Когда мне больно - я живу. Я не могу быть безучастным актёром никому не нужной игры.

Мне больно за все мои недалёкие приоритеты, мечты, цели, ошибки, мне больно за собственную дешевизну... мне больно за мелочность, за злобу, грязь и бред.

Ман ненавидит общество. Мозг Мана в контакте с обществом не участвует, а посредник то и дело попадает впросак. Ману приходится расхлебывать его дела, изнывая от боли. Ман то и дело меняет место работы и занятие. Когда он устраивается на работу, то ощущает себя болванкой общественных нужд, когда он уволь-

няется с работы, то становится никем - вещью, не нужной самой себе. Общество ненавистно и его следовало бы уничтожить с той же жестокостью, с какой Ман привык уничтожать сам себя. Но ведь Мана в обществе нет, а двойник, этот бестолковый, лживый и беспомощный болванчик, который шныряет по улицам, ни на что не способен.

Люди из района, (которых я знаю) быстро меня задушат, я давно стал бесплатным цирком для толпы подонков (несколько человек из района и случайных). Меня всегда можно найти и поглумиться.

Мать только довольна (хотя я не понимаю чем, не понимаю, как вообще можно радоваться загнанному состоянию другого человека).

Мне кажется, что если я дам кому-нибудь сдачи, меня тут же посадят в тюрьму или отправят на принудительное лечение (припомнив нарко), либо человек, которого я ударил, насмерть забьет ногами, или найдёт людей, готовых лжесвидетельствовать, которые скажут, что первый напал я, и я буду выплачивать непосильные и несправедливые денежные штрафы.

Посреднику предоставлена полная свобода, хотя и под строжайшим контролем. Устраиваться на работу, увольняться с работы, писать картины, вкалывать героин, покупать ботинки, смотреть кино. Он соприкасается с обществом, пропитывается его вонью, и этим противен, скуден и скучен. Мозг Мана не видим, не понимаем и замкнут в себе, и этим омерзителен, скуден и скучен. Их война никогда не стихает, атака за атакой, поражение за поражением, вот так в Мане бурлит жизнь. Пока двойник устраивает дела с миром, хозяин играет в игры своей фантазии. Он постепенно отбрасывает от себя все, что лежит с нашей стороны действительности, как выеденное, импотентное старье. Ман – чистюля, Ман педантичен и тщателен.

Чему бы не пытался обрадоваться - я понимаю, что это уже было, и нет ни одной тусовки, которую я хотел бы вспомнить или обсудить.

К чему бы ни шёл мой ум, я готов сказать "я это уже обсудил, это было". Я не буду по второму разу обсуждать всё то, что перетёрли десять лет назад. Изжевали в труху.

Мне скудно. Я очерствел, высох. Я испытываю в основном болезненное раздражение. Любые мои нормальные обычные человеческие чувства лежат где-то на самом дне меня, и не доходят до действительности.

Например, Ман хочет поехать на дачу. На берегу реки, с крутого косогора открывается прекрасный вид. Цветут ромашки, щебечут летние птицы, веет ветерок. Ман привез с собой хороший кусок чистого гашиша. Он садится на травку и наслаждается вспышками в мозгу. Ман хочет ощущать непосредственно, своим мозгом, как-нибудь придушив неотвязного посредника. Он использует изощренные способы для возбуждения восприятия. Христианство, наркомания, затем мазохизм, снова наркомания, гомосексуализм. Ничего не хватает надолго. Он чувствует, что можно быть человеком без прямого контакта с окружением, где ему понятна каждая пылинка. Его локальная вселенная больше любой другой. Ман может творить любые объекты посредством своего мозга и контактировать с ними, но он не был бы самим собой, если бы эта затея удалась. Естественно, она провалилась.

Я провёл опыт: я сел перед экраном монитора, и моя рука сама нарисовала некую фигуру на экране (крест). Я охуел от ужаса - это была абсолютно чуждая воля (я воспринял свою волю как чужую). Плюс я не знал, что делать. Я привык разглядывать иллюзии всю жизнь... Тогда я создал из своего разума бога, спасение, покаяние и прочее, "увидел свет" и т.д., как я выяснил недавно, сам устроив сеанс геишталт-терапии, в котором говорил с собой от лица "света". Авария развивалась так: я решил, что пусть я всегда буду рядом с собой, но так чтобы не понимать, что это я, тогда постоянное присутствие заменит мне

одиночество. Фактически у меня остались только страсть и слова - а это уже действительно смерть.

Эта конструкция развалилась через пару лет, тогда я просто стал себе любовью, это оказалось ещё хуже...

Ман нашел изощренную пытку: определить в жизни нечто главное, а затем убедиться, что у него этого никогда не может быть. Или еще большее: что у него это было когда-то, в безоблачной легкомысленной юности, но он безвозвратно все потерял. Например, творчество и свобода. Ман был склонен рисовать, писать и фотографировать, выплескивая собственное пронзающее видение. Ман создал группу творцов, себе подобных, для занятий искусством. Назвал ее группой энтузиастов. Все кончилось крахом, творцы разлетелись, личность Мана рухнула в свои тартарары, в изысканной муке потери.

Я знаю, что воображение - самое ценное и важное из того, что у меня было. Худшее из всех зол. Что со мной приключилось: я потерял дар, который был для меня всем. Я понял, что у меня было, что для меня значило воображение, только тогда, когда во мне всё рухнуло. Вернуть воображение - это не в человеческих силах. Максимум, что может дать полноценный душевный порыв - это иллюзию.

Самая важная задача для Мана – обрести себя. Найти себя, собрать себя из обломков, вылепить личность. Что-то крепкое и устойчивое. Но что у него есть в качестве материала? Есть простейшее тело с назойливой физиологией, есть осметок космического разума, горящий в лаве, мучимый изощренными пытками во внутренней преисподней. И два этих жалких куска-недоноска требуется соединить в одно цельное, а затем встроить в общество, прокисшее от земли до неба. Вот так задача.

...хотя я хотел бы научиться стрелять по ублюдку в людях, по выкидышам в людях, а не слушать лопотанье тех, кто является скорее укором этому обществу. Если говорить о моём опыте созерцания

/сумасшедшего/ человека, сумасшествие относительно, и настоящее безумие процветает в болоте за стенами моей больницы. Я могу быть там, хотя и не могу оценить истинность своих мотиваций.

Ман склонен стать каждой из своих частей, но все они не могут помещаться в одном месте. Если воскресает один, то умирает другой. Тогда он хочет стать чем-то снаружи, тем, что воспринимает, но это оказывается еще хуже. Слиться со всем и стать всем – каждой снежинкой в небе, единым богом, тождественным лишь Ману, - тогда будет только все, все будет мертво, там не будет Мана. Возможно, следует стать меньше всего, чем можно быть, отрезать все смыслы и направления, остаться смутной, предельно абстрактной фантазией о самом себе, - и опять Ман никто, он теряет себя. «Быть или не быть» не являются альтернативами, если есть одно, то сразу же появляется и другое. Ман живет, только если осознает, что он мертв. Ман свободен, если окончательно затравлен внутренним бухенвальдом. Таков баланс поддержания адского пламени в чуланчике Мана. Чехарда экзистенции.

Я могу, конечно, сказать, что мой жизненный крах - это случайность (потерю своего пути, будущего, потерю перспектив и возможности к обучению и развитию, потерю целого мира - я считаю крахом). Я могу опереться на жалкие слова о том, что я ни в чём не виноват, и с таким же успехом под огонь случайных стечений жизненных обстоятельств мог попасть кто угодно. И мой разум пострадал просто от случайных травм и потрясений. Я могу считать выходом надежду, что меня поймут, простят, пожалеют и дадут пропитание и оставить любые попытки самостоятельно думать, и плыть по течению.

Тогда ошибка, что я всё ещё жив.

Мы звоним Ману, желая узнать, как идут дела. Ман отвечает, что болен. Последние три недели Ман болеет простудой.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Истории, рассказанные Маном

1. Заморочка

Последние месяцы я проходил в кроссовках. Эта была моя единственная обувь "для всего".

В какой-то момент выяснилось, что "для всего" одни кроссовки не подходят.

Методом исключения я пришёл к тому, что мне нужны полуботинки мужские чёрные.

К делу я подошёл с настоящим размахом. Сначала я потратил вечер на изучение ассортимента магазинов «Обувь 21-ого века» в их интернет-магазине. Я сидел с ручкой и бумажкой, кликал мышью по товарным позициям, задумывался иногда, и делал записи в блокноте. Отсев добрую сотню моделей обуви, я нашёл несколько, которые показались мне подходящими, и переписал их артикулы. На следующий день на работе я ещё раз пересмотрел отобранные модели. Убедился, что нахожусь в сознании. Убедился, что все отобранные полуботинки мне подходят, и после того, как часы пробили окончание рабочего дня, я поехал за покупкой. И сделал абсолютно говённый и не подходящий на данный момент мне выбор.

В номинации «военизированная обувь» купленные ботинки, вне всякого сомнения, лучшие. Классические. "Гетта-грип", чёрные, матовые, со шнуровкой, с твёрдой подошвой из нестираемой полу-резины, полу-пластмассы, тоже чёрной, со стаканом, в дизайне ничего лишнего. Производство - Польша, в продаже давно не было. Отличные, но неподходящие.

На самом деле, мне были нужны ботинки полу-классика полу-спорт, больше классика. Ботинки, которые подходят для всего, для чего не подходят кроссовки. Работа-кино-музей-театр-ресторан-собеседование и прочий цивил.

Когда я приехал домой, я осознал тяжесть своей покупки с новой силой. Мой мозг проигрывал один и тот же ролик, судорожно выясняя, на каком этапе я совершил ошибку. Видеоролик "вот я сижу за компом и выбираю обувь, вот я открываю дверь, захожу в магазин, вот делаю ненужную покупку и ухожу" причинял мне поистине физическую муку. Каждый раз я с новой силой

оценивал тяжесть последствий своего деяния и представлял лишения, которые теперь меня ждут.

Утром следующего дня я поехал в филиал «Обуви 21-ого века» на Войковскую, чтобы заменить необдуманно приобретённые "гетта-грип" на другую обувь. На месте я занялся изучением и сравнением имеющейся там обуви. И какие ботинки я не нашёл, они не подходили мне по тем или иным параметрам. Одни ботинки устраивали внешне, у них была хорошая нестирающаяся подошва, но внутри у них был мех. (Я не признаю ботинки с мехом - если будет совсем лютый мороз, я лучше надену шерстяной носок, к тому же, если меховые ботинки один раз промокли, - они будут вонять.) Другие ботинки устраивали во всём, но зато у них была подошва из мягкого прозрачного геля с полостями внутри - в таких не проходить и полгода - гель быстро стирается, мягкую подошву легко пробивают камушки, и в результате они быстро выходят из строя. Другие были и чёрные, и полуботинки, и подошва ничего, но внешний вид меня удручал - много лишнего, а я люблю минималистичный дизайн.

В результате, через мои руки прошёл с десяток пар обуви. В конце концов, я остановился на одной единственной модели, которая почти прошла по всем требованиям.

Это оказались чёрные полуботинки, со шнуровкой, с матовой кожей, с двойной прошивкой, с подошвой из твёрдого монолитного геля. Оценив и чуть не просветив их рентгеном, я нашёл выбранный объект удовлетворительным.

Покидая магазин, я решил провести работу над ошибками, рассмотрев всё, с момента принятия решения о покупке, и заканчивая получением удовлетворительного результата.

Вопрос: Во-первых, для чего мне вообще нужны вещи?

Ответ: Для реализации моих духовных и физических потребностей.

Вопрос: Какие вещи я выбираю, какие требования можно предъявить к вещам?

Ответ:

1) Они должны способствовать реализации моих замыслов.

2) Они должны приносить эстетическое удовлетворение.

Итак, полуботинки, которые я купил.

Они цивильные, чёрные, немаркие, без дурацких выебонов, с подошвой вроде как из правильного материала - не мягкая, не сотрётся за сезон.

Да, они не идеальны. Да, они не делают меня королём всех лемунов в радиусе километра. Это просто относительно качественные ботинки, кажется прочные.

В принципе, это я и хотел.

Итак, в скрижали можно занести следующее правило выбора и пользования ботинками: всё многообразие жизненных ситуаций и погодных условий исчерпывается кроссовками и цивильными полуботинками. **ЭТО НЕОБХОДИМЫЙ И ДОСТАТОЧНЫЙ НАБОР ОБУВИ.**

Впрочем, это не единственный вывод, который я сделал.

Я огорчился тому, что действовать меня заставил отрицательный стимул (НЕОБХОДИМО, НАДО для дела), который породил цель, которую я добился методом перебора, измотав себе нервы, и потратив двое суток.

Я получил посредственный результат. Я нашёл ботинки, которые хотя бы не ранят мой мозг. Они меня не радуют и не калечат.

Что ещё?

Те же самые «гетта-грип», военизированные, которые я купил сначала, будь у меня лишние деньги, или кожаное пальто и каска СС, я бы оставил, как элемент образа. Они и впрямь хороши, и мои чувства боролись с обусловленным формальностями намерением, когда я нёс покупку назад в магазин. Так джедаи сдают мечи.

...а ещё, что?

А ещё вот что: в переборе и в формальном подходе к жизни нет вдохновения, а озарения слишком спонтанны и непрактичны, и баланс найти очень сложно. Так же, как найти свой образ и адаптироваться социально, оставаясь при этом самим собой.

2. Сценарий ненависти

Я проиграл сценарий ненависти к оперу, который превысил свои полномочия в моём отношении.

"Что было бы, если у меня была власть".

Я снарядил бы пару ВДВ-эшников, и под моим руководством они сделали бы следующее:

Выяснил бы, на какой местности работает этот опер.

Настиг бы его, когда он находится при исполнении своих обязанностей, например, задержал кого-то и конвоирует.

Прямо на улице ВДВ-вэшники начали бы его прессовать в следующей последовательности.

Сначала бы подошли, остановили бы его и попросили бы его отойти с нами и "поговорить".

Вне зависимости от его согласия или несогласия отойти, тут же слегка надавали бы ему по морде. Так, чтобы спровоцировать ответную реакцию, злость. Выбили бы из рук табельное оружие при необходимости, отняли бы и разорвали удостоверение, раздавили рацию.

Все действие сопровождали бы угрозами, не раскрывающими мотивов своих действий, общими фразами.

Как только у объекта воздействия проявилась бы ответная реакция в виде злости, ответных угроз, вот тогда можно приступить к следующей фазе.

Уже более серьёзные побои. Несколько бросков об асфальт, о неровности, там, где есть бордюрный камень или ступеньки и сложно ему сгруппироваться при падении. Во время этого действия нужно добиться появления гематом на голове, конечности и бока не в счёт. После каждого броска наблюдать уровень агрессивности объекта. Добиться того, чтобы он "успокоился".

После этого я бы приказал сломать ему рёбра. Не все, несколько. И отпустить.

Начальство этого опера предупредить о том, чтобы оно не вмешивалось. Сказать, что бы передали, что ты рассердил серьёзных людей, и за это тебя "прессанули".

Но на самом деле на этом сценарий не кончается, ведь объект оставлен в живых и вполне работоспособен - пара сломанных ребер не в счёт.

Ему будет нужнолизывать раны и какие-то деньги. Он начнёт "пасть" на той же местности. Ходить по известным ему точкам и маршрутам.

Нужно подождать, пока его рёбра начнут заживать. Пара недель.

После этого поймать его опять на улице, опять при исполнении и сломать ему рёбра вторично. Выяснить, где и что у него сломано, не нужно, просто повалить и пройти по груди и нижнему отделу грудной клетки.

Вот уже после этого, пока он будет лежать дома и лечиться, следует "навестить" его комнату в его отделении милиции и посмотреть, что у него в сейфе и т.д.

Почти у любого опера есть незарегистрированный конфискат - наркота и прочее. Это незаконно. Дело следует передать в отдел по борьбе с должностными преступлениями. Дальше государственный механизм добьёт его сам.

Если у него есть жена или мать, их тоже избить, пока он лежит беспомощный. Ничего им не ломать, просто для психологического воздействия.

Вот такой сценарий.

3. Надменный югославский миллионер

Вариант с надменным югославским миллионером.

Миллионер, предприятие-лабиринт, подчинённые миллионера - молчаливые послушные юниты, они идут вокруг него - рядом - куда бы он не направился. Они слушают приказы, но не точно, временами дело доходит чуть ли не до потасовки, хотя понятно, что рукоприкладством начинает допрашивать жопу (кто, бля, кто???!), иступленно пинает её ногами, жопа молчит или издаёт бредовые звуки, почти все, кто попадает на пути - пытаются съебаться, миллионер торопит своих подчинённых, в конце концов, его сажают в машину и отнимают ботинки. Миллионер говорит что-то, сопровождая слова жестами ("пальцы веером"). Машина уезжает.

4. Что я делаю в облаках и как я там оказался

С культурой нужно покончить как можно быстрее. Слова Ленина, промедление смерти подобно, вполне уместны в данном случае.

Содержание номера

микро	Вступление	2
	Разные авторы. Нарезка avisual	3
	666. Стихи	10
	Тимофей Хохлов. фаворит лиги сломанных кукол / бутерброд Мёбиуса	15
	Abrahas. По-моему, я был влюблен	17
проза	Вадим Климов. Дискуссионный клуб	19
	Станислав Курашев. Отсутствие переговорных устройств между жизнью и смертью	47
	Маргарита Кривченко. Михаэль задавил женщину	63
мертвый текст	Луи-Фердинанд Селин. MEA CULPA (пер. с фр. Э. Гальего и С. Юрьенена)	78
	Шарлотта Бурилли. Пустой Мавзолей (пер. с фр. К. Бебер)	92
	неизвестный автор. Почему? (пер. с нем. А. Ботева)	99
архив	Mindless art group. Ежи набились в труп медведя. Антология	100
extremum	Алексей Лапшин. Модернизм. Нигилизм	117
	Миша Вербицкий. Психоделическая революция и упразднение труда	121
	Вадим Климов. Ситуационист Денис Евсюков	135
персонажи	Маргарита Кривченко. Яркий и непосредственный как шизофрения	138